



И. IV. 293¹⁻²⁰

1^м VI

III
IV. 293¹⁶

ВЫБОРКА ИЗЪ СВѢДѢНІЙ

ДОСТАВЛЕННЫХЪ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

МОСКОВСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ

по

РАСПОРЯЖЕНІЮ РИЖСКАГО АРХІЕПИСКОПА

АРСЕНІЯ.



81314

МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Крестовоздвиженскій пер., домъ Лиснера.
1896.

ВЫБОРКА ИЗЪ СВѢДѢНІЙ

ДОСТАВЛЕННЫХЪ

ИМПЕРАТОРСКОМУ

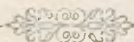
МОСКОВСКОМУ АРХЕОЛОГИЧЕСКОМУ ОБЩЕСТВУ

ПРАВОСЛАВНЫМЪ ДУХОВЕНСТВОМЪ

ПО

РАСПОРЯЖЕНІЮ РИЖСКАГО АРХІЕПИСКОПА

АРСЕНІЯ.



19535



81314

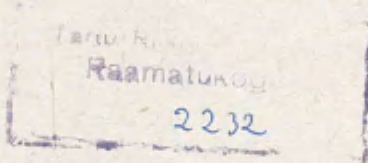
МОСКВА.

Типографія Э. Лиснера и Ю. Романа, Воздвиженка, Креетовоздвженскій пер., домъ Лиснера.
1896.

Печатается на основании постановления Императорскаго Московскаго Археологическаго Общества.

Председатель Графимя Уварова.

Лт. В



Рижско-Градская Благовѣщенская церковь.

Свящ. Георгія Вахрамѣева.

Рижская градская Благовѣщенская церковь стоитъ на правомъ берегу рѣки Западной Двины, недалеко отъ Двинскаго вокзала, въ началѣ Московскаго предмѣстья г. Риги, гдѣ издавна селилось русское населеніе г. Риги и гдѣ находится русскій го-стинный дворъ. Въ просторѣчій Благовѣщенская церковь называется большею частію Николаевскою, или по придѣлу въ честь святителя и чудотворца Николая, или, вѣроятнѣе всего, по преданію, ибо еще до присоединенія Прибалтійскаго края къ Россійской имперіи существовала въ г. Ригѣ русская церковь во имя св. Николая Чудотворца. Церковь эта стояла, по преданію, на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится домъ Общества „Ресурсы“ (на Ратушной площади). Полоцкіе епископы присылали сюда священниковъ. Въ ней совершалось богослуженіе лишь лѣтомъ, когда въ Ригу пріѣзжали русскіе купцы съ верховьевъ Западной Двины, торговавшіе въ Рижскомъ портѣ¹⁾. Въ Актахъ западной Рос-сіи²⁾ подъ 1544 годомъ упоминается о церкви св. Николая въ Ригѣ, какъ уже о существовавшей въ то время. Во время введенія реформаціи въ Ливонію она была разорена и занята протестантами, какъ это видно изъ мирнаго договора московскаго царя Іоанна Грознаго съ послами Ливоніи въ 1554 году, по которому Нѣмцы-рыцари должны были очистить русскія церкви въ Дерптѣ, Ригѣ и Ревелѣ³⁾. Какъ долго про-существовала эта церковь, неизвѣстно, но во время большого пожара въ г. Ригѣ 21 и 22 мая 1677 года, истребившаго весь русскій конецъ города, ея уже не было.

Въ 1715 году на гласисѣ бывшей рижской крѣпости была построена русскими торговцами деревянная церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы съ при-дѣломъ во имя св. Николая Чудотворца⁴⁾. Въ 1744 году по случаю сооруженія но-выхъ укрѣпленій вокругъ города Риги, церковь эта была разобрана до основанія и изъ матеріаловъ ея была построена на Московскомъ форштадтѣ, на православномъ клад-бищѣ, часовня съ наименованіемъ Всѣхсвятской церкви. Для Благовѣщенской же церкви было отведено ея настоящее мѣсто, гдѣ въ то время былъ русскій рынокъ и склады

¹⁾ Сборникъ матер. и статей по исторіи Прибалтійскаго края, т. III, стр. 21.

²⁾ Т. II, стр. 403.

³⁾ Акты зап. Россіи, т. II, стр. 341.

⁴⁾ Прибалт. Сборникъ, т. III, стр. 502.

товаровъ русскихъ купцовъ, которые не имѣли тогда еще права селиться и торговать привозимыми товарами въ самомъ городѣ и портѣ, а должны были продавать свой товаръ нѣмецкимъ купцамъ; отсюда и церковь Благовѣщенія до 30 годовъ текущаго столѣтія называлась „Русско-рынской Благовѣщенскою церковію¹⁾ На семь-то мѣстѣ заложена была въ томъ же 1774 году деревянная церковь во имя Благовѣщенія Пресв. Богородицы, окончена и освящена въ 1778 году, а въ 1795 году при ней былъ особо устроенъ придѣлъ во имя святителя и чудотворца Николая²⁾. Но церковь эта просуществовала недолго. Въ 1812 году, во время отечественной войны, по случаю приближенія непріятеля къ городу Ригѣ, по распоряженію военнаго начальства, весь Московскій форштадтъ былъ выжженъ со всѣми находящимися на немъ постройками. Во время этого пожара сгорѣла и Благовѣщенская церковь съ тремя церковными домами, въ коихъ помѣщался причтъ. Церковная утварь, цѣнныя вещи и иконы въ серебряныхъ окладахъ были спасены и хранились въ городской ратушѣ, но колокола, ризница и драгоценный архивъ церкви сгорѣли³⁾.

1814 года, іюня 10 дня, на мѣстѣ сгорѣвшей церкви была заложена новая деревянная, на каменномъ фундаментѣ, церковь во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, съ придѣлами святителя и чудотворца Николая и преподобнаго Сергія, радонежскаго чудотворца. На постройку сей церкви было отпущено правительствомъ 80.000 руб. ассигнаціями и собрано среди прихожанъ и жителей города Риги 35.000 руб. Смѣту и, должно быть, планъ составилъ рижскій городской архитекторъ Шульцъ. Въ началѣ 1818 года постройка храма была окончена и 14 мая высокопреосвященнымъ Евгеніемъ, архіепископомъ Псковскимъ и Лифляндскимъ, былъ освященъ главный храмъ во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы, а 16 мая (того же года) имъ же освященъ былъ правый придѣлъ во имя святителя и чудотворца Николая. Придѣлъ же во имя преподобнаго Сергія Радонежскаго освященъ былъ позже архимандритомъ Псковскаго Печерскаго монастыря Венедиктомъ⁴⁾. Церковь сія существуетъ и до сего дня. Построена она въ византійско-романскомъ стилѣ; въ два свѣта, о пяти главахъ; главный куполь поддерживается восемью колоннами внутри главнаго храма. Деревянная колокольня построена въ связи съ храмомъ и нижній ярусъ ея служитъ папертью для храма. Нынѣшній иконостасъ храма сооруженъ въ 1858 году; иконы же въ иконостасѣ всѣ прошлаго столѣтія, новаго письма. Только храмовая икона святителя и чудотворца Николая въ придѣлѣ стариннаго новгородскаго письма. На томъ же образѣ святителя и чудотворца Николая въ придѣлѣ виситъ на мѣдной цѣпочкѣ *складень-кіотъ*, неизвѣстно кѣмъ пожертвованный. Складень безпробнаго серебра, длины 2 дюйма, а ширины $1\frac{1}{2}$ дюйма; вверху вырѣзано изображеніе Пресвятыя Троицы, а на дверцахъ вырѣзаны изображенія архангеловъ Гавріила и Михаила; внутри кіота помѣщается деревянный въ сребропозлащенной ризѣ образъ Божіей Матери „Всѣхъ Скорбящихъ Радость“.

¹⁾ Клар. вѣд. за 1812 годъ.

²⁾ Клар. вѣд. за 1812 годъ.

³⁾ Клар. вѣд. за 1812 годъ и реестръ сгорѣвшимъ вещамъ.

⁴⁾ Указъ Псков. консисторіи отъ 10 іюня 1818 года, № 1141.

Изъ утвари церковной обращаютъ вниманіе два покровца и воздухъ старинной топкой работы, шитые шелками и серебромъ. На одномъ изъ покровцевъ вышитъ по срединѣ шелками и серебромъ Спаситель, благословляющій хлѣбъ и вино, вверху Богъ Отецъ, а по угламъ — херувимы; на поляхъ цвѣты, а на краяхъ серебромъ надпись: „Ядый Мою плоть и пійй Мою кровь во Миѣ пребываетъ и Азъ въ немъ, рече Господь“. На второмъ покровцѣ Богомладенецъ Исусъ Христосъ на дискосѣ и два ангела, осѣняющіе его рипидами; вверху Богъ Отецъ и исходящій изъ Него Св. Духъ; по угламъ евангелисты; на поляхъ цвѣты, а по краямъ надпись: „тѣло Христово пріимите, источника безсмертнаго вкусите“. Воздухъ представляетъ собою плащаницу: по срединѣ вышито положеніе Исуса Христа во гробъ; около главы Господа Богоматерь, въ ногахъ Іосифъ Аримаѳейскій, кругомъ: Марія Клеопова, Марія Магдалина, Іоаннъ Богословъ и Никодимъ; вверху Богъ Отецъ съ исходящимъ изъ Него Святымъ Духомъ; по угламъ четыре тетраморфы; на поляхъ цвѣты и тропарь „Благообразный Іосифъ“. Воздухи неизвѣстно кѣмъ и когда пожертвованы.

Бархатные воздухи, шитые золотомъ, съ изображеніемъ святыхъ, коихъ имена имѣло семейство жертвователя И. П. Бочагова. На одномъ покровцѣ по срединѣ вышито Благовѣщеніе Пресв. Богородицы, а по угламъ святые: праведная Анна и Евдокія, мученица Надежда и Марія Египетская, св. Николай Чудотворецъ и мученица Стефанида, св. Никита, архіепископъ Новгородскій, и преподобный Нилъ. На второмъ изображены по срединѣ Воскресеніе Христово; по угламъ преподобный Сергій, св. митрополитъ Петръ, св. Іоаннъ Златоустъ и святитель Николай. На третьемъ воздухѣ по срединѣ изображено положеніе Исуса Христа во гробъ, вверху Господь Саваоѳъ, а по угламъ четыре Евангелиста и между ними херувимы.

Въ книгохранилищѣ Благовѣщенской церкви находится Евангеліе, напечатанное въ Вильнѣ въ 1574 году, при митрополитѣ Іоупѣ.

Прочія принадлежности храма, какъ-то: иконы, священные сосуды, книги, археологическаго интереса не представляютъ.

Торговля сношенія г. Риги по рѣкѣ Западной Двинѣ съ княжествами Смоленскимъ и Полоцкимъ начались почти съ самаго ея основанія. Русскіе купцы съ бассейна Западной Двины ежегодно весною прибывали въ Ригу для торга и осенью обыкновенно возвращались домой. Но многіе изъ нихъ находили выгоднымъ селиться въ Ригѣ и быть постоянными жителями города. Съ теченіемъ времени число ихъ до того увеличилось, что ихъ дома и лавки составили въ городѣ русскій конецъ, находившійся въ улицѣ и нынѣ называемой Русскою¹⁾. Эти-то первые русскіе поселенцы г. Риги составляли приходъ древней Николаевской церкви, изъ прихода которой впоследствии образовался приходъ Благовѣщенской церкви. По торговому договору, заключенному въ 1229 году Мстиславомъ Давидовичемъ Смоленскимъ съ рижскими купцами отъ имени себя и князей Полоцкихъ и Витебскихъ, русскимъ купцамъ предоставлена была полная свобода торговли въ г. Ригѣ, равно какъ и нѣмецкимъ купцамъ въ союзныхъ княжествахъ, такъ что Нѣмцы имѣли свою контору въ Полоцкѣ, просуществовавшую до начала

1) Прилож. къ № 240 Рижск. Вѣстн. за 1884 г.

XVI вѣка¹⁾. Во время войнъ Іоанна Грознаго съ Ливоніей, а затѣмъ съ подчиненіемъ Риги власти Шведовъ, русское населеніе Риги сильно убавилось, такъ что при вступленіи русскихъ войскъ въ 1710 году въ Ригу не оказалось ни одной православной церкви. Къ этому времени уже окончательно окрѣпли формы общественной жизни г. Риги. Жители г. Риги и его предмѣстій, которыя въ то время не причислялись къ городу, раздѣлялись на три класса: гражданъ, негражданъ и иноземцевъ. Граждане раздѣлялись кромѣ того на три сословія: 1) магистратъ, къ которому принадлежали городскія власти и ученые, 2) купцы или граждане большой гильдіи, которые имѣли исключительное право покупать товары изъ первыхъ рукъ отъ иноземцевъ или съ кораблей и полученные товары продавать иноземцамъ, 3) ремесленники, или граждане малой гильдіи, которые имѣли исключительное право на производство своего ремесла, такъ что кромѣ нихъ никто не могъ промышлять тою работою, которою они занимались. Негражданами были всѣ тѣ лица, которые не были приняты въ число гражданъ и промышляли нѣкоторыми мелкими дозволенными промыслами и ручною работою. Хотя неграждане не входили въ составъ городской общины, которую составляли только вышепоименованныя три сословія гражданъ, но имъ было дозволено, какой бы націи и религіи они ни были, владѣть въ городѣ и его округѣ землями и домами. Иноземцами назывались всѣ тѣ лица, которыя селились въ Ригѣ *изъ другихъ городовъ Россіи* или изъ иностранныхъ земель и не вписывались въ здѣшнее гражданство или купечество. Иноземцы не могли вести мѣстнаго торговаго или заниматься ремесломъ. Они могли продавать только оптомъ и только мѣстнымъ гражданамъ свои товары и покупать товары для вывоза только отъ мѣстныхъ гражданъ; но не могли перепродавать ихъ ни иностранцамъ, ни гражданамъ. Они не имѣли права владѣть въ Ригѣ на правѣ собственности ни домами ни землями²⁾. Такъ какъ доступъ въ рижское гражданство былъ весьма затруднителенъ, то почти все русское населеніе г. Риги, какъ пришлое изъ другихъ городовъ, принадлежало къ иноземцамъ и селилось на форштадтахъ, преимущественно на Московскомъ. Въ такомъ положеніи русскіе торговцы находились до царствованія Императрицы Екатерины II. Назначенный ею прибалтійскимъ генераль-губернаторомъ графъ Юрій Юрьевичъ Броунъ во многомъ улучшилъ положеніе русскихъ торговцевъ, въ 1772 году онъ построилъ гостинный дворъ для русскаго купечества на Московскомъ форштадтѣ, а въ 1778 г. пеньковые амбары или „буянь“.

Съ введеніемъ общаго городского положенія, русское населеніе г. Риги получило равныя права съ гражданами городской общины; каждый могъ свободно записаться въ любое сословіе гражданъ города, платя опредѣленную подать съ доходовъ. Сверхъ того многіе изъ русскихъ купцовъ теперь охотно стали селиться въ Ригѣ, такъ какъ Рига была свободна отъ воинской повинности. Форштадты превратились въ части города, въ которыхъ дозволялось содержать лавки и производить торговлю³⁾. Почти все торговое русское населеніе г. Риги попрежнему сосредоточивалось на Московскомъ предмѣстьѣ, около Гостиннаго двора и составляло приходъ недавно выстроенной (1778 г.)

¹⁾ Прибалт. Сборн., т. II, ст. Нѣм. Копт. въ Полоцкѣ.

²⁾ Прибалт. Сборн., т. I, записки Нейендала.

³⁾ Прибалт. Сборн., т. I, записки Нейендала.

Благовѣщенской церкви. Какъ великъ былъ приходъ Благовѣщенія въ то время, за утратою исповѣдныхъ росписей, опредѣлить нельзя. Все же населеніе г. Риги простиралось до 28.000 человекъ, въ томъ числѣ было 14.000 Нѣмцевъ, остальные 14.000 падаютъ на Русскихъ и Латышей¹⁾. Въ запискахъ Нейендаля сообщается любопытный фактъ, что въ то время нѣкоторые изъ русскихъ купцовъ затѣяли плачь: взять отъ города въ аренду всѣ кабаки и винокуренные заводы и представили его въ Петербургъ, гдѣ ходатайство ихъ однако не было уважено²⁾.

Въ 1797 году было отмѣнено городское положеніе и восстановлено прежнее управленіе г. Риги съ раздѣленіемъ гражданъ на 3 сословія: магистратъ, большую или купеческую гильдію и малую или ремесленную гильдію.

Населеніе Благовѣщенскаго прихода съ 1801 по 1809 годъ постоянно возрастало и въ послѣднемъ году достигло 1880 душъ; съ 1810 по 1812 сильно понижается и упадаетъ до 386 душъ. Это уменьшеніе населенія естественно объясняется отечественной войной 1812 года, предъ наступленіемъ которой были усиленные наборы рекрутъ и ратниковъ ополченія, да и самая война не мало способствовала сему; 17 іюня Рига была объявлена на осадномъ положеніи, и много народа выѣхало изъ города въ уѣзды; 7 іюля было выжжено Митавское предмѣстье, а 11 іюля — Петербургское и Московское³⁾. Съ 1813 года населеніе снова начинаетъ увеличиваться и въ 1850 году достигаетъ 3542 душъ, а съ иногородными 4029 душъ (не считая раскольниковъ).

²⁾ Приб. Сборн., т. I, стр. 37.

³⁾ Прибалт. Сборн., т. I, стр. 371.

¹⁾ Приб. Сборн., т. I, стр. 453.

Рижская Александро-Невская церковь.

Свящ. Василя Бердскаго.

Официальные данные, хранящиеся в Рижской Александро-Невской церкви начинаются с 1797 года. Приходъ, изъ котораго впоследствии образовался настоящій Александро-Невскій, назывался до 1825 года Живоносно-Источникимъ, по престольному храму въ честь Живоноснаго Источника Божіей Матери, построенной въ 1731 г. Церковь эта, послѣ одновременныхъ перестроекъ и исправленій, существовала до 1812 г., когда, по случаю приближенія непріятеля вмѣстѣ съ форштадтами была сожжена. Находилась она, по преданію старожиловъ и письменнымъ даннымъ¹⁾, на нынѣшней Николаевской (прежде Евфонійской) улицѣ, на углу Николаевской и Гертрудинской, гдѣ нынѣ домъ Пистолькорса, а самое мѣсто бывшей церкви занято садомъ нынѣшняго домовладѣльца.

Отъ прежней Живоносно-Источницкой церкви не осталось никакого слѣда, и только церковные документы да нѣсколько святыхъ иконъ и другихъ церковныхъ предметовъ, находящихся въ нынѣшней Александро-Невской церкви, говорятъ о ея существованіи. Изъ церковныхъ документовъ усматривается, что со времени уничтоженія пожаромъ Живоносно-Источницкой церкви причтъ ея былъ прикомандированъ для богослуженія къ кладбищенской Покровской церкви, впредь до построенія своей особой церкви.

Настоящая церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго устроена въ 1825 году.

Отъ Живоносно-Источницкой церкви перешли въ Александровскую сохраненныя отъ пожара *восемь иконъ*, изъ которыхъ 6 уставлены въ особыхъ трехмѣстныхъ иконостасахъ за правымъ и лѣвымъ клиросами главной церкви и двѣ въ верхней придѣльной церкви, по иконы эти весьма не древнія и помѣчены 1793 и 1800 годами.

Въ верхней Срѣтенской церкви: на горнемъ мѣстѣ *икона Божіей Матери*, всѣхъ скорбящихъ Радости, въ $2\frac{1}{16}$ арш. длины и $1\frac{1}{16}$ арш. ширины и *икона Архистратига Михаила*, 15 вершк. длины и 16 вершк. ширины; въ серебряной ризѣ, вызолоченной; вверху иконы — коронованіе Божіей Матери въ маломъ видѣ.

Обѣ эти иконы стариннаго письма и, повидимому, очень древнія.

1) См. Brotre, Denkmäler.

Изъ той же Живоносно-Источницкой церкви имѣется *Крестъ небольшой*, немного болѣе 5 вершковъ длины и 3 вершка въ поперечникѣ, съ изображеніемъ Христа распятаго, предстоящихъ Господа Саваоа вверху и исходящаго изъ Него Духа Святаго въ видѣ голубя, внизу главы Адамовой и орудій страданій Христовыхъ; на задней сторонѣ выгравированы имена 30 святыхъ, мощи которыхъ положены въ крестъ¹⁾. Судя по изображенію и шрифту надписи, надо полагать, что крестъ этотъ древній.

Отъ второй половины XVII вѣка сохранился *ковшъ* для теплоты, серебряный, вызолоченный, чеканной работы, продолговатый съ выбитыми внутри ковша изображеніями виноградныхъ кистей, двуглаваго орла подъ короною; съ ручкою на одномъ концѣ и литымъ ангеломъ на другомъ. Внутри, по срединѣ ковша, медальонное изображеніе Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ; кругомъ этого изображенія надпись въ двѣ строки: 1-я строка болѣе крупными буквами: „AR: EP: SAh: Se: AP: L: MAX CAND: D: C“; во 2-й строкѣ: „Confug(imus?) sub tuum praesidium“. На двѣ ковша съ наружной стороны изображеніе католическаго епископа въ полномъ священномъ облаченіи; внизу фамиліный гербъ, а кругомъ надпись: „S: (sanctus?) Rudbertus. EPS (episcopus!) Salisburg 1674 года“. Вѣсу въ ковшѣ 20 лот. Упоминаемая мѣстность Salisburg не есть ли до настоящаго времени существующее въ Эстляндской губерніи, близъ г. Пернова, мѣстечко „Залисбургъ?“

Изъ книгъ имѣются: 1. *Большой Требникъ*. Годъ изданія не обозначенъ (нѣтъ заглавнаго листа). На первомъ послѣ корешка бѣломъ листѣ есть надпись, что книга эта принадлежитъ церкви Живоноснаго Источника, помѣченная 1760 годомъ. Но самый Требникъ гораздо старше. Это видно изъ того, что на ектеніяхъ (напримѣръ, въ началѣ чина крещенія) поминается: „о патріархѣ нашемъ (имркѣ)...“ и далѣе: „о благочестивѣшемъ, тишайшемъ самодержавнѣйшемъ и богохрапимомъ государѣ нашемъ и великомъ князѣ (имркѣ)... и о благородныхъ царевнахъ“. Требникъ отличается тѣмъ, что въ немъ находятся такіа чинопослѣдованія и молитвословія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ позднѣйшихъ требникахъ. Напримѣръ, молитва на отверженіе храма, отъ еретиковъ осквернишагося (гл. 39); тоже отъ языкъ осквернишагося (гл. 40). Послѣдованіе, егда крестъ творитъ священникъ на страсть недуга со святымъ коніемъ (гл. 101). Здѣсь же находится и слово Іоанна Златоуста, во св. великій четвертокъ и его же слово въ день Пасхи и др. Всего главъ въ Требникѣ 109. Списокъ имевъ святыхъ (въ концѣ книги) составленъ по алфавиту греческому, а не по славянскому.

2. Другой *Требникъ* — въ 4-ку временъ Анны Іоанновны.

3. Книга „*Жезлъ*“ — съ посвященіемъ патріарха Іоасафа царю Алексѣю Михайловичу. Посвященіе это начинается такими словами: „Благочестивѣйшему, тишайшему

¹⁾ Пророка Данила; 2) Іоанна Предтечи; 3) Андрея Первозваннаго; 4) Лазаря Четверодневнаго; 5) архидіакона Стефана; 6) Василия Великаго; 7) Григорія Богослова; 8) Іоанна Златоустаго; 9) Георгія Побѣдоносца; 10) Петра митрополита; 11) Алексія; 12) Іоны; 13) Филиппа; 14) Димитрія Солупскаго; 15) Сергія чудотворца; 16) Θεодора Тирана; 17) Θεодора Стратилата; 18) Тихона чудотворца; 19) Царя Константина; 20) Князя Владиміра; 21) Александра Невскаго; 22) Максіма Блаженнаго; 23) Іоанна Многострадалнаго; 24) Лаврентія преподобнаго; 25) Арсенія Трудолюбиваго; 26) Часть креста Господня; 27) великомученика Пантелеймона; 28) Нила Столбенскаго; 29) преподобнаго Исаакія; 30) Аванасія затворника Печерскаго.

самодержавнѣйшему великому государю царю и великому князю Алексію Михайловичу всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержцу и многихъ царствъ, княжествъ и земель восточныхъ, западныхъ, сѣверныхъ и южныхъ отчичю, дѣдичю, паслѣднику и обладателю — Іоасафъ милостию Божіею патриархъ...“

4. *Пращица духовная* — къ вопросителемъ раскольническаго мудрованія, также 1-е изданіе.

5. *Евангеліе учительное*, изданное при патриархѣ Адріанѣ 1697 года.

6. *Отечникъ*, или патерикъ, московскаго изданія 1759 года.

7. Священное *Евангеліе*, по вся дни чтемое по зачаламъ, съ толкованіемъ св. блаженнаго Феодорита. Москва 1748 года.

8. Рукописная *служба* благодарственная по поводу *Полтавской победы*. Есть позднѣйшая надпись съ датю 1754 года.

9. *Послѣдованіе молебныхъ пѣній*. Москва 1708 года.

10. *Анѣлологіонъ* — изд. 1706 года. Вполнѣ сохранившаяся книга.

11. *Обиходъ нотный*, рукописный, съ испорченными первыми листами; очень старинный.

Что же касается церковно-богослужебныхъ книгъ, изданныхъ въ царствованіе Екатерины II, то ихъ очень много въ рижской Александро-Невской церкви.

12. Едва ли не самымъ замѣчательнымъ въ историческомъ отношеніи предметомъ изъ числа другихъ, принадлежащихъ рижской Александро-Невской церкви, можно считать хранящійся въ церковной библиотекѣ *Лицевой синодикъ или помянникъ*. Въ виду того, что Императрица Елисавета Петровна поминается въ числѣ живыхъ и что внукъ ея Великій Князь Павелъ Петровичъ внесенъ въ синодикъ уже позднѣйшею рукою, нужно относить происхожденіе этой книги къ половинѣ XVIII столѣтія. Синодикъ, уже существовавшій нѣсколько десятковъ лѣтъ, въ 1786 году посвященъ священникомъ Спиридопомъ Александровымъ Тихомировымъ Государынѣ императрицѣ Екатеринѣ II въ благодарное воспоминаніе о воспослѣдовавшей въ этотъ годъ прибавкѣ жалованья российскому духовенству гг. Риги, Ревеля и „прочихъ къ нимъ принадлежащихъ“. Посвященіе дышитъ сердечностью и искренностью. Закачивается оно слѣдующими знаменательными словами „...то и записалъ я недостойный священникъ Спиридонъ Александровъ Тихомировъ своею многогрѣшною рукою, а кто причтетъ сіе моей глупости, въ томъ я предъ Богомъ правъ буду, благоразумный же не оставитъ помянуть и меня грѣшника“.

Синодикъ начинается „Увѣщаніемъ люботщательному православному читателю о предисловіи въ книгу синодикъ, о пособіи мертвымъ“. Увѣщаніе написано печатными буквами на двухъ страницахъ красиво и четко. Первая страница имѣетъ красивую виньетку, исполненную перомъ и красками. Затѣмъ на двухъ страницахъ слѣдуетъ вышеупомянутое посвященіе о. Тихомирова. Далѣе на 13 страницахъ изложено предисловіе, въ которомъ съ подробностью изложены доказательства въ защиту православнаго догмата о поминовеніи усопшихъ и сдѣлано объясненіе различныхъ обрядовъ и предметовъ, до поминовенія усопшихъ относящихся. А потомъ уже начинается и самый синодикъ въ собственномъ смыслѣ, т.-е. запись именъ живыхъ и умершихъ. О

здравіи и спасеніи записано только четыре имени и всѣ царскія. На 1-мъ листѣ стоитъ имя Императрицы Елисаветы Петровны, второе имя — наслѣдника ея, внука Петра перваго, благовѣрнаго Государя, и Великаго Князя Петра Θεодоровича, третье имя — супруги его благовѣрной Государыни и Великой Княгини Екатерины Алексіевны и, наконецъ, четвертое имя (приписанное позже) благовѣрнаго Государя и Великаго Князя Павла Петровича. На другой страницѣ однимъ изъ членовъ причта уже Александроневской церкви записаны для поминовенія лица царствующаго дома, начиная съ Государя императора Александра II. Поминовеніе за упокой начинается также лицами царскаго рода, отъ царя Іоанна Васильевича IV до Елисаветы Петровны и Анны Петровны включительно. Затѣмъ слѣдуютъ ряды именъ патріарховъ (8), митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ (съ позднѣйшими приписками). Наконецъ, на 22 страницахъ синодика, записано до 3000 именъ лицъ разнаго званія — для поминовенія за упокой; первая дата въ этомъ отдѣлѣ помѣчена 1768 годомъ, послѣдняя 1862 года.

Выше сказано, что описываемый синодикъ *лицевой*. Въ немъ находятся 32 рисунка относящіяся до поминовенія усопшихъ исполнены отъ руки чернилами или тушью и раскрашены, несомнѣнно русскаго происхожденія и, нужно отдать честь художнику, исполнены замѣчательно хорошо, особенно, если имѣть въ виду тѣ средства, которыя находились подъ руками у доморощеннаго художника. Подъ каждою картиною подпись (кромѣ трехъ) по большей части въ стихахъ.

Въ виду того, что синодикъ можетъ быть переданъ Александровскою церковію во вновь открытый въ г. Ригѣ Археологическій Музей, я позволю себѣ не дѣлать описанія каждой картины въ отдѣльности.



Церковь Успения Пресвятой Богородицы, въ крѣпостномъ замкѣ въ Ригѣ.

Рижская Замковая, скорѣе домовая, нежели приходская, церковь во имя Успения Пресвятой Богородицы, особаго освященнаго зданія или храма не имѣетъ. Въ 1710 г. была обращена въ православную лютеранская церковь, находившаяся со временъ Плеттенберга въ замкѣ, на правомъ берегу Двины. Она была освящена во имя Успения Божіей Матери и предназначалась для генераль-губернатора и крѣпостной артиллеріи, въ то время находившейся въ вѣдѣніи рижскаго магистрата¹⁾. До іюля 1871 г. церковь сія находилась по южному фасаду замка рядомъ съ католическимъ костеломъ во второмъ этажѣ, гдѣ нынѣ находится канцелярія губернскаго управленія; въ настоящее же время она помѣщается по восточной лицевой сторонѣ замка въ 3—4 этажѣ, надъ губернскимъ правленіемъ. Вновь освящена 28 февраля 1872 г. преосв. Веніаминомъ, епископомъ рижскимъ, при генераль-губернаторѣ князѣ Багратионѣ.

¹⁾ „Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края“ 1879 г., Рига, стр. 502 и слѣд. Нѣсколько болѣе свѣдѣній о рижскихъ православныхъ церквахъ находится въ монографіи преосвященнаго Павла, епископа олонецкаго, издашпой въ Псковѣ въ 1872 г. подъ заглавіемъ: „Кое-что изъ прежнихъ занятій псковскаго епископа Павла. О православіи между Латышами и Эстами въ Прибалтійскихъ губерніяхъ“.

Кокенгузенскій приходъ.

Кокенгузенскій приходъ расположенъ по берегу Западной Двины, въ Лифляндской губерніи, въ 80 верстахъ на юго-востокъ отъ губернскаго города Риги. Красивая каменная церковь этого прихода во имя апостоловъ Петра и Павла выстроена на высокомъ живописномъ мысу, образуемомъ Двиною и впадающимъ въ нее ручьемъ Алень. Границы прихода: съ востока — Витебская губернія, Вепденскій уѣздъ; съ сѣвера — рѣка Огеръ и за ней Сиссегальскій приходъ съ запада — Кроппенгофскій приходъ и волость съ юга — Западная Двина и за ней Курляндская губернія.

Всѣ кокенгузенскіе прихожане состоятъ изъ Латышей, присоединившихся въ 50-хъ годахъ къ православію и лютеранъ изъ тѣхъ же латышей.

Всѣ прихожане, равно какъ и всѣ жители этой мѣстности, занимаются земледѣліемъ. До постройки Риги-Орловской желѣзной дороги, большая часть жителей береговыхъ волостей — Стокмансгофъ, Кокенгузепъ, Вильстенсгофъ, Атрадзень, Глауенсгофъ и Ашерадень занимались судоходствомъ, — по Двинѣ на лодкахъ перевозили товары изъ Риги въ Витебскъ и далѣе и оттуда опять въ Ригу; вверхъ по Двинѣ лодки, обыкновенно, тянули бичевой, и на эту страшно трудную работу употреблялись, по большей части, дѣвушки.

Замѣчательныя историческія мѣстности Кокенгузенскаго прихода¹⁾.

Кокенгузенъ — частное имѣніе, принадлежащее Отто фонъ-Левенштерну, есть тотъ самый Кокенойсъ или Куkenойсъ, о которомъ говорится въ лѣтописяхъ Генриха Латыша; другія извѣстія о Кокенойсѣ начинаются со времени прибытія Нѣмцевъ въ Ливонію. Въ то время, именно въ 1200 году, при впаденіи рѣки Кокны, но-настоящему Церсе, въ Двину, былъ деревянный замокъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ теперь развалины каменнаго замка, принадлежавшій русскому князю Вячеславу Вячка. Когда епископъ Альбертъ Буксгевденъ прибылъ въ Ливонію съ крестовымъ воинствомъ и въ теченіе 31-лѣтняго правленія покорилъ всю Ливонію, Вячеславъ, тѣспимый Литовцами, просилъ у епископа свободнаго пропуска до Ашерадена (замокъ въ 17 верстахъ отъ Кокенгузена внизъ по Двинѣ); получавъ охрану, выѣхалъ къ Альберту въ лодкѣ

¹⁾ Лѣтопись Генриха Латыша. Исторія Ливоніи, т. I, выи. I и II.

и заключилъ договоръ, по которому уступилъ ему половину своихъ владѣній. Несмотря на договоръ, Вячеславъ втайнѣ дѣлалъ много вреда Нѣмцамъ, почему рыцарь Даниль изъ Ливенардена (въ 40 верстахъ внизъ по Двинѣ — нынѣ Гроссъюнгфернгофскій приходъ) напалъ на его замокъ, взялъ его самого въ плѣнъ и отправилъ въ Ригу. Епископъ Альбертъ тотчасъ освободилъ плѣнника, успокоилъ его и далъ ему 20 Нѣмцевъ для защиты замка, который онъ теперь началъ строить изъ камня. Вслѣдъ за тѣмъ Альбертъ отправился моремъ въ Германію, — это было въ 1206 году. Вячеславъ, думая, что Альбертъ съ пилигримами уже уѣхалъ и что въ Ригѣ осталось мало Нѣмцевъ, началъ совѣтоваться со своими дружинниками объ ихъ избіеніи. Выждавъ удобное время и день, когда всѣ Нѣмцы вышли на работу — выламывать камень изъ рва для постройки новаго замка — и свои мечи и доспѣхи сложили наверху рва, княжескіе слуги и мужи прибѣжали ко рву, схватили мечи и доспѣхи Нѣмцевъ, убили 17 изъ нихъ и тѣла ихъ бросили въ Двину. 3 Нѣмца спаслись бѣгствомъ, прибѣжали въ Ригу и рассказали о случившемся. Вячеславъ же лучшихъ коней, взятыхъ у Нѣмцевъ, самострѣлы, латы и прочее послалъ къ Владимиру, Полоцкому князю, съ извѣстіемъ, что въ Ригѣ осталось мало воиновъ: лучшіе имъ перебиты, а прочіе уѣхали съ епископомъ въ Германію, — пусть соберетъ войско и немедленно идетъ взять г. Ригу. Владимиръ повѣрилъ и собралъ своихъ друзей и воиновъ къ походу. Между тѣмъ епископъ, по случаю противнаго вѣтра, изъ Динамунда, теперешняго Усть-Двинска, воротился въ Ригу. Узнавъ о случившемся въ Кокенойсѣ, онъ уговорилъ отправлявшихся домой пилигримовъ остаться еще на службѣ для отмщенія Кокенойцамъ; въ Ригу собрались также Нѣмцы, разсѣянные по Ливоніи, съ ливонскими старшинами. Русскіе, услышавъ о собраніи Нѣмцевъ и Ливовъ въ Ригѣ, пришли въ ужасъ; не ожидая прибытія Рижанъ, они собрали свое имущество, раздѣлили между собой лошадей и оружіе, зажгли замокъ Кокенойсъ и бѣжали каждый своею дорогою; жившіе въ Кокенойсѣ Латыши скрылись въ чащѣ лѣсовъ. Князь Вячеславъ ушелъ въ Новгородъ къ великому князю Ярославу; онъ уже болѣе никогда не возвращался въ Кокенойсъ, но до смерти своей былъ непримиримымъ врагомъ Нѣмцевъ и палъ въ битвѣ при осадѣ Юрьева въ 1224 году.

До 1208 года кокенгузенская замковая гора оставалась пустыней и была полна различныхъ гадовъ и змѣй. Въ этомъ году епископъ Альбертъ приказалъ очистить эту гору, послѣ чего она была снабжена сильными укрѣпленіями и на прежнемъ мѣстѣ былъ построенъ новый, весь изъ камня возведенный, чрезвычайно крѣпкій замокъ. Епископъ оставилъ въ немъ солдатъ и стрѣлковъ вмѣстѣ со своими людьми для охраны замка и начальникомъ поставилъ храбраго рыцаря Рудольфа фонъ-Іерихо. Въ это время Литовцы просили свободнаго пропуска въ Эстляндію чрезъ Кокенгузенъ, который имъ и данъ. На возвратномъ пути они произвели опустошенія въ Ливоніи, расположились въ виду замка Кокенгузена, ругались надъ гарнизономъ и въ знакъ непріязни бросили копье въ Двину. Кокенгузенскіе рыцари между тѣмъ грабили ихъ деревни. Литовскіе пращники дурно стрѣляли, а рыцари сдѣлали удачную вылазку и потому Литовцы должны были отступить безъ всякаго успѣха. Съ этого времени Кокенгузенъ сдѣлался важнѣйшимъ замкомъ Нѣмцевъ, а впоследствии мѣстопребываніемъ рижскихъ архіепископовъ.

Третя замка была уступлена основанному въ 1202 году Ордену Меченосцевъ, отчего происходили многіе споры между Орденомъ и архіепископомъ. Это имѣло неблагоприятное вліяніе на развитіе городка, который простирался отъ долины рѣки Персе (Кокны) до теперешней кирки. Городокъ никакъ не могъ притти въ цвѣтущее состояніе, несмотря на то, что архіепископъ Іоаннъ (1277) и архіепископъ Фромгольдъ (1350) подарили ему многія земли, а король Стефанъ Баторій далъ ему разныя привилегіи. Во время споровъ магистратовъ съ архіепископами, архіепископъ Сильвестръ 1478 г. искалъ покровительства у Шведовъ. Магистръ фопъ-деръ-Боргъ въ теченіе 2-хъ недѣль взялъ 24 замка архіепископскихъ, такъ что Сильвестру остались только Трейдентъ и Кокенгузенъ, и наконецъ взялъ въ плѣнъ и его самого. Онъ писалъ гофмейстеру нѣмецкаго Ордена въ Маріенбургъ, въ Пруссіи, что „считаетъ нужнымъ держать архіепископа Сильвестра въ плѣну до конца его жизни“ и что „онъ отвергъ просьбу его о дозволеніи ему остатокъ дней провести въ Пиболгъ на покоѣ“. Этотъ старецъ, знаменитый своею ученостію, съ горя и страха впалъ въ тяжелую болѣзнь и въ 1479 году чрезъ 6 мѣсяцевъ скончался въ присутствіи двухъ священниковъ и нѣсколькихъ служителей, которые ему были оставлены. Тѣло его было перевезено въ Ригу и погребено въ Домусъ-киркѣ близъ алтаря. Доселѣ въ развалинахъ цѣла еще одна тѣсная компатка, въ которой будто бы смерть прекратила Сильвестровы страданія. Въ это же время былъ сожженъ архіепископскій архивъ. По договору замокъ Кокенгузенъ опять перешелъ во владѣніе архіепископовъ. Архіепископъ Каспаръ Линде обвелъ его стѣнами. Архіепископъ Шетингъ умеръ въ Кокенгузенѣ и погребенъ въ приходской киркѣ. Съ 1522 года проникло въ Ливонію лютеранство. Послѣдній архіепископъ рижскій Вильгельмъ маркграфъ Бранденбургскій назначилъ себѣ въ помощники (коадъ-юторъ) герцога Христофора Мекленбургскаго, который и прибылъ въ Кокенгузенъ въ 1555 г. Осенью того же года онъ имѣлъ торжественный въѣздъ въ Ригу; отъ этого произошелъ мятежъ. 28 іюня 1556 года ландмаршалъ Фирстенбергъ, по порученію магистра Галена, осадилъ Кокенгузенъ, который чрезъ два дня сдался. Архіепископъ вручилъ ему ключи замка и вмѣстѣ съ коадъ-юторомъ взять въ плѣнъ; но чрезъ посредство польскаго короля ему однако скоро возвращена свобода и имущество. Только короткое время эта бѣдная страна наслаждалась миромъ, ибо уже въ 1577 году мы видимъ Кокенгузенъ во власти герцога гольштинскаго Магнуса — зятя Іоанна IV (женатъ былъ на его племянницѣ), который и былъ имъ провозглашенъ королемъ Ливоніи, по вполнѣнствіи впалъ въ немилость. Царь вступилъ въ Ливонію съ войскомъ, взялъ Берзонъ, Кальценау и приступилъ къ Кокенойсу. Магнусъ бѣжалъ въ Венденъ. Два письма отъ 15 и 17 августа 1577 г. за подписью бургомистра и городской общины были отправлены изъ Кокенгузена къ герцогу курляндскому Кетлеру съ просьбой о присылкѣ войска и аммуниціи; но уже было поздно. При появленіи Іоанна, Кокенгузенъ сдался; знавъ измѣну Кокенгузенцевъ и сношенія ихъ съ курляндскимъ герцогомъ, Іоаннъ IV наказалъ ихъ: 50 зпачнѣйшихъ гражданъ были повѣшены, прочіе съ женами и дѣтьми были отправлены въ Россію, откуда не возвратились. Іоаннъ пробылъ въ городѣ два дня, а 28 августа взялъ замокъ Апераденъ и Леневарденъ, присвоенные Магнусомъ и направился къ Вендепу чрезъ Эрлаа-Юргенсбургъ. Послѣ этихъ опусто-

пеній Кокенгузенъ никогда не могъ достигнуть своего благосостоянія и вскорѣ былъ присоединенъ къ Польшѣ; король Стефанъ Баторій въ 1582 г. далъ городу земли, право перевоза, право собственнаго суда, дозволилъ разъ въ недѣлю учредить базаръ. Въ 1600 г. Шведы возобновили свои притязанія на Ливонію. Герцогъ Зюдерманландскій (Карль IX) высадился съ 9000 человекъ въ Ревелѣ и поручилъ генералу Гильденгельду взять Кокенгузенъ. Два раза онъ приступалъ къ Кокенгузену, но безуспѣшно; городъ же, какъ менѣе крѣпкій, былъ имъ взятъ, и жители его подверглись разнымъ притѣсненіямъ и обидамъ, напр., Шведы прибили гвоздями нѣсколько воиновъ къ бревнамъ и бросили въ Двину. Гильденгельдъ оставилъ въ городѣ гарнизонъ. Поляки снабжали замокъ всѣмъ нужнымъ, особенно водою, такъ какъ замковскій колодезь былъ засыпанъ шведскими бомбами. Между тѣмъ какъ шведскіе начальники бражничали въ Штокмансгофѣ (Тизенгаузенъ и Розенъ), польскій полковникъ Шипскій взялъ цѣлый транспортъ съѣстныхъ припасовъ, назначенныхъ въ городъ. Отъ этого у Шведовъ произошелъ голодъ, такъ что они вынуждены были ѣсть конину и собачье мясо. Отчаяніе ихъ достигло высшей степени, когда польскій генералъ Радзивиллъ окружилъ ихъ со всѣхъ сторонъ. Они послали къ генералу Гильденгельду просить помощи, который и прибылъ 11 іюня 1601 года съ 5000 человекъ. Черезъ три дня произошла битва, продолжавшаяся отъ утра до полудня и окончилась пораженіемъ Шведовъ. 2000 Шведовъ и между ними генералы: Врангель, Боргъ, Криднеръ и Тизенгаузенъ остались на полѣ битвы и столько же Поляковъ. Шведы сдали городъ съ тѣмъ, чтобы имъ позволили удалиться, но едва Поляки проникли въ городъ, какъ началось отмщеніе за убитыхъ Поляковъ. Полковникъ Хотлевскій велѣлъ повернуть орудія на обезоруженныхъ Шведовъ, которые и были частію убиты, частію вогнаны въ Двину, гдѣ и утонули. Офицеровъ, женъ и дѣтей генералъ Радзивиллъ взялъ подъ свое покровительство. Шведы только что очистили Ливонію, какъ на престолъ вступилъ Густавъ Адольфъ и опять возобновилъ притязанія Швеціи на Ливонію. Рига сдалась ему послѣ шестинедѣльнаго сопротивленія въ 1621 году; 15 лѣтъ спустя шведское правительство приказало разорить всѣ замки и малыя крѣпости, а пограничныя замки, между ними и Кокенгузенъ, укрѣпить. Городъ Кокенгузенъ былъ распространенъ до прежнихъ городскихъ стѣнъ, церкви восстановлены, бургомистру были вручены ключи отъ всѣхъ городскихъ воротъ, какъ во время Поляковъ. Русскіе подъ предводительствомъ князя Долгорукаго были посланы въ 1655 году подъ Ригу противъ Карла Густава, но безъ успѣха. На возвратномъ пути отрядъ взялъ Кокенгузенъ; въ это, вѣроятно, время, именно въ 1656 г. въ Кокенгузенѣ была освящена церковь во имя царевича Дмитрія, и городъ былъ названъ Дмитріевымъ. Когда Русскіе, оставшіеся въ Кокенгузенѣ, праздновали день рожденія своего царя, Шведы напали на нихъ, 40 человекъ убили и столько же взяли въ плѣнъ, отбили 200 лошадей. Въ 1666 году миръ въ Оливѣ положилъ конецъ бѣдствіямъ Ливоніи. Голодъ, моръ, война обратили ее почти въ пустыню. Кокенгузенъ былъ совершенно разрушенъ. Въ 1684 году шведское правительство предложило возстановить и Кокенгузенъ и назначило для этого мѣсто на берегу Двины, гдѣ дѣйствительно и было построено нѣсколько домовъ. Едва они были выстроены, какъ саксонская армія польскаго короля Августа въ 1700 году овладѣла замкомъ. Саксонцы

построили крытый ходъ до Двины; всѣ насыпи — шанцы, которые на 6 верстѣхъ простираются вокругъ замка и сохранились доселѣ, возведены ими же. Послѣ побѣды Карла XII надъ Саксонцами подъ Ригою 9 іюня 1701 года, послѣдовало окончательное разореніе Кокенгузена. Саксонцы, подъ начальствомъ полковника Бесе, взорвали замокъ и ушли за Двину. Съ тѣхъ поръ замокъ лежитъ въ развалинахъ и изъ года въ годъ совершенно разрушается. Слѣдовъ города, тѣмъ болѣе православнаго Дмитріева, нѣтъ никакихъ, нѣтъ слѣдовъ и бывшей православной церкви. Память о Русскихъ, если не живыхъ, то мертвецахъ, сохранялась среди Латышей еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія. Теперь же Кокенгузенъ, со времени присоединенія къ Лифляндіи Россіи, ничѣмъ уже не отличается отъ другихъ мызъ, какъ только красотою своего мѣстоположенія.

*Герсике*¹⁾. Въ районѣ Кокенгузенскаго прихода находятся развалины и другого русскаго городка и крѣпости Герсике. Въ 17 верстахъ отъ Кокенгузена вверхъ по Западной Двинѣ, вблизи мызы Штокмансгофъ, на правомъ берегу Двины, при впадѣніи ручья Локстинъ въ Двину, стоитъ и теперь стѣпа, окруженная высокими елями, — продолговато-тупой треугольникъ, 48 саженой длины, 30 ширины, — доступная только съ одной стороны. Это и есть развалины Герсике. Герсике, во время нашествія Нѣмцевъ на Ливонію, былъ богатый и значительный городъ, жители коего имѣли торговые сношенія съ Востокомъ. Герсике при князѣ Всеволодѣ стоялъ какъ „великій дьяволь“ близъ самыхъ опасныхъ пороговъ Двины. Русскій православный князь Всеволодъ былъ въ близкомъ родствѣ съ литовскими князьями, почему вся добыча складывалась въ Герсике. Всеволодъ былъ такъ предприимчивъ, что въ 1202 году имѣлъ намѣреніе разорить только что основанную Ригу. Епископъ Альбертъ послѣ разоренія и покоренія Кокенгойса и Зельбурга (въ 9 верстахъ отъ Кокенгузена вверхъ по Двинѣ, на лѣвомъ берегу, въ Курляндіи) подступилъ къ Гераску въ 1208 году. Князь Всеволодъ поставилъ стражей, которые съ вершины высокихъ елей должны были дать знать о прибытіи непріятеля. Одинъ изъ этихъ стражей былъ окруженъ Нѣмцами, которые стали рубить дерево; вѣрный слуга трубилъ до тѣхъ поръ, пока дерево упало. Всеволодъ, зная невозможность удержаться противъ Нѣмцевъ, переправился на курляндскій берегъ; замокъ сдался послѣ непродолжительнаго сопротивленія. Начался грабежъ. Драгоценныя церковныя сосуды, облаченія, колокола, иконы были вытаснены изъ города; самый городъ и замокъ были сожжены. Княгиня, ея дочери, женщины взяты въ плѣнъ и отвезены въ Ригу. Всеволодъ съ противоположнаго берега смотрѣлъ на пожаръ, рыдалъ и кричалъ: „о, гибель моего народа! о, Герсике, мой милый городъ! на то ли я родился, чтобы видѣть тебя кучею пепла!“ Ободренный Альбертомъ, онъ прибылъ въ Ригу, просилъ освободить жену и дѣтей и возвратить ему княжество. Просьба его была исполнена, и онъ получилъ назадъ свои владѣнія, какъ ленъ, изъ рукъ Альберта. Въ 1212 году Владиміръ, князь Полоцкій, пригласилъ епископа на съѣздъ въ Герсике. Епископъ, опасаясь измѣны, прибылъ въ Герсике въ сопровожденіи многочисленной дружины, съ рыцарями, старшинами Ливовъ и Леттовъ рижскими купцами, всѣ въ полномъ вооруженіи. Въ Герсике они нашли всю военную силу Владиміра. Князь требовалъ, чтобы Аль-

¹⁾ Исторія Ливоніи.

бертъ прекратилъ обращеніе въ христіанство, конечно, насиліемъ Ливовъ и Леттовъ и, когда требованіе это было отвергнуто, поставилъ свое войско въ боевую линію. Альбертъ тоже приготовился къ битвѣ; но Владиміръ струсилъ, привѣтствовалъ епископа, какъ духовнаго отца, и предоставилъ, будто бы, ему всю Ливонію, не требуя никакой дани, заключилъ съ нимъ оборонительный и наступательный договоръ противъ сосѣднихъ язычниковъ и даровалъ нѣмецкимъ купцамъ право свободнаго плаванія по Двинѣ. Но Нѣмцамъ было неприятно, что въ Герсике живетъ Русскій князь, владѣтель, хотя ленный, по не исполняющій своихъ договоровъ, и потому нѣсколько разъ нападали на Герсике и разграбили его; такъ это сдѣлали кокейнойскіе рыцари въ 1214 году два раза, — оба раза съ дозволенія епископа Альберта. Последній разъ Всеволодъ провѣдалъ о готовившемся нападеніи и послалъ гонца къ Литовцамъ звать ихъ на помощь. Между тѣмъ рыцари взяли Герсике, забрали большую добычу. Литовцы опоздали: они появились на лѣвомъ берегу Двины, когда Герсике былъ уже въ рукахъ Нѣмцевъ, но не хотѣли уходить, не сдѣлавъ попытки къ ограбленію грабителей. Они послали въ Герсике гонца просить у Нѣмцевъ ладьи (корабля), такъ какъ желаютъ возобновить миръ съ ними. Нѣмцы повѣрили, послали ладью: Литовцы начали всходить на ладью, наполнили ее всю, затѣмъ все войско бросилось въ Двину и начало вплавь приближаться къ Герсике. Нѣмцы, видя многочисленность нападающихъ, бросили Герсике: часть ихъ сѣла на ладьи и благополучно воротилась въ Куkenойсь, другая часть съ Латышами и рыцарями, Мейнардомъ, Иоанпомъ и Иорданомъ, начала отступать берегомъ. Литовцы бросились на отступающихъ: Латыши разбѣжались, рыцари вступили въ бой и были всѣ убиты. Епископъ и рижане горько ихъ оплакивали и говорили: „какіе герои пали въ битвѣ, и ихъ оружіе обратилось въ ничто“. Но Герсике съ этого именно времени совершенно заустѣлъ, Нѣмцы его не возобновляли. Русскіе бѣглецы, какъ рассказываетъ преданіе, переправились на лѣвый берегъ Двины и поселились между курляндскими Латышами. Отъ этихъ именно бѣглецовъ и ведетъ свое начало русская слобода, возведенная герцогомъ Яковомъ въ 1670 году на степень города съ наименованіемъ его въ честь герцога Якобштадтомъ. Горсточка русскихъ жителей все-таки ютилась около прежняго Герсике до послѣдняго времени: еще въ первой половинѣ XIX столѣтія съ обѣихъ сторонъ древняго Герсике были русскіе поселки, вплоть населенные русскими православными людьми, таковы поселки: Плявинь, Бродижъ, Дуня (Дунесъ-леа), Герсикъ, Крусть(крести)-ликумъ. Впрочемъ г. Дерингъ предпринявшій изслѣдованіе мѣстности въ 1874 г. будто бы нашелъ, что остатки этой ограды принадлежатъ старинному епископскому замку Локстену, и что Герсике находился не здѣсь, а па Двинѣ, ближе къ Динабургу, а именно близъ нынѣшней усадьбы Шлосбергъ, между имѣніями Ливенгофъ и Царьградъ — въ Витебской губерніи.



Гроссъ-Юнгфернгофскій приходъ.

Свящ. Оедорова.

Гроссъ-Юнгфернгофскій приходъ расположенъ въ Лифляндской губерніи, въ Рижскомъ уѣздѣ, на правомъ берегу рѣки Двины, а частію и на лѣвомъ берегу той же рѣки. Къ нему относятся имѣнія: Рингмундсгофъ, Леневаденъ, Гроссъ-Юнгфернгофъ и Ледмансгофъ. Центромъ занимаемаго приходомъ района слѣдуетъ считать расположенное на правомъ берегу р. Двины, въ 50 верстахъ отъ г. Риги, имѣніе Леневаденъ, потому что здѣсь находится Гроссъ-Юнгфернгофская церковь, приходская школа и мѣстожительство причта. Въ настоящее время главные обитатели сего края — Латиги, но древними обитателями сей мѣстности были Ливы. Когда Ливы поселились здѣсь — неизвѣстно. Исторія застаеть, данными Русскаго Полоцкаго князя, который, довольствуясь данью, не стѣснялъ Ливовъ въ ихъ внутреннемъ самоуправленіи и во владѣніи своимъ имуществомъ движимымъ и недвижимымъ. Ливы имѣли своихъ старшинъ, обсуждавшихъ важнѣйшія дѣла и созывавшихъ общія собранія. Старшины эти были управителями и судьями въ мирное время и предводительствовали своими отрядами во время войны. Въ мирное время (главнымъ образомъ лѣтомъ) Ливы занимались земледѣліемъ и имѣли свой скотъ — лошадей и коровъ. На ряду съ этимъ занятіемъ, подобно другимъ народцамъ Ливоніи, Ливы не прочь были поживиться и чужимъ добромъ. Поэтому они предпринимали, особенно зимою, часто походы на окружающихъ инопорядцевъ — Латышей, вслѣдствіе чего между обѣими народами была постоянно вражда, имѣвшая послѣдствіемъ избіеніе мужчинъ и уведеніе въ плѣнъ женщинъ и дѣтей и овладѣніе имуществомъ побѣжденной стороны. Ливы были вѣроломны, мстительны и храбры, долго сопротивлялись организованнымъ и обученнымъ нѣмецкимъ рыцарямъ даже послѣ того, какъ были много разъ разбиты Нѣмцами. Въ войнахъ Ливы были положительно безжалостны, такъ въ 1220 году, во время совершенія съ Нѣмцами похода на Гаррію, Ливы, узнавъ, что непріятель укрылся въ пещерѣ со всѣмъ своимъ имуществомъ развели при входѣ въ пещеру огонь и дымомъ умертвили многихъ изъ спрятавшихся тамъ, а полуживыхъ изъ нихъ убивали, имущество же расхитили. Для защиты отъ нападенія внѣшнихъ враговъ, къ которымъ должно отнести, кромѣ инопорядцевъ Ливоніи, также и отдаленныхъ Литовцевъ, грабившихъ часто Ливонію, у Ливовъ между прочимъ была на правомъ берегу Двины *крѣпость Леневардъ* съ городкомъ того же

имени. Крѣпость эта, нужно думать, находилась на томъ мѣстѣ, гдѣ еще теперь находятся частію сохранившіяся стѣпы, а частію покрытые дерномъ и обросшія большими деревьями развалины *Леневаденскаго замка*, представляющихъ теперь Леневаденскій мызный паркъ. Городокъ вѣроятно былъ частью расположенъ на востокъ отъ крѣпости — вѣдъ теперешняго парка, на мызномъ полѣ, которое отличается особымъ сравнительно съ окружающими полями плодородіемъ. Достоверно не извѣстно, какъ Леневадепцы относились къ торговымъ людямъ, доставлявшимъ внизъ по Двинѣ изъ Россіи мѣха, дичь, а зимою лѣсъ и воскъ и возившимъ обратно ткани и желѣзные издѣлія. По всей вѣроятности Ливы, какъ данники Полоцкаго князя, имѣвшаго своихъ представителей въ Кокенойсѣ и Герсиѣ, не смѣли грабить торговыхъ людей Русскаго князя, тѣмъ болѣе, что на этотъ счетъ были заключены особые трактаты между Русскими и Нѣмцами, распоряжавшимися судьбою Ливовъ. Политическая зависимость и торговля съ Русскими служили къ сближенію и ознакомленію однихъ съ другими, по имѣли ли Русскіе какое-либо религіозно-просвѣтительное вліяніе на массу Ливовъ — это не извѣстно. Нужно полагать, что Русскіе довольствовались полученіемъ съ Ливовъ дани и не вмѣшивались вообще во внутреннюю жизнь ихъ, не распространяли между ними свѣта христіанства, почему и Ливы пребывали въ языческой тьмѣ до прибытія въ Ливонію Нѣмцевъ въ XII вѣкѣ. Первымъ проповѣдникомъ христіанства среди Ливовъ былъ Нѣмецъ, католическій монахъ Мейнгардъ, пріѣзжавшій съ нѣмецкими купцами и останавливавшійся въ ливскомъ городкѣ Икскюлѣ. Испросивъ дозволеніе у Полоцкаго князя, которому Ливы были подчинены, Мейнгардъ началъ проповѣдывать христіанство въ формѣ католичества; проповѣдь Мейнгарда имѣла нѣкоторый успѣхъ: однимъ изъ первыхъ былъ крещенъ богатый и уважаемый Ливъ Копэ, какъ полагаютъ, родоначальникъ бароновъ и князей Ливеновъ. Возведенный въ санъ епископа, Мейнгардъ сталъ постоянно жить въ Икскюлѣ, который Нѣмцы хитростію укрѣпили подъ предлогомъ защиты Ливовъ отъ нападенія Литовцевъ. Укрѣпившись въ Икскюлѣ, Нѣмцы стали уже болѣе смѣло дѣйствовать среди Ливовъ. Когда же Ливы замѣтили, что пришельцы начинаютъ хозяйничать въ ихъ земляхъ и для новопостроенной въ Икскюлѣ церкви требуютъ отъ крещенныхъ податей, то не только стали подозрительно смотрѣть на Нѣмцевъ, но и стали проявлять открытую вражду противъ нихъ, отрекаясь отъ христіанства и пытаясь свергнуть въ Двину при помощи веревокъ Икскюльскій замокъ. Проявленіе открытой вражды со стороны Ливовъ вообще вызвало крестовый походъ противъ Ливоніи, гдѣ сначала былъ основанъ Орденъ Меченосцевъ, который затѣмъ соединился съ прусскимъ Орденомъ Тевтонцевъ и, какъ отрасль послѣдняго, послѣ паденія прусской части Ордена, сталъ самостоятельно хозяйничать въ Ливоніи пока совершенно палъ подъ давленіемъ Русскихъ. Во время военныхъ дѣйствій, несмотря на отчаянное сопротивленіе Ливовъ, все правое побережье Двины перешло постепенно въ руки пришельцевъ, такъ что уже въ 1201 году епископъ Альбертъ, основатель гор. Риги, отдалъ Леневаденъ въ ленъ нѣкому Нѣмцу Дапіялу Бендереву. Но такимъ рѣшеніемъ своей судьбы епископомъ Альбертомъ леневаденскіе Ливы отнюдь не были довольны, ибо сознавали себя зависимыми отъ Полоцкаго князя и всячески старались сопротивляться навязываемому властелину, а въ случаѣ преслѣдованій убѣгали въ лѣса. Поэтому

въ 1205 году крестоносцы двинулись вверхъ по Двинѣ и между прочими ливскими селеніями сожгли и Леневаденъ и на мѣсто деревянной крѣпости въ томъ же 1205 году возвели здѣсь новый каменный замокъ. О такихъ дѣйствіяхъ Нѣмцевъ Ливы донесли Полоцкому князю Владиміру и просили у него помощи и защиты. Князь, увидя время, когда крестоносцы по обыкновенію весною вмѣстѣ съ рижскимъ епископомъ уѣхали изъ Ливоніи, собралъ войска и на ладьяхъ вмѣстѣ съ кокенойскими и герцикскими людьми двинулся противъ Риги, пригласивъ на помощь Ливовъ и Латышей. Ливы пришли, но Латыши не явились. Соединенныя силы Русскихъ обложили сперва сильно укрѣпленный Икскуль, но видя, невозможность взять его, двинулись на Гольмъ. Въ послѣднемъ былъ весьма незначительный нѣмецкій гарнизонъ, который притомъ не смѣлъ довѣрять находившимся въ крѣпости Ливамъ. Несмотря на это, подступить къ Гольму было трудно, такъ какъ Нѣмцы дѣйствовали каменометными машинами, съ которыми осаждающіе не были вовсе знакомы, и убивали подступавшихъ еще издали. При всемъ томъ Гольмъ, быть можетъ, былъ бы взятъ, если бы осаждающіе не узнали, что на морѣ появились направляющіеся въ Ригу корабли. Полоцкій князь поэтому, боясь пораженія, снялъ осаду и вернулся обратно, а вспомогательные отряды разошлись по домамъ. Послѣдствія этого похода были для Ливовъ вообще и въ частности для Леневаденцевъ очень печальны. По уходѣ Владиміра Ливы поняли, что изъ неудавшагося похода Русскихъ Нѣмцы имѣли возможность убѣдиться въ своемъ преимущественномъ могуществѣ и не оставятъ уже безъ того разоренныхъ Ливовъ не отомщенными за оказанное содѣйствіе и помощь русскому князю. Поэтому Ливы отправили пословъ въ Ригу просить мира у управляющаго за отсутствіемъ Альберта — соборнаго пробста Энгельберга. Послѣдній укорялъ леневаденскихъ Ливовъ въ томъ, что они враждуютъ съ Даніиломъ, который получилъ въ ленъ еще въ 1201 году ихъ городокъ и не даетъ ему дани. Леневаденцы обѣщались дать заложниковъ, примириться съ Даніиломъ и уплачивать ему ежегодно отъ плуга по полуталанту ржи. Нѣмцы согласились и миръ состоялся въ присутствіи папскаго легата, епископа Андрея, случайно прибывшаго около этого времени съ острова Эзеля въ Ригу на корабляхъ, которые были замѣчены на морѣ во время осады Русскими Гольма. Ливы не замедлили прислать въ Ригу заложниковъ, мальчиковъ изъ почетнѣйшихъ ливскихъ семействъ, а Рижане разослали священниковъ въ разные ливскіе поселки для проповѣди католичества и крещенія язычниковъ, построенія церквей и учрежденія приходоу.

Къ Леневаденцамъ былъ присланъ священникъ Даніиль, еще прежде назначенный Альбертомъ въ Гольмъ. Священникъ Даніиль былъ неутомимый и энергичный дѣятель: онъ крестилъ массу Ливовъ по правому двинскому побережью и, достигнувъ Ашерадена, повернулъ во внутрь Ливоніи къ Вендену, откуда возвратился въ Ригу и получилъ новыя назначенія. Такимъ образомъ Леневаденскіе Ливы, обитатели района нынѣшняго Гроссъ-Юнгфернгофскаго православнаго прихода, приняли христіанство отъ католическаго священника Даніила въ 1206 году, во время управленія Ливоніею третьяго рижскаго епископа Альберта и были причислены къ рижской епископіи. Знали ли они что-нибудь изъ католичества, имѣли ли у себя священниковъ, ничего неизвѣстно.

Послѣ крещенія Ливовъ, въ слѣдующемъ 1207 году на Ливонію сдѣлали набѣгъ

Литовцы; они проникли даже въ Торейду, ограбили, и плѣнили многихъ, а на обратномъ пути перебрались черезъ Двину около Леневадена, который конечно тоже не пощадили. Узнавъ объ этомъ, за Литовцами погналось епископское войско, которое переправившись черезъ Двину около Ашерадена, напало на нихъ. Произошла жаркая схватка; Литовцы бились отчаянно, но все-таки уступили Нѣмцамъ и бросились бѣжать. Нѣмцы преслѣдовали бѣглецовъ и били цѣлый день, причѣмъ отняли плѣнныхъ женщинъ и дѣтей и награбленную добычу.

Когда же владѣлецъ Леневадена Даниль успѣлъ укрѣпиться въ своемъ замкѣ, то лично рѣшился дѣйствовать противъ кокенойскаго князя Вячко, который часто беспокоилъ Данила своими набѣгами. Вооруживъ своихъ людей, Даниль пошелъ на Кокенойсъ и, остановившись вблизи городка, на разсвѣтѣ послалъ своихъ людей на замокъ. Въ замкѣ всѣ спали и часовые плохо караулили. Нѣмцы взобрались на валъ и бросились на замокъ. Исходъ битвы былъ въ пользу леневаденцевъ, даже князь былъ взятъ въ плѣнъ. Узнавъ о всемъ случившемся изъ доноса самаго Данила, епископъ Альбертъ велѣлъ Данилу немедленно прекратить военныя дѣйствія противъ Кокенойска, освободить князя и прочихъ плѣнныхъ и возвратить добычу. Такая милость Кокенойцамъ, даже въ ущербъ любимцу Альберта Данилу, объясняется расчетомъ самаго Альберта, который видѣлъ пока выгоднымъ для себя жить въ мирѣ съ Кокенойсомъ, тѣмъ болѣе, что еще прежде Альберту кокенойскимъ княземъ была отдана половина области и замка, чѣмъ теперь епископъ и постарался воспользоваться. Затѣмъ въ руки Нѣмцевъ перешелъ уже совершенно Кокенойсъ, а за нимъ Герсике и Нѣмцы стали полными хозяевами земель, расположенныхъ по правому берегу Двины. Впрочемъ, во избѣжаніе несчастныхъ для себя случайностей, еслибы Полоцкій князь открытіемъ военныхъ дѣйствій вздумалъ помѣшать этому хозяйничанью, Нѣмцы, которымъ теперь важнѣе всего было укрѣпиться въ Ливоніи, въ 1210 году заключили съ Полоцкимъ княземъ мирное условіе, въ силу котораго рижскій епископъ Альбертъ обязался платить дань князю вмѣсто Ливовъ. Конечно этого обязательства епископъ не исполнялъ, а Русскій князь, отвлекаемый другими дѣлами, не имѣлъ силы его къ этому принудить. Постоянные походы и нападенія вѣнскихъ враговъ привели къ такому истощенію и разоренію Ливовъ, что они въ 1211 году не были въ состояніи уплатить и Альбертъ усталимъ вмѣсто десятины взимать съ нихъ въ годъ хлѣба съ каждой унки засѣянной земли по мѣркѣ въ 18 дюймовъ, съ оговоркою, что если Ливы примкнутъ къ союзу язычниковъ и будутъ сохранять языческіе обычаи, то и десятина и всѣ прочія повинности будутъ немедленно восстановлены у нихъ. Несмотря на такую угрозу, въ 1212 году Ливы и прочія ливонскія племена возстали противъ Нѣмцевъ такъ какъ рыцари часто грабили и убивали ихъ. По просьбѣ обиженныхъ, епископъ Альбертъ назначилъ разборку дѣйствій орденовой братіи противъ Ливовъ и Латышей. Собраніе происходило около Сунцеля; препирались два дня, но ни къ чему не пришли. Тогда собравшіеся Ливы и Латыши послали гонцовъ повсюду съ цѣлью возбудить общее возстаніе ливонскихъ племенъ противъ Нѣмцевъ. Послы были и въ леневаденскихъ предѣлахъ. Однако Нѣмцы, почувавъ готовящуюся опасность, предупредили замыселъ мѣстныхъ жителей. Такъ пачальникъ гарнизона въ Леневаденѣ, Даниль, испол-

нявшій въ то время должность судьи, захватилъ старшинъ леневаденскихъ Ливовъ и заключилъ ихъ въ оковы, а городокъ ихъ сжегъ. Подобнымъ образомъ Нѣмцы поступали и въ другихъ мѣстностяхъ и общій планъ дѣйствій былъ разрушенъ.

Въ 1213 году кокенойскіе рыцари и Латыши сильно побили, сдѣлавшихъ набѣгъ Литовцевъ. Въ отместку за это сіи послѣдніе вновь ополчились и, переправившись черезъ Двипу въ леневаденскія земли, напали на Ливовъ, перебили мужчинъ и захватили въ плѣнъ женщинъ и дѣтей, а также плѣнили и старшину Ульдебека. Впослѣдствіи за освобожденіе Ульдебека, Рижане дали голову одного убитаго литовскаго предводителя которую Литовцы требовали, чтобы совершить по убитомъ тризну. Въ 1217 году Ливы дѣйствуютъ совмѣстно съ Нѣмцами противъ Эстовъ и даже въ 1217 году противъ Русскихъ. Въ томъ же 1218 году они сражались въ рядахъ Нѣмцевъ противъ Литовцевъ, а въ слѣдующемъ 1219 году участвовали въ походѣ на ревелъскія земли. Затѣмъ они нѣсколько успокоились и въ 1225 году, между прочимъ и леневаденцы, удостоились видѣть и слышать черезъ переводчика умиротворительную проповѣдь папскаго легата, епископа Вальгельма, назначеннаго для разборки споровъ и умиротворенія Ливоніи.

Къ 1238 году уже вся Ливонія была покорена чужеземному игу.

Съ этого времени леневаденскіе Ливы уже теряютъ значеніе отдѣльной единицы и сливаются съ общою массою поработанныхъ нѣмецкому игу Ливонцевъ. Постоянное избіеніе и плѣненіе Ливовъ, главнымъ образомъ испытанныхъ на себѣ всю злобу Нѣмцевъ и Литовцевъ, привели это могущественное въ свое время племя въ крайнее нищенство и способствовали постепенному вымиранію Ливовъ и сліянію ихъ съ Латышами, такъ что современемъ вся ливская область стала мѣстожителемъ Латышей. Въ леневаденскія земли Латыши двинулись по всей вѣроятности со стороны Вендена, что можно объяснить по языку, по отгѣнку произношенія и сходству самыхъ словъ въ полосѣ отъ Вендена до Леневадена и къ западу отъ него, между тѣмъ какъ къ востоку отъ этой полосы, начиная отъ Пибалга черезъ Эрлаа и т. д. до Аперадена, языкъ имѣетъ совершенно другой отгѣнокъ произношенія и много другихъ словъ. Въ районѣ Гроссъ-Юпгфернгофскаго прихода Латыши говорятъ языкомъ книжнымъ — литературнымъ, т.-е. говорятъ такъ, какъ пишутъ. Что же касается Ливовъ, то отъ нихъ ни въ языкѣ, ни въ обычаяхъ Латышей никакихъ слѣдовъ не осталось.

Къ 1248 году Нѣмцы покорили Курляндію. Но Курляндцы не скоро однако поработались чужеземному игу и при всякомъ удобномъ случаѣ оказывали отчаянное сопротивленіе, за что, конечно, Нѣмцы не оставались въ долгу и избивали Курляндцевъ. Въ отместку эти послѣдніи въ союзѣ съ Литовцами ворвались въ Ливонію въ 1261 году, сильно ограбили подвинскія земли и 3 февраля разбили орденское войско подъ Леневаденомъ. Но все-таки со временемъ чужеземцы добились своего и поработили себѣ весь Прибалтійскій край, употребляя при этомъ союзниками и помощниками во время войнъ прежде поработанныхъ Ливонцевъ. Затѣмъ начинается продолжительная внутренняя борьба самихъ побѣдителей между собою. Во время этой борьбы коренные жители Прибалтійскаго края постепенно свыкаются съ своимъ тяжелымъ положеніемъ, которое становится для нихъ нормальнымъ явленіемъ ихъ жизни.

Въ 1522 году въ Лифляндію проникло лютеранство, которое свило себѣ прежде всего прочное гнѣздо въ Ригѣ; граждане прибалтійскихъ городовъ, а по деревнямъ рыцари-вассалы примкнули къ ученію Лютера; даже нѣкоторые епископы перешли въ новую вѣру. Крестьянахъ же перечислили изъ католичества въ лютеранство, и это не вызвало никакихъ смущеній въ совѣсти народа, среди котораго католичество не пустило вѣроятно глубокихъ корней.

Еще при Іоаннѣ Грозномъ Русскіе начали серіозный походъ противъ Ливоніи, но походъ этотъ не имѣлъ рѣшительнаго значенія въ судьбѣ ея. Затѣмъ въ 1709 году открыты были военныя дѣйствія императоромъ Петромъ Великимъ противъ Риги, которая пала въ 1710 году, а за нею и вся Лифляндія присоединя къ Россійскому Государству. Во время этихъ походовъ былъ окончательно разрушенъ Леневаденскій замокъ и больше не возстановленъ. Съ 40-хъ годовъ настоящаго столѣтія появилось въ краѣ православіе, а вслѣдъ затѣмъ уничтожена барщина и крестьянамъ дано право пріобрѣтенія земельной собственности.

О существованіи Леневадской церкви ничего не извѣстно хотя весьма вѣроятно что въ леневаденскомъ замкѣ была церковь; извѣстно только что съ появленіемъ лютеранства леневаденская церковь была по преданію обращена въ кирку. Послѣ разрушенія замка при Іоаннѣ Грозномъ была устроена гдѣ-то деревянная кирка, затѣмъ по ветхости ея — другая, а за ветхостью этой уже въ концѣ прошлаго столѣтія возведена новая, до сихъ поръ существующая на мызѣ Леневаденъ. Православная же церковь построена и освѣщена въ нѣкоторомъ разстояніи отъ замка въ 1873 г. во имя Св. Николая Мирликійскаго.



Кроппенгофскій приходъ.

Свящ. А. Юлосова.

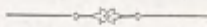
Приходская церковь во имя Преп. Арсенія отстоитъ отъ Риги въ 70 вер. Приписанный къ ней приходъ обнимаетъ незначительную часть южной Лифляндіи, въ составъ которой входятъ четыре волости Рижскаго уѣзда: Кроппенгофская, Ремергофская, Веренская и Задзенская.

Кладбищъ въ этомъ приходѣ имѣется три, въ трехъ первыхъ волостяхъ; всѣ они лютеранскія, для погребенія же православныхъ отдѣлена нѣкоторая ихъ часть. Въ числѣ погребенныхъ на номянутыхъ кладбищахъ нѣтъ лицъ чѣмъ-либо выдающихся.

Кромѣ вышеупомянутыхъ трехъ кладбищъ, въ волостяхъ Кроппенгофской и Задзенской существуютъ еще по одному *древнему кладбищу*, изъ коихъ первое распахано уже подъ поле и лишь незначительная часть его, около 8—10 □ саж., на которой собраны надмогильныя плиты и камни, остается не тронутымъ; второе же, какъ поросшее вѣковыми деревьями, стоитъ неприкосновеннымъ, но какихъ-либо памятниковъ на немъ не сохранилось и самыя надмогильныя холмики отъ времени почти сгладились.

Кладбище, расположенное въ предѣлахъ Задзенской волости, находится на правомъ берегу рѣки Огеръ, въ расстояніи одной версты отъ нея, другое же кладбище, Кроппенгофское, по лѣвую сторону рѣки на такомъ же отъ нея расстояніи. Къ какому именно времени можетъ быть отнесено послѣднее изъ сихъ кладбищъ, на которомъ сохранилось нѣсколько плитъ и камней, служившихъ надмогильными памятниками, опредѣлить весьма затруднительно, ибо какихъ-либо надписей на нихъ не существуетъ. Плиты эти въ беспорядкѣ свалены на небольшомъ клочкѣ земли, поросшемъ орѣшникомъ, нѣкоторые изъ нихъ занимаютъ полулежачее положеніе, другіе же лежатъ на землѣ и отчасти опую прикрыты. Нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ сквозныя просѣченныя отверстія въ видѣ неправильныхъ крестовъ заключенныхъ въ кругѣ; на поверхности же другихъ высѣчены подобія креста, третьи представляются въ видѣ грубыхъ, неумѣло вырубленныхъ крестовъ.

Преданіе, существующее въ народѣ относительно этихъ кладбищъ, весьма разнорѣчивы и маловѣроятны. Что касается Кроппенгофскаго кладбища, то оно неоднократно было разрываемо кладойскателями, а года три тому назадъ, раскопки онаго производилъ владѣлецъ сосѣдней мызы Ледмансгофъ фонъ-Трапзе, по ни первые, ни послѣдній ничего не нашли кромѣ костей.



Берзонскій православный приходъ.

Священника Іоанна Борисона.

Берзонскій православный приходъ находится въ Лифляндской губерніи, Венденскаго уѣзда, въ 85 верстахъ отъ уѣзднаго города Венденъ, и въ 35 верстахъ отъ ст. „Штокмансгофъ“ Риги-Двинской жел. дороги. Настоящая Берзонская Свято-Троицкая церковь построена въ 1851 г. въ казенномъ имѣніи Гроздонъ, въ разстояніи одной версты отъ послѣдняго, а отъ частнаго имѣнія Берзонъ, — въ разстояніи около двухъ верстъ и въ такомъ же разстояніи отъ лютеранской Берзонской кирки.

Въ исторіи замокъ Берзонъ упоминается въ 1577 году, во время похода Іоанна Васильевича на Ливонію. Въ лѣтописи Руссова ¹⁾ сказано, что по взятіи Зесвегена (мѣстечко въ 28 верстахъ отъ Берзона), Великій князь пошелъ дальше къ Барзому (такъ въ древности назывался Берзонъ, а также еще назывался и „Борзуномъ“), который имъ былъ взятъ 22 августа 1577 г. Окруженные широкимъ ровомъ остатки разваливъ древняго замка Берзонъ и теперь еще сохраняются вблизи вновь построеннаго новаго мызнаго зданія. На разстояніи же версты отъ разваливъ древняго Берзонскаго замка, по дорогѣ въ Кокенгузень, а именно — на 41-й верстѣ отъ Кокенгузена — находится камень длиною въ 3½ фута и шириною въ 2 фута. На этомъ камнѣ высѣченъ небольшой шестиконечный крестъ, подъ которымъ высѣчена славянскими буквами слѣдующая надпись: „Здѣсь погребены казаки изъ Ямски Петръ Писаревъ и Осипъ Дудинъ апр. 4 дн. 1794 год.“. Въ народѣ сохранилось преданіе, что два похороненныхъ подъ этимъ камнемъ казака были начальники отрядовъ, высланныхъ при императрицѣ Екатеринѣ II противъ Поляковъ въ то время, когда лифляндскому барону Ивану Евстафьевичу Ферзену посчастливилось взять въ плѣнъ Косцюшку.

Берзонскій православный приходъ расположенъ въ юго-восточной части Лифляндіи, въ мѣстности гористой и безлѣсной; нѣтъ также здѣсь ни большихъ озеръ, ни рѣкъ не имѣется. Изъ горъ особенно выдается гора, слыvuщая подъ названіемъ „Гайзинь“, съ вершины которой въ хорошую, ясную погоду въ подзорную трубу видно до 13-ти окружныхъ православныхъ церквей и лютеранскихъ кирокъ, городъ Якобштадтъ и башня Петровской кирки въ городѣ Ригѣ, находящейся отъ „Гайзинь“ горы въ 130 верстахъ. Замѣчательныхъ историческихъ мѣстъ въ приходѣ не имѣется.

¹⁾ Въ лѣтописи Руссона „Перемиріе съ Польшею“ гонорится, что при заключеніи перемерія 6 января 1582 г. Іоаннъ Васильевичъ велѣлъ своимъ посламъ уступить Польшѣ 34 Лифляндскихъ города, между которыми упоминается и Борзунъ, вывѣшній Берзонъ.

Марценскій православный приходъ.

Марценскій православный приходъ находится въ Лифляндской губерніи, въ Венденскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Марценъ, въ 36 верстахъ отъ станціи „Штокмансгофъ“ Риго-Двинской жел. дороги и принадлежитъ барону Майделю, лютеранскаго исповѣданія.

Названіе „Марценъ“ древнее, официальное и народное; мѣстные старожилы другого названія мѣстности не знаютъ. По времени имѣніе Марценъ существуетъ самостоятельно около ста лѣтъ. Въ 1812 году Марценскій помѣщичій домъ уже существовалъ. Православный же приходъ официально открытъ 14 мая 1851 года.

Въ *Археологическомъ* отношеніи въ районѣ *Марценскаго прихода* можно указать на „Пилсъ-Калнъ“ (Замокъ-Гора) въ 1¹/₂ верстѣ отъ церкви. Старики передаютъ, что эта гора получила названіе отъ нѣкогда находившагося на ней дубоваго замка. Этотъ замокъ по преданію сгорѣлъ, доказательствомъ чего служитъ пепельный цвѣтъ земли на горѣ и склонахъ ея, а также находимый въ горѣ перегорѣвшій уголь, стекло, желѣзо. Также рассказываютъ, что въ болотѣ у подошвы горы находили подъ мхомъ обгорѣвшія дубовыя бревна. Лѣтъ пять назадъ, когда еще пахали на склонахъ горы, крестьяне находили различныя вещи, какъ-то: *брошки, кольца, браслеты, бубенчики, бусы изъ синяго стекла*, желѣзные топоры съ широкимъ лезвіемъ, *крестики*, человѣческія кости. Изъ упомянутыхъ находокъ удалось получить отъ крестьянъ, живущихъ близъ горы: 5 *брошекъ*, имѣющихъ фѣрму подковки, изъ витой толстой мѣдной проволоки; одинъ *мѣдный браслетъ* въ видѣ змѣи согнутой въ кольцо, съ раскрытою пастью, при чемъ хвостъ вцупенъ въ пасть и неприпаянъ; *два мѣдныхъ полукольца*; битые жестяныя *бубенчики*, мѣдныя *пластинки-побрякушки*; одну *бусу* изъ синяго стекла и три *монеты*, на одной изъ которыхъ читается латинскими буквами MINERVA.

Вершина горы „Пилсъ-Калнъ“ продолговатая и гладкая. Среди горы возвышается холмъ въ 3 сажени вышины, насыпанный, по преданію, руками человѣческими. На этомъ холмѣ въ настоящее время построена башня въ 3 сажени вышины Марценскимъ барономъ Майделемъ. Съ башни открывается великолѣпный видъ на окрѣжность.

На склонахъ горы „Пилсъ-Калнъ“ и теперь еще находятъ различныя вещи, особенно послѣ весенняго таявія снѣговъ и проливныхъ дождей.

Весною 1895 года марценскій крестьянинъ выпахалъ глиняный горшокъ съ Шведскими монетами.

Лаудонскій приходъ.

Священника Николая Пятницкаго.

Лаудонскій приходъ расположенъ въ юго-восточномъ углу Лифляндской губерніи, Венденскаго уѣзда, на границѣ Двинскаго и Рѣжскаго уѣздовъ, Витебской губерніи, приблизительно между 43,50' и 44,20' восточной долготы и 56,30' и 56,41' сѣверной широты. Приходъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ притока рѣки Двины — Айвъксты (Эвсть) и состоитъ нынѣ изъ 6 волостей.

Мѣстность въ приходѣ — ровная, горы встрѣчаются только въ сѣверной части Лаудонской волости: по границѣ Лаудонской и Марценской волостей. Лаудонскій приходъ изобилуетъ лѣсами, озерами и рѣчками. Лѣса преимущественно хвойные, но есть и лиственные. Помѣщики берегутъ свой лѣсъ и не продаютъ его на сплавъ, сами же расходуютъ его только по мѣрѣ надобности, почему могутъ гордиться обширнѣйшими лѣсами. Такимъ образомъ мѣстность Лаудонскаго прихода является лѣсистая и вмѣстѣ съ тѣмъ довольно живописная. Обиліемъ лѣса объясняется обиліе озеръ и рѣчекъ, хотя выдающихся по своей величинѣ озеръ (исключеніе Лубанское озеро) и рѣчекъ, за исключеніемъ р. Эвсть, не имѣется. Эвсть беретъ начало въ Лубанскомъ озерѣ и впадаетъ въ Двину у Штокмансгофа. Рѣка эта быстрая и довольно глубокая, мѣстами отъ 2-хъ до 4-хъ сажень глубины. Правый берегъ ея немного возвышенный, а лѣвый низменный и славится своими поемными лугами. Было нѣсколько попытокъ устроить на Эвстѣ пароходство, — по всѣ эти попытки до сихъ поръ остаются попытками, потому что требуется предпримчивость и капиталы, чтобы очистить Эвсть отъ пороговъ и мелей.

Народонаселеніе прихода состоитъ изъ Латышей, хотя и есть семействъ 10 Русскихъ. Главное занятіе прихожанъ — земледѣліе, чему благоприятствуетъ довольно плодородная почва и обиліе сѣнокосовъ.

Латыши, населявшіе Лаудонскій приходъ, въ русскихъ лѣтописяхъ извѣстны подъ именемъ Летгалы (отъ слова Леты — Латыши и галсъ — конецъ земли Латышей или окраина). Летгалы занимали весь Венденскій уѣздъ, половину Вольмарскаго, весь Валкскій и часть Люценскаго и Двинскаго уѣздовъ. Летгалы, по свидѣтельству преп. Нестора, въ IX вѣкѣ уже находились подъ русскимъ подданствомъ. Часть Летгалы, занимаемой въ настоящее время Лаудонскимъ приходомъ, была покорена Нѣмцами, вѣроятно, около

1208 года, когда было покорено Герсикское княжество. Гдѣ бы ни находился городъ Герсике, во всякомъ случаѣ онъ былъ недалеко отъ Лаудона. Если вѣрно, предположеніе, что Герсике былъ на мѣстѣ теперешняго Крейцбурга, то онъ находился лишь въ 31 верстѣ отъ Лаудона. Если же справедливо мнѣніе большинства историковъ, полагающихъ этотъ городъ гораздо ниже, на правомъ берегу Двины, противъ нынѣшняго Зельбурга, гдѣ, въ 2-хъ верстахъ отъ имѣнія Штокмансгофъ до сихъ поръ видны слѣды развалинъ древней крѣпости, то городъ этотъ находился отъ Лаудона также не далѣе какъ въ 31—32 верстахъ. Къ тому же область Герцискаго княжества простиралась на нѣкоторую часть Венденскаго и Двинскаго уѣздовъ, а граница Двинскаго уѣзда находится въ 10 верстахъ отъ Лаудона. Съ того времени, вѣроятно, населявшіе эту часть Лифляндіи Латыши были обращены въ католицизмъ. Рѣшеніемъ ландтага въ Вольмарѣ 17 января 1554 года протестанство было уравнено въ правахъ съ католичествомъ и съ того времени стало распространяться между Латышами.

Въ воспоминаніяхъ Левенштерна, помѣщенныхъ въ III т. „Сборника матеріаловъ по исторіи Прибалтійскаго края“, находимъ интересныя свѣдѣнія объ имѣніи Лаудонъ. „Тутъ, говорится тамъ, стоялъ прежде архіепископскій замокъ, который построилъ въ 1271 г. архіепископъ Іоаннъ фонъ Лукенъ и былъ разрушенъ въ 1577 г. войскомъ царя Іоанна Васильевича; въ позднѣйшія времена, въ войну между Польшею и Швеціей, объ этомъ замкѣ упоминается, какъ о деревянномъ блокгаузѣ (въ 1 верстѣ отъ церкви). Еще въ 1432 г. архіепископъ Рижскій Геппигъ Шарфенбергъ отдалъ въ ленное владѣніе Оттону Лаудону 4 гагена земли, принадлежащей къ помѣстью Лаудонъ, которымъ владѣлъ его отецъ. Семьдесятъ лѣтъ спустя, въ 1503 г., этотъ ленъ подтвержденъ архіепископомъ Михаиломъ Гильдебрандтомъ и прибавлено полгагена при озерѣ Тотценѣ, отчего весь участокъ земли получилъ названіе Тотценъ, а владѣтели его назывались Лаудоны фонъ Тотценъ. Въ 1638 г., послѣ опустошительныхъ войнъ, тотценскимъ помѣщикомъ былъ Гапсъ-Лаудонъ, крестьяне котораго состояли изъ трехъ разбѣжавшихся семействъ; у нихъ у всѣхъ вмѣстѣ было 2 лошади и 2 коровы и въ томъ году они высѣяли $4\frac{1}{2}$ лофа ржи. Это можетъ дать понятіе о разореніи, которое терпѣла въ то время Лифляндія. Уже 50 лѣтъ, прибавляетъ Левенштернъ, нересматривавшій свои воспоминанія въ 1850 г. (стр. 565), какъ Лаудонъ принадлежитъ баронамъ Мейнерсамъ, побывавъ нѣкоторое время во владѣніи Тизенгаузеновъ (стр. 613—614). Іоаннъ IV Васильевичъ Грозный, съ цѣлію возвратить Россіи Прибалтійскій край, предпринялъ войну, которая продолжалась съ 1558 по 1578 г. и была очень благоприятна, такъ что русскому оружію покорились всѣ Латыши нынѣшнихъ уѣздовъ: Люценскаго, Рѣжицкаго, Двинскаго и вся Лифляндія, кромѣ города Риги. Въ августѣ 1577 г., взявъ Динабургъ и Крейцбургъ, Іоаннъ IV направился къ Лаудону, который по сказанію лѣтописи Руссова, немедленно былъ сдавъ 18 августа. Лаудонцамъ былъ данъ свободный пропускъ“. Причина, почему царь былъ столь милостивъ къ Лаудонцамъ, заключалась въ томъ, что Лаудонцы не сопротивлялись ему, а по сказанію разрядныхъ книгъ за 1577 г., (Нѣмцы) „встрѣтили государя за 5 верстъ и государь велѣлъ Левдунъ (Лаудонъ) разорити и подъ полаты бочки (пороху) подкатити, а Нѣмецъ отступилъ въ Курляндекую землю“ (стр. 272). Въ 1582 году Ливонія была уступлена Полякамъ.

Между мѣстностями, которыми Іоаннъ „велѣлъ посламъ своимъ поступитися въ земли Лифляндской“, значится также „Левдунъ городище“ (стр. 33). Въ 1660 г. Поляки и Русскіе, по просьбѣ Поляковъ принявшіе въ войнѣ участіе, окончательно должны были уступить Шведамъ господство надъ Ливоніей въ предѣлахъ, между прочимъ, и нынѣшней Лифляндіи. Потерянное Іоанномъ было возвращено Петромъ Великимъ въ 1710 г. Нейштадтскимъ миромъ 1721 г., августа 31.

Несмотря на то, что Лаудонъ (Левдунъ) упоминается въ исторіи, историческихъ слѣдовъ жизни его: развалинъ замка, кургановъ, насыпей крѣпостныхъ и т. д. не осталось, хотя говорятъ, что теперешній помѣщичій домъ построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде стоялъ архіепископскій замокъ Лаудонъ.

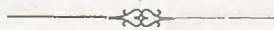
Малупскій приходъ.

Священника Виктора Хвоинскаго.

Малупскій приходъ находится на границахъ Лифляндской, Витебской и Псковской губерній, гдѣ находится большіе размѣровъ камень, называемый крестовымъ съ изображеніемъ треугольника, начертаніемъ буквъ R. L. VR., означающихъ пограничныя губерніи, и съ обозначеніемъ 1782 года.

На западной сторонѣ прихода, близъ имѣнія Альтъ-Аннегофъ, тянутся двѣ параллельныхъ цѣпи горъ съ востока на западъ протяженіемъ около версты, на западѣ соединяются третьею цѣпью горъ; вообще эта мѣстность представляетъ собою хорошую природную крѣпость, защищенную горами, какъ валами, съ юга, запада и сѣвера. Эта замѣчательная мѣстность занимаетъ собою площадь около одной квадратной версты.

Въ лѣсу между имѣніями Малупъ и Ней-Аннегофъ, близъ границы Витебской губерніи сохранилась просѣка, называемая старожилами казацкимъ мостомъ. По рассказамъ старожиловъ эта просѣка была устроена для движенія войска и перевозки оружія во время польскаго мятежа, бывшаго въ 1863 году.



Лидернскій православный приходъ.

Священника Семена Журавскаго.

Районъ бывшаго Лъзернскаго и теперь Лидернскаго прихода занимаетъ площадь приблизительно въ 280 или 300 □ верстъ. Площадь района прихода расположена въ юго-восточной части Лифляндской губерніи, Венденскаго уѣзда, на разстояніи 70 верстъ отъ уѣзднаго города и 120 верстъ отъ губернскаго города. По южной части этой площади пролегаетъ большая столбовая дорога изъ г. Пскова въ г. Ригу, а въ былое время, пока не было Рижско-Двинской желѣзной дороги, она была очень оживлена.

Вся мѣстность района прихода холмистая, съ большимъ пространствомъ болотъ, съ значительнымъ количествомъ озеръ, приблизительно около 20, и значительнымъ количествомъ пространства лѣсовъ; въ послѣдніе годы лѣса значительно порѣдѣли, дикихъ звѣрей въ нихъ нѣтъ. Почва земли почти вездѣ песчаная и глинистая.

Въ былые годы озера прихода изобиловали рыбою, а теперь рыбы мало; и самыя озера значительно высохли, а нѣкоторыя заросли тиною, или совершенно заросли; изъ такихъ бывшихъ озеръ одно расположено около мызы Медзула, а другое около корчмы Сална, Озолской мызы. Изъ большихъ озеръ въ приходѣ нѣтъ ни одного; самое большое изъ нихъ Гулбернское. Рѣки въ приходѣ тоже нѣтъ ни одной, а только маленькія рѣчонки, которыя вытекаютъ изъ озеръ или болотъ и соединяютъ нѣкоторыя озера. Почти всѣ эти рѣчонки составляютъ притоки рѣки Огеръ, которая втекаетъ въ рѣку Двину, около станціи „Огеръ“ Рижско-Двинской желѣзной дороги.

Въ районѣ прихода не имѣется ни одной древней постройки, сколько-нибудь замѣчательной въ археологическомъ отношеніи; здѣсь, напримѣръ, никогда не было ни одного замка, но по словамъ стариковъ, имѣются нѣсколько мѣстъ бывшихъ военныхъ дѣйствій и древнихъ военныхъ кладбищъ, такъ напримѣръ: недалеко отъ мызы Гулбернъ, на одной горкѣ, поросшей сосновымъ лѣсомъ, было когда-то военное кладбище; около деревни Звейнѣки, Медзулской мызы, на правомъ нагорномъ берегу рѣки Огеръ около корчмы Сална, мызы Озолгофъ, около деревни Карклы, Лубейской волости, на высокомъ берегу Лидернскаго большого озера, происходили когда-то военное дѣйствіе. На всѣхъ этихъ мѣстахъ случайно находили въ землѣ скелеты людей въ боевыхъ броняхъ, остатки оружія и т. д. Передаютъ старожилы, что черезъ большое Гулбернское озеро когда-то была проложена насыпная дорога; теперь этой дороги пѣтъ, но говорятъ, что въ ясную тихую погоду на днѣ озера слѣды этой дороги видны и теперь.

Мѣстность, занимаемая райономъ Лидернскаго прихода, издревле была заселена Латышами.



Лаздонскій приходъ.

Свящ. Іоаннъ Дубровинъ.

Православный Лаздонскій приходъ расположенъ въ юго-восточной части Венденскаго уѣзда. Онъ окруженъ слѣдующими приходами: на юго-западѣ находятся Берзонскій (13 в.) и Марценскій (14 в.), на сѣверѣ Керстенбемскій (18 в.) и Лидернскій (18 в.), на югѣ Лаудонскій (16 в.); съ востока же ограничиваетъ его лютеранскій Лубанскій приходъ, примыкающій непосредственно къ Витебской губерніи.

Лаздонская Свято-Троицкая церковь отстоитъ отъ губернскаго города Риги въ 152 в., а отъ уѣзднаго города Вендена въ 90 верстъ.

Мѣстное населеніе Латыши, которыхъ *върванія* составляютъ, по большей части, прямое наслѣдіе язычества. Нужно замѣтить, что языческія религіозныя воззрѣнія Латышей обнаружили замѣчательную живучесть. Еще въ тридцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія Латыши въ сѣверной Курляндіи приносили языческія жертвы подѣ священнымъ деревомъ; только 13 мая 1836 г. оно было срублено и сожжено пасторомъ Карбломомъ. Если сохраненіе такого чисто-языческаго преданія до настоящаго столѣтія составляетъ единичный случай, то въ прошлыхъ столѣтіяхъ оно является весьма распространеннымъ: Давидъ Вундереръ говоритъ о Латышахъ, что они поклоняются солнцу, лунѣ, звѣздамъ, деревьямъ, тѣнямъ умершихъ. Эйхорнъ свидѣтельствуетъ въ своей *Historia Lettine*, что въ его время совершались жертвоприношенія древнимъ божествамъ и священнымъ деревьямъ¹⁾. Какова же была древняя языческая религія Латышей? Общій характеръ ея заключался въ боготвореніи всѣхъ окружающихъ вещей и явленій природы, имѣющихъ какое-либо отношеніе къ человѣку, приносящихъ ему пользу или вредъ. По представленію древняго Латыша, каждый предметъ или явленіе имѣли своего бога. Такъ существовали боги огня, лѣса, моря, земли, скота, садовъ, цвѣтовъ, пчель, овецъ и т. д. Но изъ всѣхъ этихъ боговъ особенно выдѣлялись своею могуществомъ Перкунъ (*Perkuns*), богъ грома и молніи, властитель неба; Потримпъ (*Potrimps*), богъ земли и вмѣстѣ съ тѣмъ плодородія, и Пійкальсъ (*Pikols*), богъ подземелья, смерти. Кромѣ того Латыши почитали домашнихъ духовъ, такъ называемыхъ хозяевъ дома (*Mahjas kungs*) и вѣрили въ существованіе загробной жизни. Своимъ богамъ они приносили жертвы въ извѣстныхъ мѣстахъ, приуроченныхъ покло-

¹⁾ Исторія Ливоніи Чехихина.

ненію извѣстнаго бога. Перкуну, напр., приносились жертвы подъ дубами (въ нихъ часто ударяетъ молнія); богу пчеловодства Усиню (Uhsinĵch bīschm deews) около ульевъ, богу рыболовства (roeĵas deews Garadeetis) на берегу моря.

Жертвоприношенія сопровождались плясками и пѣніемъ пѣсенъ въ честь бога. Какъ и у всѣхъ земледѣльческихъ народовъ, праздники Латышей находились въ тѣсной зависимости отъ временъ года: то или другое время года давало имъ смыслъ и значеніе. Весною Латыши праздновали праздникъ обновленія природы въ честь Лиго, божества любви и радости. Это — самый любимый праздникъ Латышей. Въ то время какъ другія языческія празднества постепенно забываются народомъ, пѣсни въ честь Лиго до сихъ поръ поются въ Ивановъ день. Въ древности въ этотъ праздникъ приносили въ жертву по большей части вѣтки изъ дубовыхъ листьевъ и цвѣтовъ и цѣлую ночь жгли костры на большихъ возвышенностяхъ, при неумолкаемомъ пѣніи пѣсенъ въ честь Лиго, и пляскѣ вокругъ костра. Зимою, когда природа окутана снѣжнымъ покровомъ и когда земледѣльческій трудъ уже невозможенъ, Латыши сожигали чурбанъ, изображающій собою трудъ. Это — такъ называемый *Bluku wakars* (вечеръ чурбана). Осенью, послѣ окончанія работъ, по уборкѣ хлѣба, праздновались такъ называемые *Deewapes*. Въ этотъ праздникъ Латыши угощали своихъ боговъ, какъ живущихъ внѣ дома, такъ и въ самомъ домѣ. Для первыхъ выносились лучшія кушанья въ лѣсъ, а для домашняго духа они относились большею частію на гумно или чердакъ риги. Черезъ депъ (день, въ который Латыши устраивали пиры для боговъ — *deewinie* 29 сентября (*Mikelis*) — эти мѣста осматривались и, судя по тому, съѣдены ли извѣстныя кушанья, или нѣтъ, дѣлались выводы о благорасположенности или неблагорасположенности боговъ къ дому. Латыши угощали ихъ еще вечеромъ, наканунѣ большихъ праздниковъ, какъ Рождество Христово, Новый Годъ, Крещеніе и др. Когда въ эти вечера семья усаживалась за ужинъ, старшій въ семействѣ бралъ извѣстную часть съ каждаго кушанья и паливалъ это въ одну большую ложку; затѣмъ со словами: „*ehdeet garī, pomihsu laba*“ (кушайте, духи, отъ нашего добра), содержимое ложки выливалось на печь; только послѣ этого семья могла приняться за ужинъ. Домашній духъ былъ духомъ добрымъ, благорасположеннымъ къ дому, въ которомъ онъ обиталъ. (Замѣчательно сходство этого вѣрованія Латышей съ славянскимъ — въ домового). Но у Латышей существуютъ вѣрованія и въ разныхъ нечистыхъ, злыхъ духовъ, какъ-то: Лѣтвены, Вилкатсъ, Пукю (*Puhku*) и др. Эти вѣрованія-обычаи существовали почти повсемѣстно еще въ шестидесятыхъ годахъ. Разумѣется, не было открытыхъ языческихъ жертвоприношеній, но каждое предпріятіе начиналось суевѣрными дѣйствіями, неприличными христіанству. Населеніе въ своихъ скорбяхъ искало утѣшенія не въ христіанскихъ молитвахъ, а у разныхъ вѣщунговъ, прорицателей, колдуновъ, вѣдмъ, одаренныхъ, по мнѣнію народа, особенною силою дѣйствовать въ пользу, или во вредъ другимъ. Въ родѣ жертвы ежегодно въ Юрьевъ день (23 апр.) закалывали въ конюшнѣ пѣтуха, чтобы духи не требовали другихъ жертвъ. Въ Мартиповъ день, 10 ноября, закалывали по одной курицѣ или пѣтуху, въ каждомъ хлѣвѣ для той же цѣли, а кровью чертили кресты на дверяхъ. Весною хозяинъ первый выходилъ пахать съ торбой на плечахъ, въ которой имѣлъ кусокъ хлѣба, такъ какъ безъ того не ожидалось благословенія и т. п.

Интересно въ особенности празднованіе кануна Иванова дня (24 іюня). Въ этотъ день полевья работы рано заканчиваются и крестьяне сѣпають домой приготовиться къ празднику. Съ наступленіемъ вечера разряженныя толпы дѣвушекъ и парней, съ вѣнками изъ полевыхъ цвѣтовъ на головахъ, ходятъ по дорогамъ, громко распѣвая народную пѣснь съ припѣвомъ: Лиго, Лиго! Около дворовъ зажигаютъ костры или смоляныя бочки, и молодежь забавляется, танцуя около этихъ бочекъ, или прыгая черезъ огонь. Празднованіе, къ крайнему сожалѣнію, сопровождается неумѣреннымъ употребленіемъ крѣпкихъ напитковъ и тщетно пастыри церкви объясняютъ народу вредъ этого праздника и неумѣстность его для христіанина. Изъ церковноправославныхъ праздниковъ большимъ уваженіемъ, кромѣ Свѣтлаго дня, пользуются: Богоявленіе Господне, Троицынъ день (когда бываетъ крестный ходъ на кладбище).



Вольмарскій приходъ.

Вольмарская Сергіевская церковь получила свое названіе отъ мѣстонахожденія своего въ Вольмарѣ, уѣздномъ городѣ Лифляндской губерніи, отстоящемъ отъ г. Риги въ 112 верстахъ по направленію отъ нея на сѣверо-востокъ, въ разстояніи около полуторы версты отъ носящей названіе города желѣзнодорожной станціи Балтійской и Псково-Рижской желѣзныхъ дорогъ. Церковь эта единственная православная въ городѣ и въ цѣломъ приходѣ, состоящемъ, кромѣ самаго города, изъ прилегающихъ къ нему волостей; расположена она на углу улицъ Рижской (собственно продолженіе почтовой дороги въ Ригу) и Беатенской, ведущей въ близъ лежащее частное имѣніе Беатенгофъ. Самый городъ лежитъ подъ $57^{\circ}30'$ сѣверной широты и 43° долготы въ 190 футахъ надъ уровнемъ моря, на правомъ возвышенномъ довольно живописномъ берегу рѣки Аа (Аа-Трейдепъ, лифляндская Аа, древнее названіе Гайва, нынѣшнее латышское Гауя (gauja) или, какъ мѣстные русскіе называютъ, Гавья), въ мѣстности съ песчанымъ грунтомъ, съ рощами по преимуществу изъ хвойнаго (сосна и ель) лѣса. Впрочемъ окрестности Вольмара отличаются сравнительно плодородною почвою, благоустроенными мызами съ прекрасными при нихъ дубовыми аллеями и крестьянскими усадьбами-хуторами, свидѣтельствующими о зажиточности владѣтелей ихъ. На лѣвомъ берегу рѣки Гавья въ послѣднее время образовалось предмѣстье по направленію къ желѣзнодорожной станціи, вблизи коей въ свою очередь раскидывается слободка. Предмѣстье расположено на землѣ, принадлежащей къ частному имѣнію Каугерсгофъ, владѣльцу коего фонъ Левенштерну принадлежитъ и другая прилегающая къ г. Вольмару мыза-Вольмарсгофъ. Соединяется предмѣстье съ городомъ постояннымъ деревяннымъ на таковыхъ же устояхъ мостомъ. Рѣка Гавья сплавная во время половодья, а въ остальное время года сильно мелѣетъ, такъ что затруднительно бываетъ сплошное по ней плаванье даже въ маленькой лодочкѣ. Съ сѣверной стороны города въ рѣку Гавью впадаетъ небольшой ручеекъ Ратъ (по латышски Ратъ-уце, по нѣмецки Ратсбахъ), который въ прежнее время вѣроятно окружалъ городъ. Нынѣ же въ западномъ углу, образуемомъ ручейкомъ Ратъ и Гавьею, на самомъ берегу Гавьи стоятъ печальные остатки былаго могущества рыцарей древній замокъ, а также гордо возвышается древняя лютеранская кирха. Городъ Вольмаръ (по-нѣмецки *Wolmar*, по-латышски Валмѣра, *Walmeera*) получилъ свое названіе отъ собственнаго имени Вольдемаръ и составляетъ сокращеніе этого слова.

О томъ, кто именно былъ основателемъ г. Вольмара, существуетъ нѣсколько предположеній. Одни историки полагаютъ, что основатель города былъ датскій король Воль-

демаръ II, построившій городъ и замокъ въ память чудесной побѣды въ древней Лифляндіи. Другіе приписываютъ основаніе города въ 1283 году орденскому магистру Виллекину Трауэрбургскому, дѣйствительно выстроившему въ этомъ году новыя укрѣпленія и замокъ, развалины коего нынѣ видны. Но оба эти предположенія недостовѣрны, ибо извѣстно, что датскій король Вольдемаръ въ Лифляндіи не бывалъ, а одержалъ значительную побѣду въ Эстляндіи подъ Ревелемъ въ 1219 году. Гораздо большей вѣроятности заслуживаетъ мнѣніе, что основателемъ Вольмара былъ Псковскій князь Владиміръ, изгнанный Русскими со всеѣмъ своимъ семействомъ изъ Пскова за то, что выдалъ свою дочь замужъ за Дитриха (Теодориха), брата рижскаго епископа Альберта. По сказанію ливонской хроники Генриха Латышскаго Псковскій князь Владиміръ сдѣлался въ 1213 г. фохтомъ (судьею) въ древней Толовѣ у Леттовъ и поселился въ Метимпѣ, или точнѣе—Аутинѣ, пачавшаго съ этого времени по-латышски называться Валмѣра, а по русскимъ лѣтописямъ Владимерець или Володимерець Ливонскій.

Мѣстность, въ которой расположенъ Вольмаръ и Вольмарскій приходъ въ древности извѣстна была подъ именемъ Идумеи, Трикатіи и Толовы (или Талови); а эти округи, какъ извѣстно достовѣрно, еще до пришествія въ Ливонію Нѣмцевъ платили дань Псковскимъ князьямъ и были такимъ образомъ въ зависимости отъ Русскихъ. Съ водвореніемъ въ Прибалтійскомъ краѣ Нѣмцевъ зависимость этихъ округовъ отъ Русскихъ прекратилась съ 1213 г., и владычество здѣсь Нѣмцевъ-рыцарей надъ порабощенными туземцами утвердилось на долгое время.

Во время литовскихъ войнъ царя Іоанна Васильевича IV Грознаго городъ Вольмаръ неоднократно подвергался осадѣ со стороны Русскихъ. Такъ извѣстно объ осадѣ города воеводою Петромъ Шуйскимъ въ 1560 г.; о набѣгѣ на городъ дерптскаго воеводы Феодора Бутурлина и др.

Въ извѣстный походъ царя Іоанна IV Васильевича на Ливонію въ 1577 г. къ Вольмару подступилъ трехтысячный отрядъ войска подъ начальствомъ Богдана Бѣльскаго, который посредствомъ хитрости немедленно завладѣлъ городомъ. Вскорѣ въ Вольмаръ пожаловалъ самъ царь Іоаннъ IV и далъ здѣсь великолѣпный пиръ Русскимъ воеводамъ и знатымъ Литовцамъ. Тогда же царь Іоаннъ IV послалъ изъ Вольмара обширное письмо князю Андрею Михайловичу Курбскому, такъ какъ царь вспомнилъ, что здѣсь въ 1654 г. пашель убѣжище себѣ опальный князь. Владычество Русскихъ надъ Вольмаромъ и вообще Ливоніею было на этотъ разъ непродолжительно. Изъ-подъ власти рыцарей, Литовцевъ и Польши Ливонія отошла къ Шведамъ, которые владѣли ею въ теченіе одного лишь столѣтія, и вотъ тогда, наконецъ исконная вотчина русскихъ царей мудростью и могуществомъ императора Петра I вошла въ составъ государства Россійскаго. Фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ откомандировалъ отрядъ подъ начальствомъ генералъ-майора фонъ Вердена, который подступилъ къ Вольмару, разрушилъ окончательно замокъ и овладѣлъ 25 августа 1702 г. городомъ.

Кто были первоначальные обитатели Вольмара и его окрестностей, древней Толовы, Трикатіи и Идумеи, точныхъ свѣдѣній нѣтъ. Полагаютъ однако, что въ глубокой древности здѣсь жили народы финскаго племени. Исторія застаётъ уже здѣсь поселившихся Леттовъ, Латышей (Летгола по русскимъ лѣтописямъ, литовско-славянская отрасль индо-

европейскаго племени). Съ покореніемъ края Нѣмцами послѣдніе заняли замки и сдѣлались господами страны. Съ рыцарями прибыли нѣмецкіе ремесленники и купцы и образовали сословіе горожанъ-бюргеровъ. Сравнительно небольшое количество пришлыхъ Нѣмцевъ-бюргеровъ скоро стало увеличиваться, ассимилируя и германизируя латышское населеніе. Нынѣшнее населеніе Вольмарскаго прихода состоитъ изъ большинства Латышей и затѣмъ изъ небольшой группы Нѣмцевъ и онѣмечившихся Латышей; попадаются Эсты; Евреевъ очень мало и, наконецъ, Русскіе. Послѣдніе стали убѣгать сюда въ тяжелое крѣпостное время и находили пріютъ въ городахъ и помѣстьяхъ. Нѣкоторые же изъ Русскихъ добровольно поселились здѣсь вскорѣ послѣ войны 1812 г. для занятія торговлею.

На протяженіи громаднaго пространства, занимаемаго Вольмарскимъ православнымъ приходомъ, находятся слѣды старины въ развалинахъ *замковъ* и *древнихъ городищъ*. Впрочемъ отъ послѣднихъ въ большинствѣ случаевъ сохранились одни названія.

Между этими памятниками назовемъ:

1. Развалины замка Вольмара, древняго городища Аутыне (или Антынь) находятся на Вальтерсбергѣ, въ сѣверо-восточной части нынѣшняго Вольмара на высокомъ берегу Гавьи, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ нее впадаетъ ручей Ратсбахъ. Названіе городища перенесено на здѣсь же находящуюся кирку Антона, или Антыня, которая построена въ 1231 году.

2. Крестьянская усадьба Антыни въ 8 верстахъ отъ Вольмара по дорогѣ въ имѣніе Буртнекъ въ Вольмарсгофской волости. Названіе этой усадьбы то же, какое носило древнее городище Вольмаръ, указываетъ на преданіе, что старшина древняго Аутыне при папешти Нѣмцевъ выселился изъ городища и образовалъ новый поселокъ.

3. Вольмарсгофскій пасторатъ въ $\frac{1}{2}$ верстѣ отъ города къ сѣверу. Жилой домъ построенъ вскорѣ послѣ присоединенія Вольмара къ Россіи и имѣетъ нынѣ 175 лѣтъ. Преданіе говоритъ, что пасторатъ былъ въ самомъ городѣ и разрушенъ при осадѣ Русскими, а пасторъ былъ сосланъ въ заключеніе за оказанное имъ сопротивленіе.

4. Едва замѣтные остатки въ $\frac{1}{4}$ вер. отъ Вольмара по дорогѣ въ Валкъ кирки св. Анны, разрушенной при осадѣ города Русскими, при чемъ, какъ говорятъ, колоколь и чаша этой кирки увезены ими. Здѣсь же было нѣкогда и кладбище.

5. Въ усадьбѣ Сіймапэни, вверхъ по теченію рѣки Гавьи на правомъ берегу ея, у рѣчки Меллупъ указываютъ на три священные дуба (отъ 23 до 28 фут. въ окружности), подъ которыми древніе Латыши язычники приносили свои жертвы.

6. Въ усадьбѣ Путрини, въ 2 верстахъ отъ города внизъ по теченію рѣки, указываютъ на старую иву, предъ которою древніе Латыши совершали обрядъ клятвы. Здѣсь же расположены холмы, своимъ названіемъ Пиннюкалны (т.-е. финскія горы) указывающіе на бывшихъ обитателей сихъ мѣстъ — Финновъ.

7. Папендорфская кирха въ 12 верстахъ отъ города по дорогѣ въ Ригу. Здѣсь указываютъ мѣстопахожденіе древняго городища Метимне съ округомъ Идумеей или Видумеей (отсюда латышское названіе Ляфляндіи — Видземе, т.-е. середина земли). Названіе кирхи Папендорфъ (отъ словъ папа, или попъ, и дорфъ — дворъ, т.-е. папскій и попскій дворъ, погостъ) напоминаетъ о томъ времени, когда здѣсь былъ судьбою

Псковскій князь Владимиръ, основатель Вольмара. Вѣроятно православный князь отвелъ здѣсь мѣсто для жительства бывшаго съ нимъ православнаго духовенства.

8. Синяя гора (по-нѣмецки Блау-бергъ, по-латышски Зилайсъ-калсъ), въ 9 верстахъ отъ Вольмара по дорогѣ въ г. Лемзаль, получила названіе отъ синевы, которою она вѣчно окутана. Эстонская сага о томъ, какъ Дѣдушка давалъ на этой горѣ названія различнымъ народамъ, приписываетъ мифическое значеніе этой синевѣ. Эта же сага указываетъ на то, что нѣкогда здѣсь жили Эсты или Финны. Гора возвышается на 400 футовъ выше уровня моря. Здѣсь язычники-Латыши приносили нѣкогда жертвы и нынѣ указываютъ даже обрывистый берегъ, какъ мѣсто жертвоприношенія и жертвенника.

9. Беверинъ, въ Каугерской волости, на лѣвомъ берегу Гавьи, древнее латышское городище съ округомъ Толова или Талова, что значить: дальній округъ, въ отношеніи къ другимъ округамъ.

10. Трикате, Трикатія, древнее городище, въ имѣннѣ Трикатенъ съ развалинами древняго замка, въ 18 верстахъ отъ Волмара, въ Валкскомъ уѣздѣ.

11. Полумызокъ Дуринъ въ Каугерской волости, по предположенію, мѣстожительство Дуривальда, сына трикатенскаго старшины Таливальда, правителя округа Толовы.

12. Развалины замка Мюанъ (Муанъ) въ 9 верстахъ отъ Вольмара по дорогѣ въ г. Лемзаль.

Можно предполагать, что первыя сѣмена православія занесены въ нынѣшній Вольмарскій приходъ въ глубокой древности, гораздо ранѣе водворенія въ этомъ краю Нѣмцевъ. Жители древней Толовы, Трикатія и Идумеи были съ незапамятныхъ временъ данниками Русскихъ. Псковскіе князья, являясь сюда взимать дань, приводили съ собою священниковъ, которые и крестили язычниковъ-латышей, изъявлявшихъ желаніе быть христіанами. Такъ извѣстно, что трикатенскій старшина Таливальдъ и три его сына были православные. Мало того, извѣстно, что Латыши другихъ мѣстностей (имерскіе Латыши) бросали жребій, принять ли крещеніе отъ Лативцевъ, или отъ Русскихъ съ прочими Латышами изъ Толовы. На основаніи этого свидѣтельства (Генриха Латышскаго) можно полагать, что не одни вышеуказанные князьки, но и другіе Латыши Толовы и, вѣроятно сосѣднихъ округовъ, Трикатія и Идумеи, были православные еще до 1207 года. Наконецъ, двукратное княженіе въ этой мѣстности русскаго православнаго князя Владимира даетъ основаніе полагать, что были здѣсь и церкви. Городище Метимне въ Идумеѣ, извѣстное подъ именемъ нынѣ Папендорфъ (поповъ дворъ) по всей вѣроятности было мѣстомъ церкви, при которой находились и жилища православнаго духовенства. Безъ сомнѣнія была въ то время церковь и въ Вольмарѣ, какъ резиденціи князя Владимира. Вытѣсненіе русскаго вліянія изъ Ливоніи Нѣмцами, введеніе ими сначала католичества, а потомъ лютеранства было гибелью для православія въ здѣшней мѣстности. Царь Іоаннъ Васильевичъ IV Грозный во время своихъ походовъ въ Лифляндію приступилъ къ насажденію вновь православія въ завоеванныхъ имъ мѣстностяхъ. Во всѣхъ занятыхъ Русскими городахъ были по повелѣнію царя Іоанна Грознаго устроены православныя церкви съ надлежащими причтами. Можно полагать, что церковь была устроена и въ Вольмарѣ, гдѣ самъ царь нѣкоторое время проживалъ. Во время владычества Шведовъ надъ Ливоніею православіе въ районѣ Вольмарскаго прихода снова было уничтожено.

Съ покореніемъ Вольмара императоромъ Петромъ I въ него начинаютъ снова проникать и православные Русскіе. Но еще прошло много времени, пока былъ устроенъ здѣсь православный храмъ и учреждена отдѣльный причтъ. Для совершенія богослуженія и требъ изрѣдка пріѣзжали въ Вольмаръ полковые священники и тѣмъ утоляли духовную жажду православныхъ жителей Вольмара и его окрестностей. Изъ документовъ, хранящихся въ архивѣ мѣстной городской думы, можно усмотрѣть, что еще въ 1825 г. православные вольмарцы ходатайствовали о постройкѣ въ Вольмарѣ церкви, на что они жертвовали изъ своихъ средствъ на первый разъ 1100 руб., но ходатайство ихъ осталось безъ удовлетворенія, и церковь была построена въ 1828 г. не въ Вольмарѣ, а въ сторонѣ отъ него и отъ большой дороги, въ г. Лемзалѣ. Съ этого времени лемзальскіе священники начали вѣзжать зъ Вольмаръ для исполненія православнымъ вольмарцамъ духовныхъ требъ. Наконецъ, въ 1845 г. вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго Филарета, епископа рижскаго, по указу Святѣйшаго Синода отъ 14/21 декабря т. г. открытъ въ г. Вольмарѣ самостоятельный приходъ съ назначеніемъ особаго причта.

Къ осени 1845 г. церковь была благополучно окончена и 25 сентября этого года освящена преосвященнымъ Филаретомъ, епископомъ рижскимъ и митавскимъ, во имя преиодобнаго Сергія Радонежскаго чудотворца.

Недолго просуществовалъ первый Вольмарскій храмъ: чрезъ 30 лѣтъ онъ призналъ былъ ветхимъ и подлежащимъ капитальному ремонту.

На мѣстѣ прежней церкви въ 1877—1878 г. выстроенъ новый каменный храмъ на средства, отпущенныя Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ (16000 руб.) и 18 мая 1879 г. освященъ во имя святаго прежняго храма.



Гайнажскій приходъ.

Священника Іакова Метуса.

Гайнажскій православный приходъ состоитъ изъ волости Гайнажъ, Вольмарскаго уѣзда, и части волости Орегофъ, Перновскаго уѣзда. Первая изъ этихъ волостей — Гайнажская занимаетъ самую сѣверную оконечность Вольмарскаго уѣзда, Орегофская же южную часть уѣзда Перновскаго. Границами прихода служатъ съ западной стороны Рижскій заливъ, съ южной — земли имѣнія Альтъ-Зались, съ восточной — имѣние Ко-діакъ (Розень), съ сѣверной же стороны — рѣчка Лемме.

Приходъ занимаетъ площадь приблизительно въ 120 кв. верстъ, изъ коихъ 50 верстъ принадлежатъ къ волости Гайнажъ, а остальные 70 кв. верстъ къ волости Орегофъ. Эта площадь представляетъ изъ себя низменное, болотистое мѣсто, только упорнымъ трудомъ крестьянъ приспособленное къ культурѣ хлѣбовъ. Почва этой площади земли — крайне разнообразна, равно какъ и подпочва; больше всего встрѣчается суглинокъ и торфянистый черноземъ съ подпочвой — сѣрою или красною глиною. По направленію съ юга на сѣверъ, т.-е. вдоль моря, эту площадь пересекаютъ двѣ возвышенныя полосы — дюны, шириною отъ 100 до 400 сажень; первая возвышенная полоса тянется вдоль самаго моря, въ разстояніи одной четверти версты отъ него, вторая же — въ 6 верстахъ параллельно первой; эти возвышенныя полосы образовались изъ выбрасываемыхъ моремъ песковъ, на что указываетъ какъ самый составъ этихъ полосъ — песокъ, такъ равно и находимыя на глубинѣ 8—12 футовъ раковины и остатки морской травы. Вѣроятно же всего, что и все пространство земли по направленію съ моря въ материкъ на протяженіи 6—7 верстъ нѣкогда составляло морское дно, на что намекаютъ: 1) разбросанное по этому пространству громадное количество дикаго, булыжнаго камня; 2) сплошной изъ дикаго камня хрящъ, тянущійся вдоль берега въ разстояніи 6—7 верстъ на протяженіи нѣсколькихъ десятковъ верстъ. Объ исторической жизни Гайнажа не имѣется никакихъ данныхъ. Безмолвными и крайне неопредѣленными указателями этой жизни служатъ слѣдующіе памятники: 1) „Орлиный Городъ“ и 2) „Городская гора“. Мѣстность, называемая мѣстнымъ населеніемъ „Орлинымъ городомъ“ (ehrglu pils) находится верстахъ въ десяти отъ м. Гайнажъ по направленію къ сѣверо-востоку и представляетъ изъ себя продолговатую возвышенность, тянущуюся съ сѣверо-запада на юго-востокъ на пространствѣ десятиль 15—20. По-видимому, на этой возвышенности когда-то находилось укрѣпленіе. Вся возвышенность заросла лѣсомъ и покрылась мхомъ, изъ-подъ котораго рѣдко гдѣ виднѣются дикіе

камни, нѣкоторые громаднхъ размѣровъ. Мѣстные крестьяне рассказываютъ, что лѣтъ 20—30 тому назадъ изъ Норвегіи пріѣхали нѣсколько человѣкъ съ старинными картами для поисковъ запятаннаго въ означенныхъ развалинахъ золота...

Точно также неопредѣленны свѣдѣнія о другой мѣстности, именуемой Городскою горою. Эта Городская гора находится въ верстахъ 14—15 отъ м. Гайнажа, по направленію къ востоку, за крестьянскою усадьбою Вецвіать. Какіе народы и когда жили тамъ, объ этомъ не имѣется никакихъ данныхъ.



Маріенбургская цѣрковь.

Въ восточной части Лифляндской губерніи и въ юго-восточной же части Валкского уѣзда въ 25 верстахъ отъ границы Псковской губерніи и въ 30 верстахъ отъ Витебской, при большомъ озерѣ находится одно изъ красивѣйшихъ и большихъ имѣній Лифляндской губерніи — Маріенбургъ, которое на мѣстномъ латышскомъ нарѣчїи называется „Алуксне“ (Alukšne), а въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ „Алысть“. Отъ губернскаго города — Риги Маріенбургъ разстояніемъ въ 200 верстахъ, а отъ уѣзднаго — Валка въ 80 верстахъ; ближайшая отъ Маріенбурга — въ 52 верстахъ — желѣзнодорожная станція „Верро“ на Псково-Рижской линїи; почтово-телеграфное отдѣленіе имѣется съ 1891 года въ самомъ Маріенбургѣ.

Начало исторической жизни Маріенбурга относится къ первой половинѣ XIV столѣтія, когда ливонскіе рыцари пожелали воспользоваться непроходимыми лѣсами и болотами, окружавшими большое (нынѣ Маріенбургское) озеро, для устройства здѣсь себѣ неприступнаго гнѣзда, изъ коего они могли бы съ одной стороны отражать всякія попытки Псковичей проникнуть въ земли Латышей и Литовцевъ, а съ другой стороны могли бы простираť свою желѣзную руку къ порабощенію, а во время возмущенія и усмиренію коренныхъ жителей края — Латышей. И дѣйствительно, лучшаго мѣста для крѣпости трудно было бы и подыскать: а) близость границы владѣній Псковскихъ и Полоцкихъ князей; б) недоступность мѣстности со стороны этихъ границъ, т.-е. съ восточной и южной сторонъ, такъ какъ это пространство, представляя изъ себя равнину, было сплошь покрыто непроходимыми лѣсами и болотами, остатки коихъ видны и до сего времени, и в) наконецъ, большой островъ на озерѣ, что избавляло отъ лишнихъ трудовъ по устройству рововъ и канавъ вокругъ крѣпости. Здѣсь-то на этомъ островѣ великимъ магистромъ Ливонїи Борхардомъ ф. Дрейлеве и была заложена 25 марта 1342 года крѣпость, которая, судя по теперешнимъ развалинамъ, была одною изъ самыхъ большихъ крѣпостей Ливонїи. Въ лѣтописи Рюссова объ этомъ говорится: „въ день Благовѣщенія Борхардъ фонъ Дрейлеве сталъ строить великолѣпный замокъ на русской границѣ — Маріенбургъ, къ великой досадѣ Русскихъ, которые потому и собрались, чтобы разрушить этотъ замокъ, выстроенный слишкомъ близко къ ихъ землѣ. И тогда они подошли къ Маріенбургу и развели ужасный, густой дымъ, чтобы уничтожить въ замкѣ Нѣмцевъ. Хотя Нѣмцы и терпѣли великую бѣду отъ дыма, но они все-таки одержали побѣду. Тогда Арнольдъ Фитингофъ былъ назначенъ первымъ командоромъ въ Маріенбургъ“¹⁾.

¹⁾ Стр. 234, II т. „Прибалт. Сборника“ Чешихина.

Съ водвореніемъ на островѣ рыцарей и съ возведеніемъ тамъ крѣпости образовался около нея поселокъ изъ разнаго пришлаго люда: духовенства, мастеровыхъ, купцовъ и т. п.; этотъ поселокъ находился на берегу материка къ сѣверу и сѣверо-западу отъ крѣпости, съ которою имѣлъ сообщеніе посредствомъ постоянного моста; поселокъ просуществовалъ до самаго взятія крѣпости Русскими то-есть до начала XVIII столѣтія. За періодъ своего существованія Маріенбургская крѣпость однажды была въ рукахъ Русскихъ. Объ этомъ въ той же лѣтописи Руссова говорится, что: „зимой въ 1560 году послѣ Крещенія московить (московскіе воеводы — князья Шуйскій, Серебряный и Мстиславскій) всемъ войскомъ напалъ на Ливонію и завоевалъ прекрасный замокъ и крѣпость Маріенбургъ, сданный ему Каспаромъ ф. Зибергомъ — комендантомъ замка. Завоевавъ замокъ Маріенбургъ, московить страшно свирѣпствовали въ епископствѣ рижскомъ, убивая и сожигая“¹⁾. Но это владычество Русскихъ было непродолжительно, и съ паденіемъ Ливонскаго ордена (1562 г.) Маріенбургъ достался сначала Польшѣ, а затѣмъ Швеціи.

Въ началѣ августа мѣсяца 1702 года русскія войска подъ предводительствомъ Шереметева подступили къ Маріенбургу и на полуостровѣ (вдающемся въ Маріенбургское озеро) съ сѣверной стороны крѣпости начали возводить укрѣпленія и готовиться къ бомбардированію укрѣпленій; черезъ двадцать дней осады — 24 августа — крѣпостныя стѣны были настолько уже повреждены, что Русскіе признали возможнымъ взять ее приступомъ; но тутъ Шведы сдались и сложили оружіе. По уговору шведскія войска должны были сойти на берегъ первыми, — еще до занятія крѣпости Русскими; и вотъ, когда русское войнство, распустивъ знамена и при звукахъ музыки входило по мосту на островъ, послѣдовалъ взрывъ порохового погреба; этимъ взрывомъ былъ разрушенъ мостъ и все то, что оставалось въ цѣлости отъ осады, — это сдѣлалъ шведскій офицеръ Вульфъ. Съ разрушеніемъ крѣпости постепенно копчаль свое существованіе и образовавшійся около нея городокъ, ибо послѣдующіе владѣльцы Маріенбурга начали селиться на юго-восточномъ (отъ крѣпости) берегу озера, гдѣ и образовалось новое поселеніе — мѣза, существующая и до настоящаго времени. Отъ бывшаго при крѣпости поселка не осталось теперь и слѣдовъ; самая площадь его превращена въ поля, на которыхъ иногда находятъ слѣды старыхъ фундаментовъ и даже нѣкоторыя вещи. Памятниками историческаго Маріенбурга остались: 1) развалины крѣпости на островѣ; 2) осадные окопы, возведенные Русскими въ 1702 году, при чемъ на самомъ высокомъ изъ нихъ указываютъ мѣсто, съ котораго полководецъ Шереметевъ руководилъ осадой Маріенбурга; (такъ какъ отсюда открываются прелестныя виды на окружающую мѣстность, то владѣльцами Маріенбурга была устроена здѣсь каменная бесѣдка; курганъ этотъ называется „Темпельбергъ“ (Tempelberg) и служитъ въ настоящее время мѣстомъ гуляній); 3) торчащія изъ воды дубовыя столбы, которые служили сваями для моста; 4) мѣсто, гдѣ была старая кирка, простоявшая до конца прошлаго столѣтія, — (здѣсь въ настоящее время открываются кирпичныя подземныя склепы съ гробами) и 5) мѣсто казни (karatawas kalns) — это пригорокъ, на которомъ совершались казни

¹⁾ Стр. 385 II т. „Прибалт. Сборн.“.

преступниковъ и военно-плѣнныхъ; мѣсто это поросло тощимъ кустарникомъ и тутъ находятъ человѣческія кости. Кромѣ вышевзложеннаго Маріенбургъ можно отмѣтить съ той стороны, что онъ былъ родиной императрицы Екатерины I, которой выпало на долю изъ воспитанницы пезнатнаго пастора Глюка сдѣлаться императрицей Всероссийской.

Коренное населеніе Маріенбурга и его окрестностей Латыши; о нихъ можно сказать, что благодаря своей близости къ границамъ Псковской губерніи, они болѣе чѣмъ въ другихъ мѣстахъ знакомы съ русскими обычаями и нравами, — болѣе чѣмъ гдѣ-либо носятъ на себѣ отпечатокъ всего русскаго. Въ особенности это замѣтно при знакомствѣ съ здѣшнимъ латышскимъ нарѣчіемъ; хотя и вообще въ латышскомъ языкѣ встрѣчается много словъ сходныхъ съ русскими, но нигдѣ это такъ сильно не замѣтно, какъ здѣсь. Почти большинство латышскихъ глаголовъ въ здѣшнемъ старинномъ разговорномъ языкѣ употребляются въ слитности съ русскими предлогами напр.: *rossist* — разбить, *pro-est* — пройти, и т. п.; также нигдѣ въ другомъ мѣстѣ Латыши не употребляютъ въ разговорѣ словъ: *brats*-брантъ, *drugs*-другъ, *prosdneeks* — праздникъ и т. п., здѣсь же иначе и не говорятъ, какъ только вставляя въ свою латышскую рѣчь вышеприведенныя и т. п. русскія слова.

О нравахъ, обычаяхъ и суевѣріяхъ Маріенбургскихъ Латышей можно замѣтить, что они общи всѣмъ Латышамъ съ примѣсю только вѣрованій Русскихъ и Литовскихъ, и что нигдѣ эти суевѣрія такъ не сохранились, какъ здѣсь; сравнительно съ Латышами другихъ мѣстностей Лифляндіи здѣшній народъ очень темный и грубый, стоящій на довольно низкой степени духовнаго развитія. Съ 80 годовъ текущаго столѣтія начали селиться въ окрестностяхъ Маріенбурга и Эстонцы, которые, будучи гораздо состоятельнѣе и трудолюбивѣе Латышей, стали приобрѣтать въ собственность латышскіе крестьянскіе дворы и этимъ самымъ заставляютъ Латышей въ свою очередь оставлять родину и переселяться въ сосѣднія Псковскую и Витебскую губерніи. Таковое движеніе Эстонцевъ годъ отъ году все увеличивается.

Экономическое положеніе здѣшнихъ крестьянъ не завидно: платежи па землю велики, а земля не родитъ — плохая: песокъ да болота.

До начала 40 годовъ настоящаго столѣтія Маріенбургскіе Латыши были всѣ лютеране, по съ этого времени православіе проникло и сюда. Съ мая же мѣсяца 1846 года открытъ въ Маріенбургѣ самостоятельный приходъ съ назначеніемъ постоянного причта.

Православное Богослуженіе въ Маріенбургѣ началось совершаться съ 1 ноября 1845 года; а 22 апрѣля 1851 года былъ освященъ новый Маріенбургскій храмъ во имя Св. Живоначальныя Троицы.

Гарьельская церковь.

Священ. Николая Лебедева.

Единственно, что может здѣсь представить нѣкоторый интересъ, такъ это сохранившаяся небольшая часть фундамента отъ православной церкви въ деревнѣ Агеро, принадлежащей въ настоящее время православному крестьянину Адаму Калгану (онъ же теперь состоитъ и Гарьельскимъ церковнымъ старостою). Церковь эта въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ была построена преподобнымъ Корнилиемъ, игуменомъ Псково-Печерскаго монастыря, между 1550 и 1570 годами. На это имѣется указаніе въ имѣющейся въ библиотекѣ Гарьельской церкви книжкѣ: „О крестныхъ ходахъ въ городѣ Псковѣ и его окрестностяхъ. Мѣстныя замѣтки соборнаго іеромонаха Іосифа. С.-Петербургъ 1858 г.“, стр. 49. Никакихъ другихъ болѣе подробныхъ свѣдѣній объ этой церкви къ сожалѣнію не имѣется.



Голгофскій приходъ.

Голгоескій приходъ находится въ Лифляндіи, въ Валкскомъ уѣздѣ. Открытъ въ 1846 году, и до 1850 года назывался Аагофо-Ливонскимъ. Изъ лѣтописей прихода, извѣстныхъ въ историческомъ отношеніи, слѣдуетъ упомянуть замокъ Альтъ-Шваненбургъ и замокъ Тирзенъ. Развалины отъ этихъ замковъ не сохранилось. Народное преданіе приписываетъ разрушеніе упомянутыхъ замковъ то Іоанну Грозному, то Петру Великому, при чемъ въ разказѣ о разрушеніи Шваненбурга указываютъ на гору, находящуюся недалеко отъ им. Кроппенгофъ. Гору эту называютъ „Крѣпостною горою„ (по-латышски „pils kalns“). Она имѣетъ форму правильнаго конуса и заканчивается площадкой. Разказываютъ, что эта гора служила наблюдательнымъ пунктомъ для русскихъ войскъ при взятіи ими замка Альтъ-Шваненбургъ, или, какъ его тогда называли, Шваненбурга. Точныя историческія свѣдѣнія объ упомянутыхъ замкахъ имѣются въ лѣтописяхъ Шваненбургской и Тирзенской лютеранскихъ кирокъ.

Церковь построена въ мѣстности, въ историческомъ отношеніи ничѣмъ не замѣчательной. Имѣніе Голгоескъ, въ предѣлахъ котораго построена церковь, основано лѣтъ 300 тому назадъ чрезъ отдѣленіе его отъ им. Вейсенгофъ владѣтелемъ упомянутаго имѣнія паномъ Голгоескимъ, отчего имѣніе и ведетъ свое названіе.

Въ 3 верстахъ отъ Голгоеска по Старо-Псковской дорогѣ находится усадьба „Божасъ“. По словамъ старожиловъ усадьба названа такъ потому, что на мѣстѣ ея находилась когда-то католическая церковь съ кладбищемъ. И дѣйствительно, здѣсь находятъ множество человѣческихъ костей. Попытки, найти здѣсь какіе-либо предметы, интересныя въ археологическомъ отношеніи, не увѣнчались какимъ-либо успѣхомъ.

Зато богато различными древностями другое мѣсто, извѣстное подъ названіемъ „горы могиль“ (по-латышски „kari kalns“). Эта гора находится въ 2 верстахъ отъ Голгоеской церкви, недалеко отъ Голгоеской усадьбы „Эзерини“. Она окаймляется небольшою сосновой рощей, отчего это мѣсто называется еще „соснами могиль“ (по-латышски „kari preeces“).

Здѣсь производились неоднократныя раскопки то мѣстнымъ помѣщикомъ, то тайкомъ крестьянами, послѣдними — въ надеждѣ пайти какія-либо драгоценныя вещи. И дѣйствительно, вещей изъ желѣза и бронзы находятъ много.

Кости находятся на глубинѣ всего 2 — 3 футовъ; скелеты расположены въ безпорядкѣ. Судя по остаткамъ одежды, по украшеніямъ и оружію, паходимымъ

въ этихъ могилахъ, здѣсь погребены только лица мужескаго пола. Всѣ эти обстоятельства, въ связи еще съ тѣмъ, что могилы эти находятся на самомъ возвышенномъ мѣстѣ всей окрестности, наводятъ на мысль: не произошло ли здѣсь когда-либо сраженіе, и не погребены ли здѣсь павшіе войны? Сраженіе это должно было произойти ранѣе XVI столѣтія, т.-е. до изобрѣтенія пороха, такъ какъ въ могилахъ не находятъ никакого огнестрѣльнаго оружія. Далѣе, сраженіе должно произойти ранѣе XII столѣтія, до вторженія въ Лифляндію нѣмецкаго рыцарства, такъ какъ въ могилахъ нѣтъ рѣшительно никакихъ принадлежностей рыцарскаго вооруженія. Важно еще и то обстоятельство, что на нѣкоторыхъ костяхъ находятъ крестики, а на нѣкоторыхъ нѣтъ, почему приходится предполагать, что погребенные здѣсь войны были частью христіане, частью язычники.

Сравнивая найденныя здѣсь вещи съ древностями, найденными въ другихъ мѣстностяхъ Лифляндіи и описанными юрьевскимъ профессоромъ Фрид. Крузе¹⁾ приходишь къ заключенію, что въ найденныхъ могилахъ погребены Варяго-Руссы.

Изъ найденныхъ вещей укажемъ на тѣ, которыя могутъ быть сравнены съ древностями, описанными въ указанномъ сочиненіи, при чемъ въ скобкахъ обозначаемъ соотвѣтствующую страницу сочиненія Крузе, гдѣ упомянутая вещь описана, а равно и таблица изображеній или рисунковъ.

1. Топоръ (стр. 25, табл. 1).
2. Кинжалъ, ножъ (стр. 21, табл. 8., 1).
3. Два ожерелья (стр. 7, табл. 3, 27, 41).
4. Шейная цѣпь (стр. 7).
5. Два кольца и 1 перстень (стр. 12, табл. 1, 4, 13).
6. Два браслета (стр. 11, табл. 1, 3, 4, 11).
7. Цѣпь (стр. 7, табл. 1).
8. Пряжка съ обрывкомъ кожи и матеріи (табл. 4).
9. Другая пряжка, но побольше.
10. Два кольца съ древка копья или кинжала (табл. 4).
11. Два гравированныхъ обломка (табл. 1, i, k.)
12. Часть застежки съ обрывкомъ ремня.
13. Обрывокъ матеріи, вышитый бисеромъ.
14. Два обрывка матеріи, вышитой металлическими колечками.
15. Витые металлическіе шнуры, нанизанные на лыко, съ шапки (шлема) (табл. 19) или съ ожерелья (табл. 3).
16. 7 бубенчиковъ различной величины (табл. 10, 27, 3).
17. 17 раковинъ.

Препровождая при семъ вышеозначенныя вещи, нахожу нужнымъ присовокупить, что въ интересъ мѣстнаго Археологическаго Общества было бы произвести здѣсь раскопки, пока кроющіяся здѣсь древности еще не расхищены.

¹⁾ „Necrolivonica oder die Alterthümer Liv-, Est- und Kurlands bis zur Einführung des christlichen Religion in den Kaiserl. russ. Ostsee-Gouvernements“, изданномъ въ 1842 г. въ городѣ Юрьевѣ.

Народонаселеніе Голгоескаго прихода сплошь латышское, если не считать мѣстных помѣщиковъ Нѣмцевъ и десятокъ-другой Русскихъ, занимающихся выдѣлкою кирпича и коробейничествомъ. При этомъ нельзя не упомянуть еще о горсти Ливовъ, проживающихъ на границѣ Лейской и Дуренгофской волости. Уголокъ этотъ именуется „ливскимъ концомъ“ (по-латышски „lihves gals“), а въ центрѣ этого уголка (здѣсь рѣка Да дѣлаетъ дугообразный поворотъ) 4 усадьбы, носящія названіе „Ливесъ“. Еще не такъ давно, лѣтъ 20 тому назадъ, Ливы говорили между собою только ливски, на родномъ языкѣ, по въ настоящее время ливскій языкъ исчезаетъ: юноши и дѣти его уже не знаютъ, а говорятъ по-латышски. Пройдетъ еще лѣтъ 30—40 и Ливы совсѣмъ исчезнутъ.



Городъ Верро.

Свящ. Н. Бѣжаницкаго.

Въ мѣстности около озеръ Тамула и Вагула и рѣчки Воо, вытекающей изъ озера Тамула къ сѣверо-западу, около 1226 года проходила дорога отъ Юрьева въ Псковъ, существующая и по сіе время. Все это мѣсто былое дикое, заросшее густымъ и непроходимымъ лѣсомъ и болотистое. Въ рѣчку Воо впадалъ еще небольшой ручеекъ, называемый по мѣстному „Wogu“ (Вэру), т.-е. запруды — отъ имѣвшихся многочисленныхъ запрудъ, гдѣ ставились мережи для ловли рыбы. Все мѣстное эстонское населеніе, раскиданное по берегамъ этихъ озеръ и рѣчекъ занималось и кормилось ловлею рыбы въ нихъ. Среди этой низменной, болотистой мѣстности, при впаденіи ручья „Веро“ — Верро — въ рѣчку Воо, находилось небольшое возвышеніе, какъ бы полуостровъ, на которомъ, при дорогѣ отъ Юрьева къ Пскову возвышалось нѣмецкое укрѣпленіе, называемое „Кирумпе“. Оно было выстроено рыцарскимъ орденомъ подъ управленіемъ епископа Германа въ 1226 году, немного позднѣе г. Юрьева и выстроено было для защиты и отстаиванія интересовъ и владѣній этого ордена противъ сосѣдняго русскаго населенія Псковской губерніи, прилегающей и касающейся этой мѣстности съ восточной стороны. Полстолѣтія спустя, а именно въ 1277 году съ тою же цѣлю отстаиванія своихъ владѣній и интересовъ среди мѣстнаго населенія передъ Псковитянами и для защиты Юрьевской области, построены были орденомъ на самой границѣ съ Псковскою губерніею еще гораздо большій, крѣпкій замокъ „Нейгаузенъ“, развалины котораго, равно какъ и развалины замка Кирумпе существуютъ и въ настоящее время. Оба эти замка находятся въ предѣлахъ Верроскаго православнаго прихода и разстояніе между ними не болѣе 27 верстъ. Около стѣнъ ихъ уже въ то время группировалось до нѣкоторой степени многолюдное населеніе, какъ бы малые городки. Держались эти два замка, несмотря на страшныя междоусобія среди самихъ же орденовъ, на нападенія туземнаго населенія (озлобляемаго ихъ налогами и жестокостями) и нападенія внѣшнихъ, воюющихъ съ орденами враговъ, довольно долго, — до половины XVI столѣтія. Въ 1558 г., оставивъ замокъ Гельметъ, прибылъ въ Кирумпе и основалъ здѣсь 18 мая военный станъ магистръ Тевтонскаго ордена Вильгельмъ Ферстенборгъ; онъ желалъ пробраться на помощь къ осажденной въ то время Нарвѣ и для этого изъ „Кирумпе“ послалъ воззваніе ко всему рыцарству о немедленной помощи, но изъ рыцарей отозвалось и явилось только 200 человекъ. Для Нѣмцевъ, желающихъ здѣсь укрѣпиться, это было тяжелое время. Въ 1557 году они получили объявленіе войны отъ царя

Иоанна IV, а мѣсяца черезъ три въ началѣ 1558 года появились съ западной границы Лифляндіи татарскіе наѣзтники подъ предводительствомъ Казанскаго хана Шикъ-Алея. Считающійся покровителемъ нѣмецкихъ интересовъ и покоренной занимаемой въ то время орденами Лифляндской земли, магистръ Ферстенборгъ приказалъ всѣмъ сословіямъ явиться въ его стапъ для отраженія враговъ и защиты владѣній ордена, но всѣ его увѣщанія и требованія остались безъ отвѣта. Съ трудомъ было собрано, съ помощію городовъ Риги, Ревеля и Юрьева 60 тысячъ талеровъ въ выкупъ для Русскаго царя; но онъ, какъ извѣстно по исторіи, не принялъ этихъ денегъ, а послалъ князя Шуйскаго и др. съ 60.000 войска и передовой отрядъ съ боярипомъ Курбскимъ и другими вожжами для окончательнаго завоеванія и покоренія этого края Россіи. Въ это время Ферстенборгъ снова разслалъ пословъ къ представителямъ страны своего ордена, къ городамъ и рыцарству съ приказаніемъ и просьбою собраться всѣмъ къ замку Кирумпе, но почти всѣ его послы возвратились безъ всякаго успѣха, только съ одними передъ нимъ лъстивыми извиненіями. Откликнулась на зовъ Ферстенборга только одна Курляндія и выслала къ замку Кирумпе 700 лошадей и 1500 вооруженныхъ крестьянъ; — впоследствии оказалось, что Курляндцы желали сдѣлать магистромъ ордена своего Кетлера на мѣсто Ферстенборга и для этого, а не для защиты Кирумпе, выслали своихъ людей. Отъ Дерптскаго епископа Германа III прислано было къ Кирумпе также 270 лошадей — и только. Начальникъ рыцарей Мельшеде выслалъ къ Кирумпе 300 рыцарей и еще помощь оказалъ Мариенбургскій графъ Филиппъ Таль фонъ Бель. Такимъ образомъ Ферстенборгъ имѣлъ для защиты Кирумпе 1500 всадниковъ и 1500 вооруженныхъ крестьянъ и небольшое число полевого оружія. Это была ничтожная сила въ сравненіи съ русскими войсками, которыя расположились вокругъ замка Нейгаузенъ семью лагерями и постоянными сильными выстрѣлами постепенно разрушали крѣпкія стѣны его. Болѣе трехъ недѣль провозводилась осада Нейгаузена и 3 недѣли Ферстенборгъ, по однимъ источникамъ, дѣятельно употреблялъ силы на сборы своего войска и на приспособленіе мѣстности для обороны и укрѣпленія своего Кирумпе: разставлены были засады, сдѣланы мосты и передовой отрядъ уже двинулся было на помощь Нейгаузену, туда же намѣревалась двинуться и главная сила всего собраннаго войска, какъ вдругъ 30 іюня 1558 года изъ Нейгаузена пришло извѣстіе, что онъ, Нейгаузенъ, взятъ Русскими. Пораженный этимъ извѣстіемъ, всѣми покинутый, Ферстенборгъ принужденъ былъ сняться съ лагеря, сжегъ все укрѣпленіе Кирумпе и отступилъ въ Валкъ. Последній отрядъ его, подъ управленіемъ Кетлера, былъ разбитъ Русскими. Самъ магистръ ордена въ 1560 году былъ взятъ въ плѣнъ въ Феллинъ и сосланнымъ нѣсколько лѣтъ жилъ въ Костромской губерніи до 1570 г.

Послѣ превращенія въ пепель укрѣпленія Кирумпе остался только одинъ каменный, кирпичный, полуразрушившійся остовъ этого замка и постепенно разрушаясь стоялъ онъ нѣсколько сотъ лѣтъ, возвышаясь своими развалинами надъ окрестными болотами. Разросшійся лѣсъ совершенно сгладилъ слѣды бывшаго въ то время городкообразнаго населенія, и только на берегу озера Тамула, вдоль по маленькой рѣчкѣ „Веру“ впоследствии появился помѣщичій домъ съ хозяйственными постройками и это была новая мыза Верро.

Всѣ послѣдующія затѣмъ XVII и XVIII столѣтія года здѣшняя вся мѣстность, какъ извѣстно изъ исторіи, также служила постояннымъ театромъ для междуусобій и военныхъ дѣйствій между шведскими, польскими и нашими русскими войсками. Такъ въ 1701 году Михаилъ Борисовичъ Шереметевъ, въ Верроскомъ же уѣздѣ около мызы Раппинъ разбилъ шведскій отрядъ, а отецъ его, самъ генераль Шереметевъ черезъ три мѣсяца послѣ этого разбилъ шведскаго генерала Шлиппенбаха при мѣстечкѣ Эрастферъ, въ Верроскомъ же уѣздѣ, въ 24-хъ верстахъ отъ теперешняго города Верро.

Въ 1783 году Государыня Императрица Екатерина Великая обратила особенное вниманіе на весь общественный жизненный застой Прибалтійскаго края; энергично начала уничтожать прежніе земскіе порядки и вводитъ новое устройство. Между прочимъ для болѣе удобнаго управленія Лифляндіею, вмѣсто бывшаго ея раздѣленія на 4 округа, она была въ то же время раздѣлена на 8 уѣздовъ, и для одного изъ новыхъ уѣздовъ, находящагося между Вольмарскимъ, Юрьевскимъ и Валкскимъ недоставало уѣзднаго городка. Первоначально, декретомъ отъ 7 октября 1783 года мѣсто для него было указано въ казенномъ имѣніи Койкюль (гдѣ именно, — не извѣстно) и предполагалось уѣздъ этотъ назвать Кирумпе-Койкюльскимъ; послѣ же нашли болѣе цѣлесообразнымъ построить новый городъ не тамъ, а при столбовой дорогѣ, проходящей изъ Юрьева въ Псковъ, въ имѣніи Верро, которое было обширно, имѣло настбища и сѣнокосы, два красивыя озера, рѣчку, что все, вмѣстѣ взятое, было удобно для будущихъ поселенцевъ. На предложеніе обо всемъ этомъ генераль-губернатора графа Броупа, отъ 6 іюля 1784 года послѣдовалъ указъ Ея Императорскаго Величества, по коему предписывалось откупить имѣніе Верро отъ бывшаго его владѣльца, ассессора Карла Лудвига барона фонъ Менгденъ, за 57.000 рублей серебромъ. Повелѣніе это было исполнено 2 августа 1784 года. Отъ 10 августа того же года (1784) генераль-губернаторомъ былъ опубликованъ патентъ всѣхъ извѣщающій, что Ея Императорскому Величеству было угодно откупить имѣніе Верро, съ цѣлью устройства на этомъ мѣстѣ новаго города и при этомъ было сдѣлано распоряженіе что въ новомъ городѣ должны имѣть пребываніе: городничій, уѣздный судъ, уѣздное казначейство и нижній земскій судъ; что городъ долженъ называться „Верро“, а уѣздъ Верроскій; что всѣ съ того времени должны обращаться со своими дѣлами въ вышеозначенныя судебныя учрежденія въ Верро, а о произведеніи новыхъ построекъ и о льготахъ для поселенцевъ въ немъ будетъ еще особая публикація. Черезъ два мѣсяца послѣ сего, а именно 26 октября отъ губернатора Беклешова послѣдовало и это объявленіе, утвержденное ранѣе Государынею. Новый городъ Верро долженъ былъ, по смыслу этого постановленія, начаться построеніемъ 40 домовъ съ служебными пристройками. Между первыми строителями города должны были быть: 6 купцовъ, 1 аптекаръ, 1 содержатель гостиницы, а остальные ремесленники; каждому было обѣщано 9 пурныхъ мѣстъ земли (põõgi maa), кромѣ мѣста занимаемаго его домомъ. Кто не принадлежалъ къ гражданамъ, тому давалась только земля подъ домъ, а 9 пурныхъ мѣстъ не давалось. Балки для постройки домовъ отпускались первымъ поселенцамъ даромъ, съ условіемъ вырубать и перевозить самими, но при этомъ они пользовались правомъ брать на работу крестьянъ, при писанныхъ къ этому казенному имѣнію съ платою имъ:

пѣшему — 25, а съ лошадыю — 50 коп. въ недѣлю. Деревянные дома пользовались льготою отъ городскихъ налоговъ въ теченіе 3 лѣтъ, а каменные въ теченіе 6 лѣтъ. На всѣ эти условія откликнулись охотники, такъ что въ 1787 году число жителей въ г. Верро дошло до 242 человекъ. Въ каменномъ зданіи, устроенномъ барономъ Штакельбергомъ, помѣщались всѣ присутственыя мѣста и женскій пансіонъ, впоследствии прославившійся подъ дирекціей Крюммеръ. Въ 1805 году было основано уѣздное училище въ одномъ изъ каменныхъ домовъ, нанятомъ отъ города. Въ 1787 году была заложена православная церковь и въ 1792 году была выстроена посреди города, лютеранская кирха. Въ 1827 году выстроено зданіе городской больницы, въ 1833 году зданіе богадѣльни, въ 1862 году зданіе казармы. Такъ постепенно разрастался городъ Верро. Самый большой процентъ его первыхъ населецвъ состоялъ не изъ туземныхъ жителей, а изъ Нѣмцевъ. Такъ, въ 1849 году въ Верро числилось 1000 человекъ Нѣмцевъ и только 486 Эстонцевъ. Теперь городъ Верро находится по желѣзной дорогѣ отъ г. Пскова на 78-й верстѣ и отъ губернскаго города Риги на 209-й верстѣ. Характеръ города Верро — нѣмецкій; эстонское его населеніе почти все лютеранское, отнѣмеченное.

Верроская православная церковь начата постройкою въ 1787 году и вчернѣ окончена въ 1793 году на сумму Всемиловѣйше пожалованную Государынею Императрицею Екатериною II. Часть утвари и ризницы пожалованы изъ кабинета Его Императорскаго Величества Государя Александра Павловича, а часть оной и богослужебныя книги высланы изъ псковскихъ церквей. Освящена сія церковь во имя святой великомученицы Екатерины 6 ноября 1804 года, съ котораго времени и совершается въ ней богослуженіе. Всѣхъ колоколовъ при церкви шесть: самый большой имѣетъ кругомъ слѣдующую надпись вязью: „1808 года декабря 11 дня вылить сей колоколь произвести Всемиловѣйшимъ пожалованной Государемъ Александромъ Павловичемъ“, а по краямъ: „вылить въ Москвѣ на заводѣ господъ Калипинныхъ, вѣсу 46 пудъ и 30 фунтовъ“. Къ сожалѣнію край въ семь колоколовъ издавна отбитъ. Другой имѣетъ слѣдующую надпись: „Misericordia mea et refugium meum susceptor meus et liberator meus benedicamus Patrem et Filium cum Sancto Spiritu laudemus et superexaltemus eum in saecula. A. D. 16. 11. Вѣсомъ 16 пудовъ. Иконъ стараго письма не имѣется. Изъ довольно древнихъ служебныхъ предметовъ въ церкви находятся: 1) Евангеліе въ листъ, печатанное въ Москвѣ 1800 г. Верхняя и нижняя доска онаго серебряныя 84 пробы. На лицевой сторонѣ обычныя изображенія изъ финифти, а на нижней вычеканены на той же доскѣ посрединѣ лики Божіей Матери съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, а по угламъ царя Давида съ пророкомъ Наумомъ, царя Соломона съ пророкомъ Аввакумомъ; вверху надъ ними въ сіяніи изображеніе Господа Саваоа; по сторонамъ два лика херувимовъ; 2) Евангеліе въ польлиста, печатанное въ Москвѣ 1778 г., съ серебряными 84 пробы накладками обычныхъ пяти изображеній; отъ времени значительно обветшавшее; 3) крестъ на престольный, серебряный, 84 пробы; дѣланъ въ 1802 году; вѣсомъ 2 фунта и 30 золотниковъ. Кадило серебряное, 84 пробы; дѣлано въ 1802 году; вѣсомъ 1 фун. и 24 золотника. Всѣ эти вещи Всемиловѣйше пожалованы въ сію церковь Его Величествомъ Государемъ Императоромъ Александромъ Павловичемъ.

Раппинскій приходъ.

Раппинскій приходъ, расположенный въ юго-восточномъ углу Лифляндіи, на берегу Чудского озера, занимаетъ собою пространство въ 50 верстъ длиною и до 30 верстъ шириною. Съ восточной и южной сторонъ онъ граничитъ съ губерціями С.-Петербургской и Псковской, а съ остальныхъ — съ селеніями Гаангофскаго, Берроскаго, Геймадраскаго и Вендаускаго православныхъ приходоу Лифляндской губерніи. Въ составъ его входятъ слѣдующія имѣнія съ принадлежащими къ нимъ волостями: Раппинъ, Кахква, Веріора, Меексъ и Толама. Самое большое изъ этихъ имѣній — Раппинъ дало названіе какъ православному приходу, такъ и лютеранскому кирхшпилю. Что означаетъ слово Раппинъ и какая именно народность подарила такимъ названіемъ эту мѣстность, трудно опредѣлить съ точностію. Достоинно вниманія то, что на всѣхъ мѣстныхъ нарѣчіяхъ — русскомъ, эстонскомъ и нѣмецкомъ оно одинаково „Реппинъ“, „Räppina“ и „Rappin“, что вообще рѣдко встрѣчается въ Прибалтійскомъ краѣ. Полагають поэтому, что основаніемъ для теперешняго названія послужило древнее туземное эстское названіе. Достоверно извѣстно, что до Великой Сѣверной войны здѣсь была эстская деревня „Räppina küla“ и отъ этой, впоследствии разоренной, деревни вѣроятно получила свое названіе и мыза.

Древняя исторія мѣстности, занимаемой Раппинскимъ приходомъ, крайне бѣдна матеріаломъ. Будучи пограничною полосой между соперничествовавшими изъ-за обладанія ею государствами — Русскимъ съ одной стороны, а Польшею и Швеціею съ другой, мѣстность эта испытала на себѣ много опустошительныхъ набѣговъ и кровопролитныхъ сраженій, уничтожившихъ всѣ древніе памятники и мѣстныя записи. Можно однако съ достовѣрностію предположить, что этотъ уголокъ земли былъ въ древности густо населенъ народомъ, потому что гдѣ только болѣе высокое и красивое мѣсто, тамъ и слѣды древнихъ языческихъ кладбищъ — „Kalmud“. Въ первый разъ о Раппинѣ упоминается во времена Польскаго короля Стефана Баторія или Сигизмунда III (1575—1621). Тогда по распоряженію Дерптскаго городского магистрата была устроена въ Раппинѣ на мѣстѣ одной разоренной деревни „Раппинская станція“ (вѣроятно — нынѣшній Раппинскій подмызокъ, при дорогѣ на Юрьевъ, „Уаама шѳіја“ „станціонная мыза“), откуда были переправляемы далѣе во Псковъ путешествующіе чиновники. Въ это время вся мѣстность Раппинскаго прихода принадлежала фамиліи графовъ Оксенштирновъ, какъ то видно изъ указа бывшаго Лифляндскаго Духовнаго Правленія отъ 18 сентября 1841 г.

за № 1919. Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1701 года русскія войска, подъ начальствомъ Шереметьева, вступили въ Раппину, и здѣсь, на мѣстѣ теперешнихъ деревень „Risti palu“ и „Lokkuta“, произошла у нихъ кровопролитная схватка съ шведскими войсками, въ которой послѣднія одержали верхъ, укрѣпившись на мѣстѣ, именуемомъ пинѣ „Пушкины горы“ (puškka mägi). Шереметьевъ однако попробовалъ еще разъ пробиться отсюда далѣе въ Лифляндію: отступивъ верстъ на 10 южнѣе, къ теперешней деревни Ничиково, онъ вторично подступилъ къ Раппину, гдѣ стояло шведское войско, но снова потерпѣлъ неудачу, и отступилъ къ югу въ Псковскую губернію. Дорогу, устроенную русскими войсками для переправы чрезъ трясиное болото, указываютъ и теперь еще на западъ отъ мызы Кахкова, въ лѣсу.

При завоеваніи Россіею Прибалтійскаго края, „Раппинскія мызы“, какъ въ древности называлась мѣстность, занимаемая Раппинскимъ приходомъ, поступили въ казну. Въ 1726 году, какъ видно изъ упомянутого выше указа Лифляндскаго Духовнаго Правленія, эти имѣнія пожалованы были графу Ягужинскому, а имъ проданы потомъ графу Левенвольду, бывшему гофмейстеру Императорскаго Россійскаго двора. Въ 1741 году эти имѣнія вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ графа Левенвольда, вслѣдствіе обвиненія его въ государственномъ преступленіи, были конфискованы въ казну. Въ 1766 году, по Высочайшему повелѣнію Императрицы Екатерины II, нашедшей обвиненіе графа Левенвольда не справедливымъ, Раппинскія имѣнія были возвращены его наследникамъ, а послѣдними въ 1786 году подѣлены между членами этой фамилии, отъ какого раздѣла образовались 5 вышеуказанныхъ имѣній и имѣніе Палломойзы, входящее въ составъ Геймадраскаго православнаго прихода.

Изъ остатковъ древности — развалины, кургановъ и т. п., имѣющихся въ мѣстности, занимаемой Раппинскимъ приходомъ, можно указать на слѣдующія:

1) Въ 3 верстахъ отъ имѣнія Раппинъ, по дорогѣ къ селенію Вэбсъ, расположенному при самой границѣ Лифляндской и Псковской губерній, находятся небольшія пригорки или возвышенности, идущія отсюда далѣе по лѣвому берегу рѣки Воо къ самой границѣ и оканчивающіяся здѣсь противъ селенія Лыбовки, лежащаго на правомъ берегу этой рѣки, въ Псковской губерніи, довольно значительною возвышенностью, какъ говорятъ — насыпною. Мѣстность эта въ устахъ народа носитъ названіе „Пушкины горы“, происходящее вѣроятно отъ того, что здѣсь нѣкогда (напр. въ сент. 1701 г.) во время сраженія расположена была артиллерія. Одну изъ этихъ возвышенностей въ настоящее время занимаетъ лютеранское приходское кладбище.

2) На правомъ берегу рѣки Воо, въ юго-восточномъ направленіи отъ церкви, въ разстояніи 2 версты, противъ упомянутой въ пунктѣ 1-мъ мѣстности, въ деревнѣ Кукси, стоитъ на небольшой песчаной возвышенности большой каменный четырехкопечный крестъ, безъ всякой надписи, съ высѣченными на немъ малымъ изображеніемъ креста въ овальномъ углубленіи. Здѣсь въ сравнительно не особенно давнее время находили много человѣческихъ костей, а также оружія, а потому можно съ достовѣрностью предположить, что крестъ этотъ есть надгробный памятникъ на общей могилѣ павшихъ здѣсь въ какомъ-либо сраженіи воиновъ — Шведовъ или Русскихъ, можетъ быть въ 1701 г. Трудно, впрочемъ сказать, находится ли этотъ крестъ на своемъ первоначальномъ мѣстѣ.

3) Въ болотѣ при деревнѣ Куре-кола, въ 10 верстахъ отъ церкви на сѣверо-западѣ, есть пасыпная гора, носящая названіе „Lüna-mägi“, усвоившееся Эстами ихъ землянымъ укрѣпленіямъ въ прежнее время. Поэтому утверждаютъ, что гора эта есть развалины такового древняго города или укрѣпленія.

4) Въ этомъ же направленіи, на три версты ближе къ церкви, при деревнѣ Липте, есть значительная возвышенность, именуемая Эстонцами „Maarja-mägi“ (гора Маріи). Здѣсь и по настоящее время на самой поверхности земли видно множество человѣческихъ костей и череповъ, а лѣтъ сорокъ тому назадъ, говорятъ, находили здѣсь много серебряныхъ и мѣдныхъ монетъ, а также оружіе. Что представляетъ изъ себя эта возвышенность — могилу ли воиновъ, или древнее языческое кладбище, неизвѣстно. Утверждаютъ однако, что послѣднее предположеніе вѣрнѣе, и что во времена язычества, кромѣ погребенія умершихъ, эта гора служила также мѣстомъ для жертвоприношенія. Говорятъ также, что еще въ не очень давнее время народъ приносилъ сюда вечеромъ наканунѣ Иванова дня свою національную кашу (putru), масло, мясо и т. п.

5) Много и очень большого размѣра костей человѣческихъ и также разныхъ мѣдныхъ вещей находили, какъ рассказываютъ живые очевидцы, лѣтъ 45 тому назадъ, при копаніи бута ныпѣшней Раппинской мызной корчмы, близъ лютеранской кирхи. Было ли здѣсь когда-либо кладбище, или же погребены павшіе въ сраженіи воины, — неизвѣстно. Если тутъ и было когда-либо христіанское кладбище, то въ очень древнія времена, не позже XIV столѣтія.

6) При Меексийскомъ подмызкѣ, именуемомъ мѣстными Русскими „Поповщиной“, въ 1 верстѣ отъ деревни Измѣнки, расположенной на берегу Чудского озера, на самомъ узкомъ мѣстѣ его, указываютъ на развалины существовавшаго здѣсь католическаго храма, впоследствии вѣроятно обращеннаго въ лютеранскую кирху. Названіе подмызка „Поповщина“, по всей вѣроятности, произошло отъ того, что земли его принадлежали нѣкогда духовенству бывшаго здѣсь храма.

Изъ древнихъ вѣрованій Эстонцевъ, имѣющихъ связь съ мѣстностью Раппинскаго прихода, можно указать на слѣдующія:

1) По общему вѣрованію Эстонцевъ-язычниковъ берега рѣки Воо, изобиловавшіе въ древности красивыми дубовыми рощами, были любимымъ мѣстопребываніемъ эстонскаго бога-громовержца „Kõu“ или „Yõu“, отъ котораго получила свое названіе и самая рѣка „Wõu“, чрезъ измѣненіе съ теченіемъ времени буквы „Y“ на „W“. Поэтому же рѣкѣ этой дано было названіе Святой рѣки — „Püha jõgi“. Утверждаютъ также, что первал устроенная на этой рѣкѣ запруда, задержавшая ея спокойное теченіе, была съ яростью разрушена народомъ, принявшимъ это за безпримѣрную для себя обиду. Противъ устья этой рѣки, въ Чудскомъ озерѣ, есть небольшой островокъ, называемый Эстонцами „Salu“, а русскими „Извядь“. Отъ этого островка тянется въ озеро рядъ большихъ камней. Унаслѣдованное отъ временъ языческихъ преданіе гласитъ, что эти камни нанесены сюда „падшимъ ангеломъ“, вознамѣрившимся устроить отсюда до-рогу-мостъ чрезъ озеро на Петербургскую сторону. Плескъ воды отъ бросаемыхъ при этой работѣ въ нее камней разбудилъ эстонскаго богатыря „Kalewi-roega“, отдыхавшаго въ Паламусѣ (лютеранскій приходъ въ Юрьевскомъ уѣздѣ). Поспѣшивъ сюда

къ концу пѣнія пѣтуховъ, онъ проводилъ падшаго на „русскую“ сторону камнями, находящимися далеко на другомъ берегу озера.

Древнимъ, кореннымъ населеніемъ Раппинскаго прихода безспорно необходимо признать народъ Эстонскій. На это указываетъ какъ вообще вся исторія этой мѣстности, такъ и въ особенности связанныя съ нею древнія вѣрованія этого народа, остатки древности и проч. Но не подлежитъ сомнѣнію, что и Русскіе издавна, по крайней мѣрѣ уже въ началѣ XVIII столѣтія, проживали здѣсь въ значительномъ количествѣ. Это были прежде всего отдѣльныя личности и семейства изъ сосѣднихъ С.-Петербургской и Псковской губерній, какъ-то: разнаго рода мастеровые люди, а также бѣглецы крѣпостные и иные выходцы, находившіе здѣсь пріютъ отъ своихъ преслѣдователей. Последнюю категорію составляли главнымъ образомъ раскольники, поселившіеся здѣсь въ началѣ царствованія Петра I и впоследствии частію принявшіе православіе (каковы напр. въ приходѣ фамиліи — Рыбаковыхъ, Колпаковыхъ, Станевичей и др.), частію же вытѣсненные отсюда въ сосѣдніе съ Раппиномъ приходы Пирисаарскій, Рижской епархіи и Колпинскій, Псковской епархіи.

Второе, болѣе или менѣе значительное поселеніе здѣсь Русскихъ нужно отнести къ эпохѣ Великой Сѣверной войны, и именно къ концу ея, когда на опустошенныя войной земли сюда были переселены многія русскія семейства изъ губерній Московской и Владимирской, а иныя поселились здѣсь и добровольно. Къ потомкамъ этихъ Русскихъ принадлежатъ числящіеся въ разныхъ волостяхъ прихода фамиліи: Палковы, Гамковы, Самойловы, Герасимовы, Кириловы, Беззаконовы и др. Фактъ переселенія сюда ихъ предковъ извѣстенъ очень многимъ изъ старшихъ членовъ этихъ фамилій, но ни отъ одного изъ нихъ не приходилось услышать что-либо о причинахъ переселенія, точнаго указанія времени и пр.

Третье затѣмъ по времени приращеніе русскаго населенія въ этой мѣстности относится къ царствованію Императрицы Елисаветы Петровны, и именно къ 1750 годамъ, когда по Высочайшему повелѣнію ея, на устроенную въ Раппинѣ казенную бумажную фабрику переселены были рабочіе казенныхъ фабрикъ изъ внутреннихъ губерній Россіи, въ числѣ около 150 душъ обоего пола. До сравнительно недавняго времени эти Русскіе и составляли все населеніе мѣстной фабричной слободы, близъ церкви, нынѣ же ихъ имѣется не болѣе 3—4 семействъ. Въ 1850 г., при покойномъ владѣльцѣ имѣніемъ Раппинѣ П. фонъ Северсѣ, работы на бумажной фабрикѣ были остановлены на вѣскольکو лѣтъ, и тогда большинство изъ нихъ вынуждено было перейти отсюда на другія фабрики, новые же рабочіе для фабрики были набраны изъ Эстонцевъ.

Говоря о русской части населенія Раппинскаго прихода, нельзя не отмѣтить того факта, что очень многіе изъ прежнихъ чисто русскихъ семействъ, какъ крестьянъ, такъ и фабричныхъ рабочихъ, потеряли свой языкъ и народность; русскаго осталось въ нихъ только одно прозвище и исповѣданіе православной вѣры.

Открытіе Раппинскаго прихода и построеніе здѣсь первой церкви относится ко времени конфискаціи Раппинскихъ имѣній въ казну, при Императрицѣ Елисаветѣ Петровнѣ, между 1741—1767 гг.

Первая, построенная въ 1752 году по Высочайшему повелѣнію Государыни Импе-

ратрицы Елисаветы Петровны, Раппинская церковь была деревянная, во имя свв. праведныхъ Захаріи и Елисаветы. Документовъ, относящихся къ построенію этой церкви, въ архивѣ церковномъ не сохранилось. 6 января 1813 года эта церковь сгорѣла вмѣстѣ со всѣмъ имуществомъ. Въ томъ же 1813 году, съ разрѣшенія Псковскаго енархіальнаго начальства, по ходатайству владѣльца имѣнія Раппинъ барона Левенвольда, на его же средства построена была невдалекѣ отъ мѣста пожара деревянная часовня.

Въ 1828 году послѣдовало разрѣшеніе на построеніе новой, нынѣ существующей, каменной церкви во имя свв. праведныхъ Захаріи и Елисаветы.



Анценскій приходъ.

Священника Іоанна Колоколова.

Анценскій православный приходъ занимаетъ мѣстность между 44° и 45° сѣверной широты и 57° и 58° долготы и находится въ Верроскомъ уѣздѣ, въ 33 верстахъ отъ города Верро и отъ губернскаго своего города Риги въ 126 верстахъ, на двухверстномъ разстояніи отъ Псково-Рижской желѣзнодорожной и почтовой станціи Анценъ. Поверхность ея состоитъ изъ отроговъ Валдайской возвышенности въ видѣ мпогихъ конусообразныхъ горъ — одна подлѣ другой, покрытыхъ малою растительностью изъ березняка и хвои; на западѣ же состоитъ изъ мало замѣтной волнообразной равнины.

Мѣстность Анценскаго прихода въ церковно-историческомъ отношеніи замѣчательна тѣмъ, что 350 лѣтъ тому назадъ здѣсь проповѣдывалъ слово истины православія преподобный Корнилій Псково-Печерскій, нетлѣнныя мощи котораго открыто почиваютъ въ Псково-Печерскомъ монастырѣ. По свидѣтельству патерика сего монастыря симъ преподобнымъ въ 18-ти верстахъ отъ Анценской Ильинской церкви въ ея районѣ, именно въ Зомерпаленской волости близъ Верроской уѣздной дороги на горѣ, называемой по-эстонски Керя-мяги, въ 1541 году былъ воздвигнутъ храмъ во имя Рождества Христова. Недалеко отъ сей горы къ югу находится холмикъ, гдѣ по мѣстному преданію старожиловъ, было кладбище. Напротивъ же означенной горы въ рѣкѣ Воо есть глубокій омутъ, называемый и теперь мѣстными жите лями-эстами — „Келла-вырендикъ“, что значить по-русски: „омутъ колокола“, потому что туда былъ опущенъ большой колоколъ упомянутой церкви, когда по договору царя Россіи Іоанпа IV Грознаго съ Ливонцами, Русскіе обязаны были удалиться изъ Ливоніи.

Носовскій приходъ.

Священника Петра Антонова.

На возвышенномъ берегу Чудского озера, поднимающемся сажени на двѣ надъ уровнемъ озера и выступающемъ угломъ въ озеро, въ 15 верстахъ отъ устья рѣки Эмбаха, высится Носовская православная Покровская церковь. Она имѣетъ въ основаніи видъ креста, однопрестольная и построена по образцу древнихъ Псковскихъ церквей (Лѣтопись церк.). Построена она въ 1827 году. Съ самаго поселенія здѣсь Русскихъ, т.-е., съ конца XVII столѣтія до 1827 года на всемъ западномъ побережьи Чудского озера не было ни одного православнаго храма. Все это громадное побережье составляло часть Дерптскаго прихода.

Нѣтъ въ этомъ краю памятниковъ и былого прошлаго, чѣмъ-нибудь замѣчательныхъ. Въ недавнее время близъ озера Лахтвы былъ найденъ курганъ и производились раскопки, но особеннаго ничего не нашли. Есть еще въ 1 верстѣ отъ Алацкиви камень на возвышенности, который народное преданіе называетъ кроватью сына Калевалы, да срубъ, отъ котораго остался одинъ стволъ въ 20-ти верстахъ отъ Носа, на берегу озера, по направленію къ посаду Черному, старинный, существующій, какъ предполагаютъ, нѣсколько сотъ лѣтъ.

Черносельская Свято-Троицкая единовѣрческая церковь.

Священника Іоанна Веселова.

Съ давнихъ временъ въ посадѣ Черномъ Лифляндской губ. Юрьевского уѣзда, казенной мызы Флемепговъ, была построена раскольническая молельня, которая болѣе другихъ была уважаема раскольниками живущими по берегу Чудскаго озера.

1848 года 7 января прибыла изъ города Юрьева полиція, которая закрыла выше-означенную молельню, — иконамъ же, книгамъ и пр. была сдѣлана опись. Между ними лучшія вещи:

Антиминсъ съ надписью: „Освятися олтарь Господа Бога и Спаса нашего Иуса Христа въ церковь иже во святыхъ отца нашего Николы, архіепископа Мира-Ликійскаго чудотворца, и освящена бысть церковь сія въ лѣто 7083 (1575) маія въ 8-й день, на память святаго апостола Іоанна Богослова, при Благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Иванѣ Васильевичѣ, всея Россіи, и при владычествѣ освященнаго архіепископа Леонида, Новаграда и Пскова“;

Древнее напрестольное евангеліе въ бархатномъ переплетѣ; на верхней доскѣ распятіе Христа Спасителя съ предстоящими и по угламъ 4 евангелиста, мѣдныя. Евангеліе въ листъ, печатанное при патриархѣ Филаретѣ Московскомъ, въ лѣто 7142, при Государѣ и Великомъ Князѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ;

Евангеліе въ бархатномъ ветхомъ переплетѣ въ листъ, получено чрезъ преосвященнѣйшаго Платона архіепископа Рижскаго и Митавскаго, взятое у Дерптскихъ раскольниковъ Рундальцевской молельни, древнее безъ оклада, печатанное при Государѣ и Великомъ Князѣ Василии Іоанновичѣ, въ 1-е лѣто царствованія и при святѣйшемъ патриархѣ Гермогенѣ Московскомъ, въ лѣто 7114-е.

Расположенъ посадъ Черный на берегу Чудскаго (Шейцусъ) озера, съ юго-западной стороны. Жители прежде и теперь большею частію занимаются рыбною ловлею, — нѣкоторые занимаются торговлею, скупаютъ отъ рыбаковъ рыбу и, развозятъ по уѣзду. Есть и подрядчики, занимающіеся каменными работами, такъ же есть до 20-ти лавокъ, съ разными мануфактурными, галантерейными, москательными и крестьянскими товарами. Въ прежнее время народъ здѣсь былъ проще, вѣрнѣе и богобоязливѣе.

Раскольники принадлежатъ Ѳедосѣевской сектѣ, — но прежде (хотя и не всѣ) опасались жить безъ церковнаго брака, тогда какъ теперь уже всѣ раскольники сходятся беззаконно, — весь обрядъ заключается въ томъ: женщины въ домѣ расилетаютъ невѣстѣ волоса па двѣ косы, потомъ одѣваютъ головной женскій уборъ, (по мѣстному названію повой) и поздравляютъ съ законнымъ бракомъ. Такъ же увлекаютъ въ расколь православныхъ и единовѣрцевъ, считая свой обрядъ равнымъ церковному браку.

Ниггенскій православный приходъ.

Священника Максима Рудакова.

Ниггенскій православный приходъ занимаетъ мѣстность между 44° и 45° сѣверной широты и 58° и 59° долготы и находится въ Юрьевскомъ уѣздѣ, въ 17 верстахъ отъ города Юрьева, Рижской епархіи, Лифляндской губерніи. Поверхность ея волнообразная, состоящая изъ возвышенностей и равнинъ, частію покрытыхъ лѣсомъ; она орошается рѣкою Эльвою (съ двумя притоками — Войкою и Тимускимъ), впадающею въ районъ Ниггенскаго прихода въ рѣку Амвжу (Эмбахъ), а также увлажняется нѣсколькими озерами, каковы: Карьярвское, Кеериское, Каруское, Шпанкауское и Веллаверское.

Ниггенскій приходъ получилъ свое официальное названіе отъ Ниггенскаго лютеранскаго прихода. Древнее же народное названіе онъ носитъ Ныу (Noo). Слово это означаетъ по-русски совѣтъ, совѣщаніе, умыселъ. Почему народъ называетъ Ниггенскій приходъ мѣстомъ совѣта, совѣщанія, — старики Эсты объясняютъ такъ: будто въ очень древнее время на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Ниггенская лютеранская кирка, (а она была уже во времена католичества) былъ дремучій лѣсъ; въ немъ было устроено главное становище разбойниковъ. Сюда приходили изъ другихъ мѣстъ подобные же люди и совѣщались съ главнымъ начальникомъ шайки и составляли здѣсь свои планы для грабежей.

Мѣстность Ниггенскаго прихода замѣчательна исторически тѣмъ, что на ней, въ 4 верстахъ отъ мѣстной лютеранской кирки 10 ноября 1559 года стоялъ лагерь магистръ Ливонскаго ордена съ Кoadъюторомъ Рижскаго архіепископа герцогомъ Христофоромъ Мекленбургскимъ и между нимъ и русскими войсками, — посланными въ Ливонію царемъ Іоанномъ Васильевичемъ Грознымъ — подъ начальствомъ князя Петра Ивановича Шуйскаго происходило сраженіе¹⁾. Мѣстность, гдѣ происходило сраженіе, находится при рѣкѣ Эльвѣ и носитъ названіе Тыравере (Tõrawere), что значитъ: кровь ссоры. Въ этой же мѣстности между притоками рѣки Эльвы — Войкою и Тимускимъ, при самомъ впадѣніи ихъ въ Эльву, находится довольно крутая гора, поросшая соснакомъ и носящая названіе Кабели маги (Kabeli mägi), что значитъ кладбищенская гора. На этой горѣ находили человѣческія кости.

¹⁾ Сборникъ матеріаловъ и статей исторіи Прибалт. Края, томъ IV, стр. 28—29.



Воронейскій приходъ.

Свящ. Александра Тимоѣева.

Западный берегъ Чудскаго озера отъ Эмбаха до селенія Кольки и рѣка Амовжа на протяженіи двадцати слишкомъ верстъ отъ своего устья служатъ восточною и южною границею Воронейскаго прихода. Узкая полоса земли въ 12—15 верстъ шириною, идущая параллельно рѣкѣ въ указанномъ протяженіи, вотъ приблизительная площадь прихода и вотъ границы его на сѣверѣ и западѣ. Въ административномъ отношеніи въ приходѣ нѣсколько волостей (Кавастская, Алдацкивская, Мексгофская и др.), принадлежащія къ первому полицейскому участку Юрьевскаго уѣзда Лифляндской губерніи.

Все это пространство не болѣе 300 квадратныхъ верстъ. Лѣтъ 100 слишкомъ тому назадъ оно было болѣе нѣсколькими квадратными верстами, такъ какъ западный берегъ Чудскаго озера размытъ и занятъ водою болѣе чѣмъ на версту. Еще и теперь, начиная съ берега, двухверстное мелкое дно, въ иные годы высыхающее, окапчивается въ озерѣ каменной грядой. Эта каменная гряда, упизанная корнями деревъ въ древнее время служила западнымъ берегомъ Чудскаго озера. Единогласное свидѣтельство объ этомъ прибрежныхъ жителей служить вторымъ доказательствомъ существованія западнаго берега въ иномъ мѣстѣ. Въ древнее время пространство прихода почти сплошь было покрыто лѣсомъ, болотами и лугами. Не отличалось оно никакими ископаемыми богатствами, ни особеннымъ плодородіемъ почвы. Короткое лѣто значительно затрудняло земледѣліе. Подпочву этой мѣстности составляетъ желто-красный песчаникъ, ближе къ озеру — глина. Не отличалось это пространство и многочисленностію народонаселенія. Западная часть значительно возвышается надъ уровнемъ моря, а потому и прерывалась среди лѣсовъ малыми, рѣдкими поселками. Древними жителями Воронейскаго прихода были Эсты, хотя благодаря водному пути (Эмбахъ, Чудское озеро), соединяющему Прибалтійскій край съ внутренними губерніями, описываемая мѣстность часто посѣщалась Славянами съ торговыми и военными цѣлями. Если Русскіе селились по рѣкѣ Амовжѣ у Юрьева, то несомнѣнно, что и внизу были ихъ поселенія. Нынешняя корчма Канцы (Копцы), недалеко отъ раздѣленія Эмбаха на рукава, сооружена на мѣстѣ древней русской деревни. Запитія жителей восточной части прихода — судоходство и рыболовство. Обиліе сѣнокосовъ развивало скотоводство. Въ западной части — искони земледѣліе. Въ позднѣйшее время недостатокъ пахатной земли, уве-

личеніе народонаселенія и упадокъ, рыбнаго промысла побудили жителей восточной части заняться хлѣбопашествомъ.

Мѣстность прихода въ исторіи Прибалтійскаго края почти не упоминается. Но несмотря на обиліе болотъ и лѣсовъ она однакожь замѣчательна въ археологическомъ отношеніи. Со времени разработки почвы почти въ каждое пятилѣтіе, а то и чаще, жители селенія Воронья на поляхъ своихъ находятъ разныя серебряныя вещи и монеты. Такъ въ 1895 году крестьянинъ Кавастской волости Яковъ Пабо неподалеку отъ села, вырывая камень нашель возлѣ него серебрянный сосудъ на подобіе большого блюда съ изображеніями животныхъ. Сосудъ этотъ проданъ профессору Гасману, который приписываетъ его къ XI—XII столѣтіямъ по Р. Христовомъ. Лѣтъ пять тому назадъ найденъ былъ при вспашкѣ поля кувшинъ съ серебрянными монетами. Одна старобрядка, копая огородъ, нашла сосудъ съ серебрянными монетами продолговатой формы, на которыхъ также изображены животныя. Подобныя находки въ прежнее время были весьма часты. Кромѣ всего этого самое названіе села „Воронья“ происходитъ отъ большого камня, находящагося нынѣ въ озерѣ (прежде былъ на берегу), называемаго „Воровымъ“. Съ этимъ камнемъ связываютъ историческое событіе — Ледовое побоище. О камнѣ этомъ упоминается въ Новгородской лѣтописи. Тамъ говорится, что „великій князь Александръ Ярославовичъ... поставя полки на озеро Чудскомъ, на Узмени, у Воронія Камени и укрѣпився силою крестною, ополчися поиде на нихъ (Нѣмцевъ)..., здѣ же прослави Богъ великаго князя Александра предъ всѣми полки“... Кромѣ этого свидѣтельства у прибрежнаго населенія изъ рода въ родъ передается сказаніе объ этомъ же сраженіи великаго князя съ Нѣмцами у „Воронія Камени“.

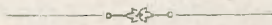
Несомнѣнно то, что на юго-западномъ берегу Чудскаго озера во времена святаго благовѣрнаго князя Александра Невскаго были рѣдкія поселенія чухонъ-рыбаковъ скрывшіяся среди лѣсовъ и болотъ. Съ теченіемъ времени къ этимъ Чухнамъ стали понемногу переселяться, а болѣе перебѣгать русскіе раскольники.

Рингенскій Вознесенскій приходъ.

Священника Конона Шорохова.

Въ имѣніи Замокъ-Рингенъ есть пещеры и подземные ходы; здѣсь во время оно живали рыцари, что доказывается находками разнаго оружія и рыцарскихъ принадлежностей.

Имѣется здѣсь еще: древняя земляная насыпь, или городище, на юго-востокъ отъ замка, на разстояніи $\frac{1}{2}$ версты. Величина ровной площади сего городища — около одной десятины земли. Форма городища правильно четырехугольная. Находится оно въ березовомъ лѣсу, подъ горою, близъ ручья и вблизи овраговъ и спусковъ съ юго-западной стороны. Сіе городище окружено оврагами и спусками, съ юго-запада, и все вообще кругомъ, — не исключая и юго-западной стороны, — окружено выкопанными рвами и насыпанными валами. Въѣздъ въ городище есть съ двухъ противоположныхъ сторонъ, — востока и запада, ширина рововъ и валовъ одинакова 5—6 футовъ.



Оберпаленская церковь.

Священника Василя Инка.

Мѣстность, занимаемая Оберпаленскимъ приходомъ, представляетъ изъ себя роскошную пашню и обширныя луга и болота, изобилующія богатой травой. Отъ роскошной пахатной земли и обширныхъ болотъ, которыми изобилуетъ мѣстность, занимаемая приходомъ, и получили уже въ древности мѣстечко, имѣнія и лютеранскій приходъ названіе „Пѣлдсама“, отъ словъ: „пѣлдъ — пашня, поле“, „соо“ -болото и „маа“ -земля. Отъ Пѣлдсама происходитъ и древне-русское названіе мѣстечка „Полча“ или же „Полчево“. Мѣстечко въ коемъ находится церковь, а равно приходъ — имѣютъ еще два древне-эстонскихъ названія: „Юлемъ-Пала“ -верхняя Пала (Пала рѣка, протекающая черезъ мѣстечко) или по-нѣмецки „Оберпаленъ“ и „Нурмеконд“, происходящая отъ эстонскихъ словъ: „нурмъ“ -пашня и „кондъ“ -собраніе, сборъ, обиліе.

Народонаселеніе всей мѣстности, занимаемой приходомъ, состоитъ изъ Эстовъ, не считая чиновниковъ, учителей и купцовъ, живущихъ и торгующихъ въ мѣстечкѣ. Главнѣйшимъ занятіемъ прихожанъ служитъ земледѣліе и скотоводство.

Въ историческомъ отношеніи мѣстность, занимаемая приходомъ, замѣчательна тѣмъ, что въ чертѣ его находится замокъ и развалины „Оберпаленъ“. До 1211 г. на мѣстѣ этого замка была крѣпость, построенная изъ земли и дерева и принадлежавшая извѣстному эстонскому вожаку (старшинѣ) Лембиту. Называлась эта крѣпость „Леоль“, какъ видно изъ хроники Генриха Латыша¹⁾, гдѣ сказано: „Рижане вмѣстѣ съ братьями рыцарями позвали Ливовъ и Латышей... Собрались къ крѣпости, находящейся отъ Феллина къ сѣверо-востоку въ 45 верстахъ близъ мызы Войзекъ (которая отъ мѣстечка въ 2 верстахъ) и въ третій день сожгли ее. По сожженіи и ограбленіи, здѣсь былъ окрещенъ старшина Лембита священникомъ Югапомъ Срикомъ“. Затѣмъ эта крѣпость была нѣсколько разъ возстановляема и опять разрушаема русскими войсками, напр. въ 1502, 1572 г. и проч. Въ 1571 г. поселился въ мѣстечкѣ Оберпаленъ первый и послѣдній Лифляндскій король Магнусъ, но и онъ не въ состояніи былъ изъ пепла воздвигнуть его. Какъ извѣстно, герцогъ Магнусъ былъ возведенъ въ короли Лифляндіи царемъ Іоанномъ Васильевичемъ IV, и былъ женатъ на племянницѣ царя,

¹⁾ Сар. XVIII, § 7).

Маріи (1573 г.). Во время безпорядковъ въ Лифляндіи, царь Іоаннъ IV отправилъ къ Магнусу для окончательнаго покоренія страны 25,000 войска. Въ 1570 г., послѣ безуспѣшной осады г. Ревель, Магнусъ возвратился въ Оберпаленъ. Здѣсь онъ ночевалъ нѣсколько разъ въ овицѣ, на мѣстѣ котораго впоследствии возникъ полумызокъ, называемый и понынѣ: „Kuninga-mägi (Кенигсбергъ) — „Царская гора“¹⁾. Въ 1600 г. завоевалъ Оберпаленъ Шведскій король Карлъ IX и разрушилъ находящуюся здѣсь приходскую церковь, развалины которой и бывшаго при ней кладбища уцѣлѣли до сихъ поръ близъ имѣнія Ново-Оберпаленъ. Въ настоящее время близъ этихъ развалинъ находится мельница называемая „Riviku mäe weske“ — мельница церковной горы, по всей вѣроятности, въ память того, что здѣсь была нѣкогда церковь; къ мельничной стѣнѣ пристроена прямая остроконечная башня, напоминающая своимъ видомъ башню кирки²⁾.

Въ послѣднее время такая башня построена на кузницѣ; прежней при мельницѣ болѣе нѣтъ. Въ 1623 г., по окончаніи польско-шведской войны, мѣстечко Оберпаленъ подарено Шведскимъ королемъ Густавомъ-Адольфомъ фельдмаршалу Герману Врангелю. Но онъ самъ не заправлялъ дѣлами мѣстечка, но поручилъ это своему брату Гансу, понесшему много труда по возстановленію мѣстечка. Гансъ заложилъ здѣсь новую церковь въ 1624 г. и призвалъ сюда перваго пастора Якоба Деціуса, о которомъ онъ говоритъ слѣдующее: „Пасторъ живетъ въ замкѣ на горѣ отхожаго мѣста“ (peldiku mäe real), куда свозятъ всякія падали и нечистоты... На домѣ, гдѣ онъ, пасторъ, живетъ, нѣтъ кровли, окна обязанъ онъ самъ заказать на свои средства въ городѣ и привести ихъ оттуда... печи въ домѣ нѣтъ; если онъ захочетъ ее имѣть, то можетъ заказать безъ разрѣшенія (ilma luata) на свои деньги. Годовое его жалованье состоитъ съ 158 дворовъ 8 цуръ ржи, 9½ цуръ ячменя и 8 цуръ овса... и, если у него случится недостатокъ въ хлѣбѣ, то онъ можетъ голодать дотолѣ, доколѣ захочетъ“³⁾. Настоящая лютеранская кирка, по исторіи Юнга и народному преданію, первоначально служила конюшней при замкѣ, а алтарь мѣстомъ склада оружія. Дѣйствительно, часть кирки и входныя двери ея обнесены каменной стѣной, а вся кирка окружена рвомъ, которымъ окруженъ замокъ; кирка соединена съ замкомъ каменной стѣной.

Въ 1643 г. умеръ Врангель Лифляндскимъ генераль-губернаторомъ оставивъ мѣстечко Оберпаленъ со всѣми окрестными землями своей бездѣтной супругѣ Христинѣ, послѣ смерти которой, какъ внучки короля Густава Ваазы, Оберпаленъ поступилъ въ собственность шведской казны. Въ 1658 г. мѣстечко Оберпаленъ взято приступомъ и сожжено Поляками и Литовцами. Въ XVII столѣтіи Оберпаленъ имѣлъ видъ маленькаго городка⁴⁾. 12 или 13 сентября 1703 г., во время Великой Сѣверной войны, русскія войска сожгли мѣстечко и превратили въ пепелъ. 26 декабря 1702 г. Императоръ Петръ I подарилъ крѣпость Оберпаленъ, возстановленную до того времени, за отличіе на войнѣ статскому совѣтнику Генриху Фику.

1) Истор. замѣчат. мѣстн. и подробностей въ Лифляндіи г. І. Юнга, стр. 11.

2) Nahg. Bd., III, § 303.

3) Ист. Юнга стр. 12.

4) Юнгъ, стр. 18.

Въ 1750 г. (годъ смерти Фика) посѣтилъ его и крѣпость Оберпаленъ Императоръ Петръ III. Между 1731 и 1741 гг. отдѣлено отъ мызы Замокъ-Оберпаленъ имѣніе Ново-Оберпаленъ. Въ 1769 году послѣ смерти четвертой дочери Фика, Авроры, замокъ Оберпаленъ достался супругу ея Вольдемару фонъ Лауфъ, отличившемуся въ 1738 г. въ Турецкой войнѣ. Онъ понесъ много труда по возобновленію мѣстечка и замка. Со времени водворенія здѣсь фонъ Лауфа, для Оберпалена наступаетъ новое время. Фонъ Лауфъ жилъ здѣсь роскошно, на подобіе князя: выписалъ изъ Италіи труппу артистовъ и живописца Белте, нарисовавшаго многія картины и подарившаго, между прочимъ, двѣ знаменитыя въ свое время картины въ кирку. Впрочемъ прошло (съ 1760 и по 1780 г.), 20 лѣтъ покамѣстъ; прежняя развалина Оберпаленъ получила свой настоящій видъ. Всѣ постройки обошлись болѣе 60.000 руб. сер. Въ числѣ 33 комнатъ, находящихся въ замкѣ, замѣчательна такъ называемая „мраморная зала“, на отдѣлку которой потрачено 7.000 руб. сер. Замокъ окруженъ съ трехъ сторонъ, кромѣ сѣверной, сплошной стѣной отъ 4—5 локт. толщиною и до 10 саж. вышиной. Стѣна окружена со всѣхъ сторонъ (а съ сѣверной рѣкой и рвомъ) рвомъ, наполненнымъ водой.

Во время Лауфа въ Оберпаленѣ закипѣла настоящая жизнь. Тутъ основаны фабрики: фарфоровыхъ издѣлій, крахмальная, пудренная, суконная и существующій понынѣ въ имѣніи Войзекъ стеклянный заводъ; заведена больница съ докторомъ и двумя фельдшерами; открыта первая аптека въ деревнѣ съ разрѣшенія высшаго начальства; открыта типографія, перенесенная внослѣдствіи въ г. Юрьевъ. Но всѣ эти учрежденія приносили мало пользы. Лауфъ обѣднѣлъ, вошелъ въ страшные долги и умеръ скоропостижно 15 февраля 1786 г., оставивъ послѣ себя двухъ дочерей, Елену и Аврору. Послѣдняя потеряла права на замокъ и Екатерина II, узнавъ объ этомъ, прислала въ Оберпаленъ для изслѣдованія дѣла Потемкина. Замокъ перешелъ казнѣ. Въ 1798 г. графъ Бобринскій откупилъ замокъ за 242.550 руб. сер., во многомъ улучшилъ и украсилъ его. Послѣ смерти графа, замокъ унаслѣдовала супруга его Анна, урожденная Унгернъ-Штернбергъ, передавшая его въ 1847 г. внуку своему, князю Гагарину, нынѣшнему владѣльцу замка.



Каркусскій Алексѣевскій приходъ.

Священника Андрея Лера.

Мѣстность, составляющая приходъ, самая разнообразная: съ сѣвера на югъ проходитъ отрасль Валдайскихъ горъ, которыя, развѣтляясь и образуя малыя цѣпи горъ, образуютъ и возвышенности, и низменности, и долины и равнины, и болота. Лѣса есть во всѣхъ мызахъ, но болѣе другихъ богаты лѣсами Мойзеколь и Полленгофъ. Рѣкъ большихъ и замѣчательныхъ чѣмъ-нибудь нѣтъ. Ручейковъ же и малыхъ рѣчекъ много, такъ какъ мѣстность вообще ключистая. Здѣсь имѣютъ начало рѣки: Галлисть, Кэппо, Суйслепъ и Ругья; изъ нихъ Галлисть и Кэппо текутъ сначала на сѣверо-западъ, а потомъ на сѣверъ и впадаютъ въ рѣку Чернову; Суйслепъ течетъ сначала на юго-востокъ, потомъ на сѣверъ и впадаетъ въ озеро Вирць-Ярвь; Ругья течетъ сначала на югъ, потомъ на западъ и опять на югъ и впадаетъ въ Буртенское озеро. Большихъ озеръ нѣтъ, а изъ существующихъ болѣе замѣчательны по величинѣ: Вейсъ-Ярвь въ волости Каркусъ, близъ деревни Мыеколь, Сашбла, Ярвь тамъ же, Руги-Ярвь въ волости Полли, около деревни Пера.

Что касается достопримѣчательностей въ приходѣ, то ихъ немного, а именно: развалины замка Каркусъ рыцарскихъ временъ. Замокъ этотъ взятъ русскими войсками въ 1710 году подъ начальствомъ генераль-фельдмаршала графа Шереметева. Народная молва гласитъ, что крѣпость эту бралъ самъ Русскій императоръ Петръ I. Къ югу отъ замка, на другой сторонѣ озера растетъ большой лѣсъ, и въ этомъ лѣсу, какъ разъ противъ замка, возвышается довольно большая и крутая горка, которую народъ до сихъ поръ называетъ Куни-мяги (Kunimägi) отъ слова Kupingas — король, и эту горку, по народному сказанію, устроилъ Русскій императоръ со своими войсками, откуда ему удобно было брать крѣпость. И дѣйствительно, стѣны крѣпости со стороны лѣса почти всѣ разрушены. Замокъ этотъ выстроенъ Госваномъ фонъ Герике, магистромъ Тевтонскаго ордена въ 1357 году для поддержанія христіанства въ землѣ Сакала.

Въ этомъ замкѣ жили духовенство и войско, высылаемое на Эстовъ въ случаѣ оставленія ими припятаго христіанства. Въ исторіи замокъ Каркусъ встрѣчается очень мало. Вначалѣ, когда онъ былъ выстроенъ, принадлежалъ этотъ замокъ ордену, но съ уничтоженіемъ ордена онъ перешелъ во власть Поляковъ, и Польскій король Сигизмундъ Августъ въ 1562 году далъ его въ приданое сестрѣ своей, которая вышла за Іоанна, герцога Финляндскаго.

Такъ какъ Польша и Данія въ это время были врагами Швеціи, и къ этому герцогъ Финляндскій породнился съ Польшею, то Шведскій король, считая герцога Иоанна то же своимъ врагомъ, заключилъ Иоанна въ крѣпость и въ 1563 году опъ взялъ замокъ Каркусъ подъ власть Швеціи.

Въ 1573 году пришли Новгородцы и отнявъ, замокъ Каркусъ у Шведовъ, передали его по повелѣнію царя Иоанна Грознаго герцогу Магнусу Гольштейнскому, который женился въ 1573 году на родственницѣ великаго князя. Свадьба была отправлена въ Новгородѣ и на ней присутствовалъ также и великій князь Московскій. Но скоро супруга герцога — княжна Евфимія Владиміровна скончалась и царь обѣщалъ выдать за Магнуса младшую ея сестру Марію. Бракосочетаніе должно было совершиться въ Новгородѣ, куда Магнусъ прибылъ 4 апрѣля 1573 г. со свитою изъ 200 всадниковъ. Невѣстѣ въ это время было всего 13 лѣтъ отъ роду. Послѣ вѣнчанія, совершеннаго 12 апрѣля православнымъ священникомъ, новобрачныхъ благословилъ и лютеранскій проповѣдникъ. Царь весело пировалъ свадьбу, увеселялъ Нѣмцевъ плясками, пѣлъ съ нѣвчима, но не довѣряя Магнусу и Нѣмцамъ, имѣлъ благоразуміе не давать новобрачному ни обѣщанныхъ пяти бочекъ золота, не предоставлять ему ливонскихъ городовъ, занятыхъ Русскими.

Уѣзжая изъ Новгорода 19 апрѣля 1573 г. царь далъ Магнусу лишь одинъ замокъ Каркусъ и прощаясь съ нимъ, прямо сказалъ, что частыя измѣны Нѣмцевъ побуждаютъ его не давать Магнусу ни городовъ, ни денегъ. „Ты — человекъ, говорилъ царь, если измѣнишь, то золотомъ казны моей наймешь воиновъ, и мы принуждены будемъ своею кровію вновь добывать Ливонію. Заслужи прежде милость испытанною вѣрностію“.

Вмѣсто золота къ Магнусу привезли въ домъ нѣсколько сундуковъ съ бѣльемъ и нарядами молодой королевы. Послѣ царскаго отъѣзда изъ Новгорода, Магнусъ съ женою уѣхалъ въ свой удѣлъ Каркусъ. 1.000 душъ крестьянъ была предоставлены для содержанія герцога, но земля и крестьяне были въ то время разорены до такой степени, что Магнусу, привыкшему жить расточительно, пришлось жить довольно скудно, вслѣдствіе чего онъ скоро перебрался въ замокъ Оберпалепъ. Спустя недолго замкомъ Каркусъ опять овладѣли Поляки, передавши его знаменитому богачу своего времени и много воевавшему со всѣми тогдашними владыками Юргену Фаренсбаху. Это былъ типъ людей XVI столѣтія, жившихъ военнымъ ремесломъ. Нанимаясь въ военную службу, они служили своему нанимателю, совершали походы, давали сраженія, рѣшительно не справляясь ради чего и во имя чего идетъ война.

Въ 1600 году Шведскій полководецъ Карлъ Гюльенхельмъ окружилъ замокъ Каркусъ но никакъ не могъ его взять. Вдругъ является къ нему одинъ всадникъ и говоритъ, что онъ человекъ Фаренсбаха, но послѣдній его обидѣлъ и потому онъ убѣждалъ отъ него, и предлагаетъ свои услуги Шведамъ, обѣщая указать какъ пробраться въ замокъ и гдѣ находятся богатство и драгоцѣнности Фаренсбаха. Гюльенхельмъ повѣривъ всаднику, отправился за нимъ, въ числѣ 500 человекъ. Всадникъ же, увидѣвъ, что ему удалось обмануть Шведовъ и завести ихъ въ глубину лѣса по узкимъ дорогамъ, скрылся, послѣ чего Шведы были окружены и перебиты Фаренсбахомъ. Но несмотря однакожь на хитрость и мужество Поляковъ, они были впоследствии

побѣждены Шведами и замокъ перешелъ къ Шведамъ со всѣмъ богатствомъ Фаренсбахъ и оставался подѣ ихъ властью до 1710 года, когда былъ взятъ побѣдоносно Русскими войсками.

До 1790 года казна сама пользовалась землею (волостью Каркусъ), а съ этого времени она продала ее графу Дунтону, потомки котораго и до сихъ поръ имѣ владѣютъ. Самый замокъ въ настоящее время представляетъ только однѣ развалины, среди которыхъ, около одной стѣны приютилась лютеранская кирка. Подѣ замкомъ, какъ замѣтно были большіе погреба, но они всѣ провалившись и завалены камнями и муссоромъ. Въ 1895 году лѣтомъ одинъ бѣдный крестьянинъ Лигуръ, убѣжденный, что въ извѣстномъ мѣстѣ въ замкѣ подѣ землею зарыто большое богатство, сталъ копать и поднимать камни изъ одного погреба. Онъ откопалъ довольно большую комнату, а подѣ комнатою погребъ, изъ котораго къ югу идетъ проходъ — весьма красиво обдѣланный кирпичомъ. Въ раскопаномъ пространствѣ онъ нашелъ: пару желѣзныхъ обыкновенныхъ цѣпей и нѣсколько штукъ печныхъ кафель, съ фигурными изображеніями. Въ то же лѣто крестьяне забивая въ землю столбы для привязи лошадей, нашли въ землѣ цинковый гробъ съ человѣческими костями, который былъ спесенъ на мызу Каркусъ.



Феннернскій православный приходъ.

Священника Іоанна Элендта.

На основаніи нѣкоторыхъ случайныхъ находокъ и существующихъ въ устахъ народа преданій можно предполагать, что мѣстность, гдѣ расположенъ нынѣ Феннернскій приходъ, была населена съ древнихъ временъ, хотя она въ болѣе позднее время и славилась своими дремучими и безконечными лѣсами; въ этихъ лѣсахъ жили люди, имѣли свои усадьбы, свои священныя дубравы или рощи (во времена язычества и свои церкви (во времена христіанства). Населяли эту мѣстность Эсты. Вотъ нѣкоторыя данныя:

1. Въ разстояніи не многимъ болѣе 2 верстъ отъ нынѣшней православной церкви, по дорогѣ въ г. Вейсенштейнъ, находится крестьянская усадьба „Калмъ-ару“, получившая названіе свое отъ названія мѣста, гдѣ она находится; здѣсь въ древности, какъ гласитъ народное преданіе, было мѣсто погребенія умершихъ и находилась священная роща; названіе „калмъ-ару“ по-русски значить „поляна покойниковъ“.

2. Въ им. Старо-Феннернъ, въ разстояніи $\frac{1}{2}$ версты отъ означеннаго имѣнія по дорогѣ въ гг. Феллинъ и Вейсенштейнъ, къ востоку отъ имѣнія, есть возвышенное мѣсто, на которомъ теперь растетъ березнякъ; здѣсь, говорятъ, въ старину находилась монастырская (первая въ Феннернѣ) церковь, а до того времени, вѣроятно, здѣсь стояла каплица католическая (capella), такъ какъ эту возвышенность народъ до сего дня называетъ „cabell māgi“ — „горка каплицы“.

3. Недалеко отъ другого имѣнія „Вихтра“ находится возвышенность, называемая народомъ „surpu māgi“, т.-е. „гора покойниковъ“; тамъ находили различныя части человѣческихъ скелетовъ, и полагаютъ, что мѣсто это служило или кладбищемъ во время язычества, или же здѣсь погребены умершіе во время свирѣпствовавшаго въ этой мѣстности мора или чумы.

4. Въ верстахъ 5—6 отъ сего имѣнія, къ югу, при деревнѣ „Кавасо“, почти на берегу рѣки, есть такой же холмъ сыпучихъ песковъ, гдѣ также находили человѣческіе кости, черепа и пр.

5. Нѣкоторые старики помнятъ рассказы своихъ прапрадѣдовъ и прадѣдовъ о войнѣ Датчанъ, Шведовъ и русскаго великаго князя Іоанна, войска которыхъ проходили по этой мѣстности. Около деревни „Тахкусе“ и недалеко отъ вышеупомянутой де-

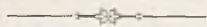
ревни „Кавасо“ указываютъ на проложенную чрезъ болото изъ сосновыхъ балокъ и бревень дорогу, называемую народомъ „rootsi tee“ — „шведская дорога“. Среди болотъ въ мѣстахъ, и нынѣ низкихъ и служащихъ лугами, находятъ признаки, что здѣсь когда-то жили люди, и земля служила пашнею.

Словомъ — мѣстность Феннернъ или „Вяндра“¹⁾, какъ называется она Эстами, была въ древности населена, но потомъ въ одно время все населеніе какъ будто было уничтожено, или вымерло; мѣста, когда-то обработанныя человѣкомъ, заросли лѣсомъ, и только въ новѣйшее время опять заселяются и превращаются въ плодородныя поля,

Когда распространено было въ Феннернѣ христіанство — объ этомъ навѣрно ничего не извѣстно, но можно полагать, что одновременно съ распространеніемъ его въ нынѣшнихъ гг. Перновѣ, Феллинѣ и Вейсенштейнѣ, которые находятся отъ Феннерна почти въ равномъ разстояніи въ разныя стороны: Перновъ въ 52 в. къ юго-западу, Феллинъ въ 56 в. къ юго-востоку и Вейсенштейнъ въ 52 в. къ сѣверо-востоку; первоначально распространено было католичество, какъ и вездѣ въ то время.

Православіе стало распространяться въ этой мѣстности только съ 1844 года. Въ 1847 г. начальство нашло нужнымъ открыть въ Феннернѣ самостоятельный православный приходъ, а въ 1868 г. была отстроена церковь.

¹⁾ Названіе мѣстности „Вяндра“ происходитъ, вѣроятно, отъ эстскихъ словъ „wānt“ — рукоятка и „gada“ — тропинка, такъ какъ им. Старый-Феннернъ находится при дорогѣ, которая въ этомъ мѣстѣ именно образуетъ колѣно; отсюда эстское названіе имѣнія „мыза Вянтра“ — Wāntraa“, сокращ. „Wānta“, а оттуда „Wāndra“.



Лаисскій приходъ.

Священника Іоанна Іогансона.

Православный Лаисскій приходъ открытъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1849 года. До того времени богослуженіе и требы для ново-присоединенныхъ совершались въ Черной деревнѣ и г. Юрьевѣ, а съ открытіемъ самостоятельнаго Лаисскаго прихода и назначеніемъ причта, было приспособлено къ совершенію богослуженій одно изъ деревянныхъ зданій въ имѣніи Шлосъ-Лаисъ, построенное въ 1714 году и почти сгнившее.

Причтъ помѣщается въ этомъ же домѣ. Настоящая деревянная церковь построена въ 1864 году и освящена 2 ноября того же года.

Въ Лаисскомъ приходѣ, въ казенномъ имѣніи Шлосъ-Лаисъ сохранились развалины упоминаемаго въ исторіи Ливоніи рыцарскаго замка Лаисъ или, какъ онъ называется въ русскихъ документахъ, Лаюса¹⁾. Замокъ этотъ по всей вѣроятности былъ построенъ въ началѣ XV столѣтія и назначался по своему мѣстоположенію по близости Чудскаго озера, подобно Сыренску-Нишлоту (нынѣшній Сыронецъ) для охраны орденскихъ владѣній отъ набѣговъ Русскихъ черезъ Чудское озеро. Но фохты плохо защищали орденскіе интересы. По сказанію лѣтописца Бальтазара Руссова²⁾ когда въ 1558 году Нарва и Юрьевъ сдались Русскимъ, то всѣ фохты и „защитники покинули замки Эцъ, Ніагузъ, Лаисъ и другіе, которые Московить взялъ безъ боя“, утѣшая себя такъ: „пусть себѣ Русскіе берутъ земли и города, король Датскій снова отниметъ ихъ у нихъ“³⁾. Въ то время какъ Репнинъ занималъ города и замки въ Эстляндіи, отряды Заболоцкаго и Колычева заняли въ Лифляндіи оставленные замки Лаисъ, Оберпаленъ, Рингецъ и многіе другіе⁴⁾; вернуть же ихъ отъ Русскихъ было не такъ легко. Такъ, въ 1559 году магистръ ордена Готгардъ Кеттлеръ осадил Лаисъ, въ которомъ начальствовалъ стрѣлецкій голова Андрей Кашкаревъ. Осада была рѣшительно неудачною: Кашкаревъ перебилъ не мало Нѣмцевъ, подбилъ ихъ два орудія и заставилъ снять осаду⁵⁾. По заключенному 6 января 1582 года перемирію на десять лѣтъ съ Польскимъ королемъ Стефаномъ Баторіемъ, Лаисскій

¹⁾ Приб. Сборн., т. III, стр. 334.

²⁾ Лѣтоп., ч. II, гл. 64. II и гл. 67 и 68.

³⁾ Приб. Сборн., т. II, стр. 362.

⁴⁾ Приб. Сборн., т. III, стр. 376.

⁵⁾ Приб. Сборн., т. II, стр. 387.

замокъ вмѣстѣ съ другими замками и городами былъ уступленъ Польшѣ. Въ 1600 году герцогъ Карлъ Шведскій завоевалъ у своего двоюроднаго брата Польскаго короля Сигизмунда III, вмѣстѣ съ другими городами и замками Ливоніи и замокъ Лаисъ¹⁾ О послѣдующей исторіи Лаисскаго замка Ливонскія лѣтописи умалчиваютъ: оставался ли онъ въ рукахъ Шведовъ въ теченіе всего XVII столѣтія, или переходилъ попеременно то въ руки Поляковъ, то Русскихъ, то обратно Шведовъ. Мѣстное народное преданіе гласитъ, что Шведскій король Карлъ XII, послѣ Нарвской побѣды 19 ноября 1700 года, обращая свое оружіе противъ Польскаго короля Августа II, провелъ зиму въ Лаисскомъ замкѣ. Затѣмъ Лаисскій замокъ по всей вѣроятности былъ обращенъ въ развалины Шереметевымъ лѣтомъ 1703 года одновременно съ Везенбергомъ, Вейсенштейномъ, Оберпаленомъ, Феллиномъ, Рингеномъ, Вольмаромъ, Венденомъ и многими другими.

Въ настоящее время сохранились развалины отъ трехъ угловыхъ башенъ съ лицевой стѣною замка, въ который сохранился въѣздъ въ замокъ.

Въ развалинахъ замка теперь устроены Лаисскій волостной запасный хлѣбный магазинъ.

Въ 17 верстахъ отъ Лаиса находится имѣніе Кардисъ, принадлежащее офицеру русской службы фонъ Пистоль-Корсу, гдѣ Государемъ Алексѣемъ Михайловичемъ 21 іюня 1661 года, послѣ неудачной второй польской войны, заключенъ мирный договоръ со Шведскимъ королемъ Карломъ X, по которому Алексѣй Михайловичъ уступилъ Швеціи всѣ завоеванные города и крѣпости, оставшіяся въ Ливоніи въ рукахъ Русскихъ по перемирному трактату въ Веліесарѣ 20 декабря 1658 года. Въ паркѣ имѣнія Кардисъ сохранилась бесѣдка, въ которой былъ подписанъ мирный договоръ, равно и чернильница и перо, служившія при этомъ.

¹⁾ Лѣтоп. Нѣнштега; Приб. Сбор., т. IV, стр. 104.



Суйслепскій приходъ.

Суйслепскій приходъ получилъ свое наименованіе отъ казеннаго имѣнія Старо-Суйслепъ, въ предѣлахъ котораго предположено было съ открытія прихода построить храмъ, а пять лѣтъ тому назадъ и построенъ. Приходъ занимаетъ въ юго-восточной части Феллинскаго уѣзда пространство приблизительно въ 53 версты въ длину и 20 верстъ въ ширину.

Народонаселеніе прихода Эстонцы-Сакаляне, народъ по тѣлосложенію высокій, статный, красивый, — въ особенности въ Тарвастской волости, — съ открытымъ мужественнымъ взглядомъ. Они замѣчательны въ средѣ другихъ Эстонцевъ, наравнѣ съ жителями острова Эзеля, своимъ мужествомъ и храбростью, что особенно проявили въ борьбѣ съ пришельцами — Нѣмцами. вмѣстѣ съ Эзельцами они отчаянно боролись противъ Нѣмцевъ и Латышей и даже послѣ взятія Нѣмцами ихъ города Феллина производили неоднократныя возмущенія. Вообще въ своихъ предпріятіяхъ и задуманныхъ дѣлахъ они тверды и настойчивы. Главнымъ занятіемъ этого народа служили въ древности, рыбная ловля, охота, земледѣліе, а скотоводство было развито даже въ весьма значительной степени. Такъ, Генрихъ Латышъ рассказываетъ, что Нѣмцы во время одного похода забрали у Сакалянъ 2000 лошадей. Занятіе ремеслами ограничивалось только приготовленіемъ себѣ одежды, оружія и домашней утвари.

Въ настоящее время этотъ народъ почти исключительно земледѣльцы, такъ какъ въ Феллинскомъ уѣздѣ (Wiljandimaа = хлѣбородная земля) очень плодородная, сравнительно съ другими поселеніями Эстонцевъ, земля. Земледѣліе поставлено у нихъ довольно высоко; у многихъ употребляютъ заграничныя сохи, молотилки, вѣялки и т. п. Главной доходной статьей крестьянъ въ этой мѣстности служитъ ленъ, который ими засѣвался и засѣвается въ большомъ количествѣ и который до недавняго времени высоко цѣнился.

Вслѣдствіе густоты народонаселенія многіе начинаютъ изучать разныя ремесла или уходятъ на заработки, а иные переселяются во внутреннія губерніи Россіи, пріобрѣвъ тамъ участки. Къ торговлѣ они какъ-то неспособны, а занимаются ею здѣсь Русскіе. Въ послѣднее время, впрочемъ, появилось довольно купцовъ и изъ Эстовъ.

Въ противность древнему эстонскому обычаю жить деревнями, народонаселеніе Суйслепскаго прихода и вообще всѣ Сакаляне живутъ въ настоящее время отдѣльными усадьбами; въ нихъ устраиваютъ себѣ вполне приличныя, чистыя помѣщенія, съ свѣт-

лыми комнатами, нерѣдко обитыми обоями, и съ красивой мебелью. При усадьбахъ вездѣ устраиваютъ сады.

По вѣрованіямъ Эстонцы одинъ народъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Въ устахъ его здѣсь, какъ и вездѣ, еще живутъ языческія преданія старины. Особенно часто слышится названіе языческихъ боговъ Тара, Ванемуйне и т. д., а сказаніями своей мифологіи народъ гордится и старается, чтобы они не пропали безслѣдно, такъ какъ въ нихъ отражается привольная, счастливая жизнь Эстонцевъ до прибытія сюда Нѣмцевъ, наложившихъ на нихъ тяжелыя цѣпи рабства.

Въ пародѣ есть преданіе, что на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ находится Тарвастская лютеранская кирка, было капище главнаго эстонскаго бога Таара, гдѣ стоялъ его идолъ. Съ пришествіемъ Нѣмцевъ капище это было разрушено, а на его мѣсто построены костель, нынѣ служащій лютеранскою киркою. Мѣсто это съ того времени народъ сталъ называть и до сихъ поръ называетъ Тарвасту, что означаетъ: противъ Таара (Таага-wastu).

Изъ сохранившихся древнихъ обычаевъ особенно замѣчательны — Ивановъ огонь. Наканунѣ 24 іюня зажигаютъ посаженную на длинный шестъ смоляную бочку или что-нибудь въ этомъ родѣ, а молодежь при этомъ тапцуетъ, играетъ и веселится. Какъ маяки, свѣтятся въ этотъ вечеръ Ивановы огни по всѣмъ пригоркамъ Сакаліи. Множество повѣрій соединено съ этимъ вечеромъ: тогда можно находить клады, надъ которыми будто-бы въ эту ночь тлѣютъ сініе огоньки; особенно же надо въ этотъ вечеръ стараться собирать разныя лѣкарственныя травы отъ всевозможныхъ болѣзней, потому что собранныя именно въ этотъ вечеръ травы имѣютъ какую-то особую волшебную силу, послѣ чего уже опую теряютъ. Изстари также наканунѣ 10 ноября въ день Мартина и наканунѣ 25 ноября ходятъ ряженые, — въ первомъ случаѣ, по преимуществу, парни, во второмъ — дѣвушки, — изъ двора въ дворъ, въ помѣщичью усадьбу и т. д., и народъ очень радушно угощаетъ ихъ, даетъ деньги и позволяетъ повеселиться въ домѣ.

Изстари также четвергъ у здѣшняго народа почитается священнымъ днемъ, почти полупраздникомъ: вечеромъ совсѣмъ не работаютъ. У лютеранъ въ этотъ день по вечерамъ бывають молитвенныя собранія, особенно въ Великомъ посту, въ школьныхъ домахъ.

Здѣсь также справляется нѣчто въ родѣ масленицы, но не тогда, какъ у Русскихъ, а на первой педѣлѣ Великаго поста и именно во вторникъ: катаются на конькахъ, салазкахъ, веселятся и т. д., а обыкновеннымъ угощеніемъ тогда являются: свиная голова, свинья и другихъ животныхъ ноги, каковыя къ этому дню берегутся. Свиная голова должна быть цѣликомъ посолена и цѣликомъ сварена — тогда хорошо свиньи водятся.

Существуетъ обычай сидѣть у покойника до его погребенія. Къ погребенію собираются въ возможности всѣ родственники и знакомые. Въ Тарвастской волости покойнику падѣваютъ на голову шапку и на руки перчатки зимой. Въ Гельметскомъ кирхшпилѣ нѣкоторые болѣе невѣжественные люди еще до сихъ поръ кладутъ покойнику въ гробъ вѣникъ, трубку и кisetъ съ табакомъ, а иногда и бутылку съ водкой.

Въ Тарвастской волости народъ строго придерживается старыхъ національныхъ костюмовъ, изъ которыхъ имъ особенно присвоены черный кафтанъ съ зеленымъ галуномъ, съ красными лентами; замужнія женщины носятъ вышитый шелками и бисеромъ красный головной уборъ наподобіе русскаго кокошника и покрываются платками.

О мѣстности, занимаемой Суйслепскимъ приходомъ, въ историческихъ сборникахъ ничего замѣчательнаго не написано. Хоть Сакаляне и прославились своею долгою мужественною борьбою противъ Нѣмцевъ, но ихъ кровавыя стычки происходили не въ предѣлахъ описаннаго прихода, а либо въ Юрьевскомъ, либо въ Перновскомъ уѣздахъ, либо въ сѣверной части Сакаліи около Оберь-Палена, а главнымъ образомъ въ городѣ Феллипъ и около него. Были однако и въ предѣлахъ Суйслепскаго прихода сраженія, о чемъ свидѣтельствуютъ нѣсколько могильныхъ памятниковъ. Въ имѣніи Керстенсгофъ, въ деревнѣ Азме есть небольшой холмикъ, около котораго находятъ человѣческія кости.

Въ деревнѣ Кивилѣпа Старо-Суйслепской волости есть большой могильникъ; тамъ же поставлена четырехугольная каменная плита, на которой вырѣзаны три креста, окруженные вѣнцомъ. Пытались однажды это мѣсто вспахать, но убитые воины оказались погребенными такъ неглубоко, что поле покрылось костями и шинельными пуговицами. Человѣческія кости находятъ еще на глубинѣ 8—9 футовъ, гдѣ между костями земли нѣтъ. Въ той же деревнѣ стоитъ на полѣ каменный крестъ, подъ которымъ, говоритъ народъ, погребенъ какой-то военный начальникъ. Въ Старо-Суйслепской же волости, въ деревнѣ Ярвекула имѣется еще одинъ военный могильникъ; тамъ также находятся человѣческія кости и найдено нѣсколько старинныхъ вещей.

На мызѣ Тарвасть находятся также развалины рыцарскаго замка.

До пришествія Нѣмцевъ въ эту мѣстность Эстонцы жили родами или областями и въ каждой области былъ у нихъ старшина, или кунингасъ. Были и города, въ защиту отъ непріятелей окруженные валами и рвами, преимущественно около болотъ и вообще въ неприступныхъ мѣстахъ. Для обсужденія важныхъ дѣлъ составлялись ими общія народныя собранія. Съ пришествіемъ Нѣмцевъ была совершенно подавлена ихъ самостоятельность, и они уже сами сдѣлались собственностью господъ. Къ концу же крѣпостнаго права ихъ положеніе начинаетъ нѣсколько измѣняться, а съ сороковыхъ годовъ помѣщики стали отдавать въ аренду и даже совсѣмъ продавать крестьянамъ дворы.



Оллустьферскій Петро-Павловскій приходъ.

Оллустьферская Петро-Павловская церковь находится въ Феллинскомъ уѣздѣ, на землѣ, отведенной отъ мызы Оллустьферъ, принадлежащей графу Ферзенъ, православнаго вѣроисповѣданія.

Большая часть пространства, входящаго въ составъ Оллустьферскаго прихода, состоитъ изъ болотъ, покрытыхъ лѣсами; особенно много ихъ въ западной и юго-западной части прихода, гдѣ обработанной земли почти совершенно нѣтъ. Въ западной части прихода также много болотъ, но есть и нѣкоторыя возвышенія; на одномъ изъ такихъ возвышеній, называемомъ „Kure mägi“, находится православное кладбище. Церковь находится также на сравнительно возвышенномъ мѣстѣ. Есть возвышенія также въ 5—7 верстахъ отъ церкви къ юго-востоку. Орошеніе мѣстности обильное; по значительныхъ водовмѣстилищъ нѣтъ; есть нѣсколько маленькихъ озеръ и рѣчекъ, но ничѣмъ ни тѣ ни другія не замѣчательны. Самая большая изъ рѣкъ, протекающихъ въ предѣлахъ прихода, рѣка Навастъ, имѣетъ 80 верстъ длиною и служитъ весною для сплава лѣса въ городъ Перновъ, что составляетъ одну изъ доходнѣйшихъ статей заработка мѣстныхъ жителей. Мѣстностей, замѣчательныхъ въ историческомъ, военномъ и археологическомъ отношеніи, нѣтъ, если не считать пригорка, лежащаго среди болотъ, верстахъ въ трехъ отъ церкви къ западу — въ Леховерской волости. Пригорокъ этотъ нѣкоторыми изслѣдователями признается за мѣсто, гдѣ былъ, упоминаемый въ хроникѣ Гендрика Латышскаго, городъ эстонскаго старшины Лембита-Леоле. Въ пригоркѣ этомъ были произведены и раскопки, при которыхъ нашли обгорѣвшую глину и слѣды золы и угольевъ, а какихъ-нибудь остатковъ древности не нашли. На землѣ мызы Вейбстферъ есть также пригорокъ, называемый „Küütli mägi“ (т.-е. Рыцарская гора), о которой говорятъ, что въ ней оканчивается подземный проходъ, начинающійся въ городѣ Феллявѣ. Мѣсто это нѣкогда замѣняло кладбище.

Кикеферскій приходъ.

Священника Николая Чистякова.

Кикеферскій приходъ — самый сѣверный въ Феллипскомъ уѣздѣ и благочиніи, Рижской епархіи, Лифляндской губерніи, въ разстояніи 283 верстъ отъ губернскаго и епархіальнаго города Риги и въ 52 верстахъ отъ уѣзнаго — Феллина.

Кикеферскій приходъ на всемъ своемъ протяженіи представляетъ мѣстность вообще низменную, бѣольшую часть которой занимаютъ болотистыя мѣстности, состоящія изъ топкихъ болотъ, сѣнокосовъ и перелѣсковъ, которыя не прерываясь, тремя отдѣльными сплошными рядами проходятъ черезъ весь приходъ, отъ южныхъ окраинъ онаго до сѣверныхъ, гдѣ онѣ сливаются съ поперечными сплошными рядами таковыхъ же болотъ, такъ что весь приходъ со всѣхъ сторонъ окруженъ болотами, которыя и составляютъ какъ бы естественныя границы онаго. Среднее, центральное болото раздѣляетъ приходъ на двѣ, нѣсколько (не выше 3 сажени) возвышенныя половины, — восточную и западную, которыя состоятъ изъ большаго или меньшаго числа разной величины холмовъ, расположенныхъ, главнымъ образомъ, въ томъ же направленіи — отъ юга на сѣверъ.

На этихъ-то холмистыхъ возвышенностяхъ восточной и западной половинокъ прихода и расположены всѣ мызы и селенія; только незначительная часть отдѣльных поселковъ ютится на незначительныхъ возвышеніяхъ (холмахъ) среди лѣсовъ и болотъ.

Пути сообщения служатъ только мѣстныя дороги, изъ которыхъ грунтовыя — три. Одна изъ нихъ ведетъ изъ г. Феллина, черезъ западную возвышенную половину прихода, въ г. Вейсенштейнъ. Вторая — изъ мѣстечка Оберпалена, черезъ восточную возвышенную половину прихода, въ восточную часть Вейсенштейнскаго уѣзда. Отъ этой дороги, на 8-й верстѣ отъ м. Оберпалена, отдѣляется вѣтвь, которая соединяетъ восточную дорогу съ западной, на 50-й верстѣ отъ г. Феллина, — проходя по южной части прихода.

Церковь построена въ западной части прихода, при Феллипской дорогѣ въ 2 верстахъ на сѣверъ отъ вышеозначенной соединительной дороги и въ 6 верстахъ отъ сѣверной границы прихода, т.-е. на 52-й верстѣ отъ г. Феллина. Вслѣдствіе отдаленности церкви отъ восточной половины прихода, всѣ живущіе тамъ прихожане предпочитаютъ попрежнему посѣщать сосѣднюю Оберпаленскую церковь, которая къ нимъ гораздо ближе своей — Кикеферской церкви.

Полевья земли имѣютъ въ приходѣ суглинистую почву, почему и довольно плодородны; сѣются здѣсь рожь и пшеница озимья, а изъ яровыхъ: ячмень, овесъ и горохъ, кромѣ того — картофель, ленъ и клеверъ. Въ лѣсахъ преобладаютъ ель и береза; за ними слѣдуютъ осина, ольха и болотная сосна и ива; изрѣдка встрѣчаются ясень, рябина и черемуха. Озеръ въ приходѣ нѣтъ. Изъ рѣкъ берутъ начало — Пала (Оберпаленская) изъ восточнаго болота, течетъ въ Амовжу (Эмбахъ); Пиллистферская — изъ центральнаго болота, течетъ въ Перновскую рѣку и Пранди — изъ западнаго болота, течетъ въ Фейнерпскую рѣку.

Вышеозначенныя грунтовыя дороги во время прежнихъ войнъ имѣли важное значеніе, служа путями передвиженія войскъ изъ Оберпалена въ г. Вейсенштейнъ и обратно. Что здѣсь происходили кровавыя стычки, не подлежитъ сомнѣнію, хотя въ народной памяти ничего о томъ не сохранилось. Большія же сраженія происходили ближе къ Оберпалену и Вейсенштейну, о чемъ свидѣтельствуетъ тамошнія мѣста погребенія павшихъ въ бою войновъ, изъ которыхъ одно находится въ юго-восточномъ углу Кикеферскаго прихода, на обширномъ полѣ мызы Адаферъ, при восточной дорогѣ, въ 5 верстахъ отъ Оберпалена (на сѣверъ). Древнее кладбище это имѣетъ видъ холма, величиною около 1 десятины, покрыто березовою рощею и, по положенію своему на ровномъ открытомъ полѣ, видно издалека; называется холмъ этотъ по-эстонски „Kalmu-mägi“ — кладбищенская гора. Вторымъ мѣстомъ большихъ сраженій служило громадное, возвышенное поле деревни Малой Кареда, которое и понынѣ усыяно стоящими и лежащими каменными крестами величиною до 3 футовъ въ поперечникѣ. Мѣсто это въ 10 верстахъ отъ сѣверной границы Кикеферскаго прихода, въ прямомъ сѣверномъ направленіи по западной дорогѣ прихода, въ Петрискомъ кирхшпилѣ, Вейсенштейпскаго уѣзда.

Изъ археологическихъ памятниковъ сѣдой древности въ предѣлахъ Кикеферскаго прихода сохранились двѣ „каменные могилы“, находящіяся въ сѣверо-западномъ углу сего прихода, въ деревняхъ Таммекюля (Дубовая деревня) и Сурекюля (Большая деревня). Могилы эти были раскопаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ извѣстнымъ эстонскимъ археологомъ, Абьяскимъ учителемъ Юнгомъ; прочія же всѣ уже давнымъ-давно распаханы на поляхъ крестьянами, такъ что и слѣдовъ ихъ не осталось.

Еще достопримѣчательны въ западной части прихода два холма, изъ которыхъ одинъ лежитъ въ полуверстѣ отъ края западнаго болота и въ 2 верстахъ на сѣверо-западъ отъ Кикеферской церкви; называется онъ по-эстонски „Ніе mägi“ — холмъ священной рощи — величиною около 1½ десятины, на которомъ въ языческія времена и позднѣе мѣстное населеніе совершало свои жертвоприношенія. Теперь холмъ этотъ входитъ въ составъ пастбищной земли двора Смэру, и на немъ растетъ лишь мелкая поросль ольхи и рѣдкія, небольшія ели. Другой холмъ называется по-эстонски „Jügni mägi“ — гора мертвыхъ; лежитъ онъ въ 4 верстахъ на сѣверъ отъ перваго холма „Ніе mägi“, между деревнею Сурекюля и мызою „Лайметсъ“ (обширный лѣсъ), въ болотѣ; величина его около полудесятины, покрытъ лѣсомъ.

Но самую цѣнную изъ всѣхъ вещей въ археологическомъ отношеніи составляетъ ковчегъ (дарохранительница) пожертвованный Кикеферской церкви въ 1895 г. С.-Петер-

бургскимъ купцомъ И. Л. Дрозжининымъ. Ковчегъ этотъ весь серебряный, вѣсомъ 4 фунта; работы русской, повидимому до-петровскаго времени, формою трехъярусный, увѣнчанный осьмиконечнымъ находящимся на холмообразномъ возвышеніи на верхнемъ ярусѣ крестомъ, на четырехъ серебряныхъ же ножкахъ; общая вышина отъ основанія до верха креста 18 дюймовъ; четырехугольный, продолговатый въ ширину, которая въ нижнемъ ярусѣ составляетъ $10\frac{1}{2}$ дюймовъ, глубина (толщина) 7 дюймовъ въ нижнемъ карнизѣ; каждый ярусъ сверху, въ сравненіи съ предыдущимъ, уменьшается съ каждой изъ четырехъ сторонъ по 1 дюйму; въ каждомъ ярусѣ по угламъ отдѣльные столбики; въ двухъ нижнихъ ярусахъ по двухстворчатой дверцѣ, а въ верхнемъ — ящикъ съ крышкою, вынимается; всѣ стороны каждаго яруса изукрашены св. изображеніями Страстей Господнихъ, которыхъ 12. Приобрѣтенъ ковчегъ этотъ г. Дрозжининымъ послѣ пожара одной церкви въ сильно-попорченномъ видѣ; по реставраціи многіе изъ старообрядцевъ, и с.-петербургскіе и московскіе, желали откупить оный, предлагая Дрозжинину весьма значительную сумму, но онъ не соглашался, рѣшившись отдать его въ одинъ изъ новостроящихся храмовъ. Изъ другихъ достопримѣчательностей имѣются еще въ Кикеферской церкви 2 евангелія: одно въ полъ-листа, продолговатое, печатанное въ г. Москвѣ въ сентябрѣ 1697 года, въ царствованіе царя Петра I Алексѣевича, при патриархѣ Адрианѣ, на церковно-славянскомъ языкѣ, золотообрѣзное, въ полубархатномъ переплетѣ, лицевая сторона котораго сплошь покрыта мѣднымъ посеребреннымъ листомъ съ изображеніями: посреди — Воскресенія Спасителя съ рѣзнымъ сіяніемъ, а по угламъ четырехъ евангелистовъ, а на оборотѣ — изображеніе орудій страстей и четыре наугольника. Другое — въ четверть большого листа, продолговатое, печатанное въ Москвѣ въ 1701 году тоже при царѣ Петрѣ I, во время междупатріаршества, на церковно-славянскомъ языкѣ, золотообрѣзное въ полубархатномъ переплетѣ, св. изображенія на дскахъ всѣ отдѣльныя, на лицевой сторонѣ — Спасителя и четырехъ евангелистовъ, а на оборотной — орудій страстей и наугольники; всѣ они мѣдныя — посеребренныя; застежки таковыя же.



Торгельскій приходъ.

Въ археологическомъ отношеніи *Торгельскій приходъ* не изобилуетъ достопримѣчательностями. Обращаютъ на себя вниманіе двѣ пещеры, находящіяся близъ мызы Торгель, противъ лютеранскаго кладбища, въ лѣвомъ скалистомъ берегу рѣки Пернавы, въ недалекомъ разстояніи одна отъ другой, называемыя мѣстными жителями „Курья мяэ аугудъ“, — что по-русски значитъ: пещеры злой горы, а въ болѣе дальнихъ мѣстностяхъ извѣстны подъ названіемъ „Тори пырго“ — Торгельскій адъ. Какъ внутреннія стѣны пещеръ, такъ и самая скала около нихъ, состоящая изъ твердаго песчаника, исписаны именами посѣтителей. Образованіе первой изъ нихъ относятъ къ древнѣйшимъ временамъ, а другой — къ болѣе позднѣйшему времени. Можно указать еще два мѣста, на правомъ берегу рѣки Пернавы, гдѣ, при размытіи берега водою, находятъ человѣческія кости. Одно изъ нихъ находится въ деревнѣ Ореколь, волости Торгель, на усадебной землѣ двора Тыца, а другое — въ деревнѣ Риза, волости Вастемойзъ, на усадебной землѣ двора Калмети, гдѣ по сіе время можно еще замѣтить невысокіе могильные насыпи. Полагаютъ, что на этихъ мѣстахъ когда-то, въ болѣе отдаленныя времена, были кладбища, хотя объ нихъ не сохранилось никакихъ письменныхъ указаній и устныхъ преданій.

Описываемый приходъ расположенъ по обоимъ берегамъ рѣки Пернавы на протяженіи болѣе 30 верстъ въ длину и столькихъ же верстъ въ ширину. Народонаселеніе по обоимъ берегамъ рѣки болѣе густое потому, что береговая полоса по обѣ стороны рѣки болѣе возвышенная; чѣмъ далѣе отъ береговъ, тѣмъ почва становится низменнѣе, образуя лѣса, луга и по мѣстамъ болота. Береговая полоса изрѣзана оврагами, часто довольно глубокими, по которымъ протекаютъ ручейки, впадающіе въ рѣку.

Народонаселеніе прихода Эстонцы, безъ примѣси другихъ народностей; живутъ они не селами, а разбросанно, отдѣльными ховаяствами или дворами. Главное занятіе населенія — сельское хозяйство.

Тугаланскій приходъ.

Священника Николая Кюппара.

Изъ памятниковъ историческихъ можно указать на могилу воиновъ, павшихъ въ бою, по всей вѣроятности во время Великой Сѣверной войны. Могила эта представляетъ собою довольно возвышенный холмъ, саженой около 70 въ окружности; по угламъ холма поставлены камни съ высѣченными на нихъ изображеніями крестовъ, а на самомъ холмѣ недавно еще стояли двѣ засохшія сосны. Находится эта могила отъ Тугалана въ 5 верстахъ, къ югу, при дорогѣ къ Валку, среди крестьянскихъ полей, на участкѣ усадьбы Куллесэ. Достоверныхъ историческихъ данныхъ объ этой мѣстности не имѣется.

Около этого же мѣста крестьяне указываютъ на груду камней, какъ на остатокъ древняго католическаго епископскаго замка, и въ подтвержденіе сего приводятъ то обстоятельство, что крестьянская усадьба, на землѣ коей лежатъ эти камни, называется съ самыхъ древнихъ временъ „Пійскопитулу“, что значитъ усадьба епископа.

Другихъ замѣчательностей ни въ историческомъ, ни въ археологическомъ отношеніяхъ въ Тугаланскомъ приходѣ не имѣется.

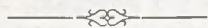
Мурроскій приходъ.

Мурроскій приходъ лежитъ въ 35 верстахъ на сѣверъ отъ г. Пернова, въ уѣздѣ котораго онъ находится, и расположенъ узкою полосою отъ востока на западъ — по границѣ Эстляндской губерніи. Названіе свое онъ получилъ отъ одной изъ деревень сего прихода „Мурру“, что значить: груда камней. Приходъ сей находится вдали отъ другихъ православныхъ церквей. Въ историческомъ отношеніи мѣстность Мурроскаго прихода ничѣмъ не замѣчательна. Она представляетъ безлѣсную, едва возвышенную равнину, усѣянную вездѣ камнями и окруженную со всѣхъ сторонъ низменными болотистыми лугами и топкими болотами-трясинами, среди которыхъ на западѣ расположены два небольшихъ озера: Тягела и Гермистъ. Приходъ сей составляетъ какъ бы отдѣльный, выдающійся уголокъ имѣнія Тестама; сюда въ прежнее время никто, кромѣ охотниковъ, не заглядывалъ, для чего за селеніями въ проселкѣ устроенъ домъ для сбора охотниковъ, уцѣлѣвшій и нынѣ. Мѣстность эта вообще глухая. Въ недавнее прошлое, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ не существовало здѣсь даже дороги, которая проходила бы по приходу, а съ этого времени устроена небольшая церковная дорога, соединяющая нынѣ Перново-Тестамскую дорогу съ Перново-Аренсбургскою дорогою. Приходъ сей состоитъ изъ восьми деревень; центромъ прихода считается деревня Тягела, лежащая по обѣ стороны упомянутой дороги.

Есть нѣкоторое основаніе полагать, что въ далекой древности въ этой деревнѣ существовалъ храмъ. Тутъ имѣется дворъ, который до сего времени сохранилъ названіе „Кирику-алузе“, т.-е. подцерковный. На участкѣ этого двора находится большой курганъ, усыпанный камнями съ высѣченными на нихъ крестами. Народная молва гласитъ, что здѣсь стоялъ храмъ, и указываютъ на уцѣлѣвшіе остатки фундамента зданія, представляющіе правильный четырехугольникъ, каждая сторона коего равняется приблизительно десяти саженьямъ. Въ срединѣ этого четырехугольника и внѣ его найдено много человѣческихъ костей, лежавшихъ на глубинѣ 8—10 футовъ. Въ восточномъ углу бывшаго зданія найдено (лѣтъ 50 тому назадъ) два хорошо сохранившихся и лежавшихъ бокъ о бокъ скелета, дающіе возможность думать, что здѣсь кромѣ храма находилось и кладбище. При производствѣ раскопокъ на этомъ мѣстѣ монетъ не найдено, по коимъ было бы можно опредѣлять древность кладбища, а находили глиняные горшки и большіе топоры и ножи.

Населеніе въ приходѣ густое, почему многіе не могутъ снискать себѣ пропитанія на родинѣ и принуждены искать заработковъ въ городѣ Перновѣ и на суконной фабрикѣ Цинтенгофъ.

Народонаселеніе прихода поголовно — Эстонцы, народъ рослый, плечистый, статный. Когда поселились они въ эту глушь, — неизвѣстно; но судя по ихъ русымъ волосамъ, голубымъ глазамъ и своеобразной національной одеждѣ, а также по сохранившемуся и понынѣ особому нарѣчію, можно полагать, что уголокъ этотъ составлялъ уже въ глубокой древности ихъ достояніе. Главное занятіе ихъ — земледѣліе и домашнее приготовленіе своей національной одежды.



Галлистская церковь.

Священника Мартина Рамуля.

Церковь и приходъ сей называются „Галлистскими“, что происходитъ отъ эстонскаго слова „галль“ (hall) внизъ. „Галлисте“ есть родительный падежъ множественнаго числа (родительный принадлежности) отъ эстонскаго слова „галлинэ“ — низовый житель, „Галлисте“ — принадлежитъ низовымъ жителямъ т.-е. земли или вѣрнѣе земля или мѣстожителство людей низовой части (къ морю) Эстоніи. Подъ именемъ „Галлисте“ извѣстны еще въ приходѣ въ верстахъ 15 отъ церкви огромное болото, которое тянется на нѣсколько десятковъ верстъ внизъ къ морю; и въ саженьяхъ 100 отъ мѣстной православной церкви, въ имѣніи Пеноя, въ участкѣ „Раудсепя“ небольшая, но крутая горка. Эта горка получила свое названіе „Галлисте“ (горою низовѣхъ жителей) отъ того, что въ языческія времена жители всего „Галлиста“ собирались на эту горку для языческаго жертвоприношенія и совершенія прочихъ религіозныхъ обрядовъ. Эта священная гора языческихъ Эстонцевъ „Галлиста“. По завоеваніи Лифляндіи Нѣмцами, для отвлеченія народа отъ идолослуженія, и для ознакомленія ихъ съ христіанствомъ, на этой горкѣ была построена католическая часовня, слѣды развалинъ коей сохранились до настоящаго времени. На этой горкѣ хотѣли построить и первоначальную лютеранскую кирку, для какой цѣли было привезено сюда нѣсколько строительнаго матеріала, но построена однакожь не была. О томъ, почему на этой горкѣ не была построена лютеранская кирка, существуетъ въ народѣ слѣдующее преданіе. Постройка кирки была тутъ уже начата, но по мѣрѣ того какъ ее успѣвали днемъ строить, она ночью разрушалась, и такъ продолжалось нѣсколько разъ. Наконецъ рѣшили построить ее на другомъ мѣстѣ; но гдѣ именно, о томъ происходили споры и совѣщанія на этой же горкѣ. Въ одинъ изъ такихъ споровъ въ кустахъ надъ горой запѣла какая-то чудная птичка, рѣшили построить кирку тамъ куда полетитъ эта птица. Птичка полетѣла къ сѣверу отъ этой горки на другую горку, около 14-ти верстъ отъ первой, гдѣ начинается упомянутое „Галлистское болото“, гдѣ и построили поэтому кирку, которая существуетъ и нынѣ тамъ.

И такъ, тамъ или около того мѣста, гдѣ совершалось языческое богослуженіе, гдѣ потомъ народъ ознакомлялся съ христіанствомъ — католичествомъ — и гдѣ не могла быть построена кирка, — нынѣ стоитъ православный мѣстный храмъ и носить названіе

по примѣру лютеранской кирки „Галлистскій“, — такъ какъ находится въ районѣ лютеранскаго Галлистскаго прихода и въ составъ православнаго прихода входятъ тѣ же волости и имѣнія, кои входятъ въ составъ Галлистскаго лютеранскаго прихода.

Кромѣ указаннаго языческаго богослуженія встрѣчаются въ приходѣ еще замѣчательныя въ археологическомъ отношеніи мѣста погребенія каменнаго, бронзоваго и перваго и втораго желѣзныхъ вѣковъ. Такими мѣстами особенно богата въ приходѣ часть Абьяской волости называемая „Абья-Перакуль“. Мѣста эти изслѣдованы въ археологическомъ отношеніи уже лѣтъ 10 тому назадъ Финскимъ профессоромъ и найденные имъ въ нихъ предметы взяты съ собой. Въ нѣкоторыхъ изъ этихъ могилъ найдены рядомъ съ глиняными урнами, въ коихъ погребали пепель отъ сожженныхъ тѣлъ умершихъ, предметы и орудія каменнаго вѣка, какъ-то: каменные топоры, ножи и молоты, а также предметы украшенія людей этого вѣка. Последними служили въ каменномъ вѣкѣ предметы изъ костей животныхъ. Встрѣчаются, напримѣръ, въ этихъ могилахъ зубы волка, съ пробурвленными отверстиями. Въ могилахъ первыхъ двухъ желѣзныхъ вѣковъ и бронзоваго вѣка находятъ топоры и орудія желѣзныя и бронзовыя и украшенія, какъ-то бронзовыя кольца, желѣзныя бляхи и прочее. На днѣ одного изъ озеръ найденъ пловучій мостикъ въ родѣ нынѣшняго плота и древняя рыболовная острога изъ желѣза. Указываютъ въ приходѣ на мѣста священныхъ рощъ, гдѣ приносили богамъ жертву и собирались для языческаго богослуженія. Кромѣ того встрѣчаются въ приходѣ мѣста первоначальныхъ городковъ или крѣпостей. Это возвышенія съ $\frac{1}{3}$ десятины, обыкновенно около рѣчекъ или прудовъ, обведенныя на своихъ вершинахъ высокимъ тыномъ и землянымъ валомъ, на которомъ лежали камни и бревна для защиты отъ непріятеля. Когда угрожала опасность отъ враговъ, женъ и дѣтей собирали въ эти мѣста, тамъ же укрывались и мужчины отъ преслѣдованія враговъ и бросали оттуда внизъ на нихъ бревна и камни.

Существуетъ объ этихъ вещахъ слѣдующее преданіе: король Карлъ XII, побѣжденный царемъ Петромъ Великимъ въ сраженіи въ этой мѣстности, преслѣдуемый имъ, спасался бѣгствомъ отъ русскихъ войскъ. Окруженный послѣдними, Карлъ XII рѣшился съ хитростію пробраться сквозь русскіе отряды, переодѣлся въ крестьянской избѣ въ крестьянскую одежду и на крестьянской телѣгѣ благополучно пробрался къ своимъ. Крестьянская изба, въ которой это совершилось, и есть именно тотъ дворъ въ которомъ нынѣ хранятся упомянутая каска, доспѣхи и мечъ, которые и считаются принадлежавшими Карлу XII. Въ той же Старо-Карриетской волости, на берегу рѣки того же названія стоятъ нынѣ два крестьянскихъ двора подъ названіемъ „Саапа-двора“ (двора сапоговъ). Эти дворы, по народному преданію и по рассказамъ владѣльца ихъ были подарены его предкамъ королемъ Карломъ XII по слѣдующему случаю: во время войны съ Петромъ Великимъ Карлъ XII, спасаясь бѣгствомъ, завязъ при переправѣ черезъ болотистую рѣку Старо-Карриетъ въ тинѣ ея. Это замѣтилъ хозяинъ ближайшаго двора и помогъ королю (не зная притомъ кто онъ) выйти, сапоги же короля остались въ тинѣ, и онъ босикомъ дошелъ до избы, гдѣ крестьянинъ уступилъ ему свои сапоги, за которые король далъ крестьянину два большихъ двора и велѣлъ назвать ихъ дворами „Сапоговъ“.

Предметы, монеты и оружіе, какъ найденные въ землѣ въ различныхъ мѣстностяхъ прихода, такъ и сохранившіеся въ цѣлости у крестьянъ нѣкоторыя вещи, а также рассказы и преданія въ устахъ жителей ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что въ этой мѣстности въ прежнія времена какъ до русскаго владычества въ этомъ краю, такъ и при завоеваніи этого края происходили во многихъ мѣстностяхъ этого прихода битвы и сраженія. Въ 1883 году при копаніи канавы въ глухой и болотистой мѣстности имѣнія Пеннекули „Тима-Мытсь“ верстахъ въ семи отъ ближайшей дороги найдено около трехъ фунтовъ мѣдныхъ монетъ, количествомъ трехсотъ штукъ, ливонскихъ рыцарей, два серебряныхъ талера и нѣсколько мелкихъ серебряныхъ монетъ царя Іоанна IV.

Въ волости Старо-Карристь въ одномъ крестьянскомъ дворѣ имѣются и хранятся до сего времени въ цѣлости и передается хозяевами этого двора съ завѣщаніемъ отъ одного поколѣнія другому, какъ драгоцѣннѣйшее достояніе этого двора старинная каска, военные доспѣхи и мечъ.



Аренбургскій приходъ.

Протоіеря Александра Кудрявцева.

Аренбургская православная, во имя святителя и чудотворца Николая, церковь, заложенная въ 1786 году, освящена въ 1790 году. Она находится на Замковой улицѣ и сохраняется прочно до сего времени. Церковь эта одноэтажная, каменная, построена изъ мѣстной плиты и имѣла вначалѣ видъ продолговатаго прямоугольника, алтаремъ на востокъ; но съ устройствомъ въ 1847 году при ней паперти и съ двухъ сторонъ, южной и сѣверной, по одной пристройкѣ для помѣщенія ризницы она получилъ видъ креста. Надъ церковью одна глава, утвержденная на длинномъ, кругломъ фонарѣ.

Колокольня, сооружена въ связи съ церковью. На колокольнѣ имѣется шесть колоколовъ; изъ нихъ пять, вѣроятно, присланныхъ, по распоряженію правительства, при самомъ открытіи церкви въ городѣ Аренбургѣ, въ царствованіе императрицы Елисаветы Петровны, и одинъ, пожертвованный въ 1895 году С.-Петербургскимъ купцомъ Николаемъ Васильевымъ Богдановымъ, въ память 25-лѣтія существованія Эзельскаго братства. Всѣ колокола малыхъ размѣровъ. Главный замѣчательнъ своею древностію. Не имѣя на себѣ означенія вѣса, онъ имѣетъ слѣдующую надпись, отлитую по его окружности: „Божиею мѣткою и помощію стѣя живоначальныя трцы лѣта шестъ десятаго а мѣца сентября въ 8 день на рожество Прстей Брдцы слить бытъ колоколь сей при державѣ цртва блгвернаго и хстолюбиваго цря и гдря великого князя Ивана Васильевича всея Руси и при архиепискупе великого Новагорода и Пскова влди Серапиюна, а лиль мастеръ псковитнъ Прокофей Григорьевъ снъ колоколникъ. Слава Богу, аминь“. Откуда этотъ колоколь поступилъ въ Аренбургскую церковь, — свѣдѣній не имѣется.

Аренбургъ, портовый, уѣздный городъ Лифляндской губерніи, лежитъ на южной оконечности острова Эзеля, при Рижскомъ заливѣ, въ малой бухтѣ, доступной только для прихода мелко сидящихъ судовъ; большіе же военные и коммерческіе пароходы останавливаются на рейдѣ, верстахъ въ 12 отъ города; а для судовъ средней величины, отъ 9 до 12 футовъ осадки въ водѣ, имѣетъ устроенную въ послѣднее время, въ 1893—1895 годахъ, на средства правительства пристань на Ромасаарѣ, верстахъ въ трехъ съ небольшимъ отъ города. Точныхъ свѣдѣній о времени основанія города не имѣется. Извѣстно одно, что коренные жители острова Эзеля Эсты, до XII вѣка

идолопоклонники, занимавшіеся морскими разбоями, на мѣстѣ нынѣшняго города имѣли свои укрѣпленія. Въ XII вѣкѣ, послѣ взятія острова Эзеля, Датчанами, король Вольдемаръ II, по свидѣтельству древнихъ лѣтописцевъ, срубилъ здѣсь въ 1205 году деревянный городокъ, который скоро сгорѣлъ. При насажденіи здѣсь силою оружія христіанства и основаніи епископства, ливонскіе рыцари вновь возвели городъ въ 1221 г., а епископъ Рижскій Германъ фонъ-Оснабрюгге построилъ въ немъ каменный укрѣпленный замокъ, который епископы рижскіе, вслѣдъ за Оснабрюгге, избрали мѣстомъ своей резиденціи. Во время гротмейстерства фонъ Плетенберга замокъ былъ сильно укрѣпленъ и окруженъ двойнымъ рядомъ валовъ и между ними глубокимъ ровомъ. Отъ ливонскихъ рыцарей островъ Эзель перешелъ во владѣніе Датчанъ, которые управляли имъ съ 1561 года по 1645 годъ, когда онъ достался во владѣніе Шведовъ, а отъ Шведовъ взятъ былъ Русскими вмѣстѣ съ городомъ въ 1710 году и окончательно присоединенъ къ Россійской державѣ Петромъ Великимъ, по Ништадтскому миру, въ 1721 г.

Аренбургскій замокъ съ укрѣпленіями представлялъ въ свое время солидную защиту отъ враговъ на Балтійскомъ морѣ, почему до 1836 года русскіе государи содержали въ немъ значительный гарнизонъ, состоявшій изъ артиллеріи, пѣхоты и казачковъ. Въ 1836 году крѣпость Аренбургская была упразднена, войска изъ нея выведены и орудія вывезены; самый же замокъ переданъ былъ правительствомъ Эзельскому дворянству, которое и заботится о поддержаніи этой древней твердыни. Въ замкѣ епископскомъ до настоящаго времени сохранилась древняя католическая церковь, въ которой по временамъ совершается лютеранское богослуженіе и которая любезно предоставляется дворянствомъ католическимъ священникамъ, когда они посѣщаютъ Аренбургъ, для отправленія богослуженія по обряду римской церкви. Нижнія же помѣщенія замка занимаютъ кладовыя для ссыпки хлѣба.

Аренбургъ ведетъ отпускную торговлю хлѣбомъ, вывозимымъ за границу, и мѣстной плитой, отправляемой въ Ригу, каменоломня которой находится въ 9 верстахъ отъ города, въ предѣлахъ казеннаго имѣнія Пехель, на участкѣ Куйго, — и извѣстенъ своими лѣчебными грязями. Для пользованія больныхъ имѣются здѣсь три грязелѣчебныя заведенія: докторовъ Мержіевскаго, Видемана, и частное — наслѣдниковъ бюргера Вейзе. Жители городского предмѣстья Торри, Эсты, занимаются рыбною ловлею. Населеніе города, вмѣстѣ съ предмѣстьемъ — Торрикула, не превышаетъ 3500 душъ; изъ нихъ православнаго вѣроисповѣданія съ небольшимъ 400 душъ.

Въ 1747 году дворянинъ Эзельской провинціи, ландъ-гауптманъ (областной начальникъ, въ чинѣ генераль-маіора, подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ Правительствующаго Сената) фонъ Тунцельманъ, движимый благороднымъ сочувствіемъ къ духовнымъ нуждамъ островныхъ православныхъ, сдѣлалъ по начальству представленіе о необходимости опредѣлить для православныхъ постояннаго священника, изъяснивъ при этомъ, — какъ видно изъ послѣдовавшихъ затѣмъ распоряженій Святѣйшаго Синода, — что и на Эзелѣ у православныхъ нерѣдко крестятъ дѣтей въ лютеранскую вѣру лютеранскіе пасторы.

Вслѣдствіе такого представленія „по указу ея Императорскаго Величества, Государыни Императрицы и Самодержицы всероссійской Елисаветы Петровны, послѣдоваль указъ изъ святѣйшаго Правительствующаго Синода на имя синодальнаго члена, преосвя-

щеннаго Симона, епископа Псковскаго и нарвскаго, отъ 4 августа 1747 года, слѣдующаго содержанія: „1. На томъ Эзельскомъ острову для находящагося тамъ Россійскаго народа, православной, восточной греко-россійской церкви быть священнику и двумъ причетникамъ; такожь и священникамъ облаченіе туда отправить его преосвященству изъ своей епархіи; 2. Святыхъ иконы и книги, что до церковнаго круга принадлежить..., отпустить къ его преосвященству изъ имѣющихся въ канцеляріи Святѣйшаго Синода, конфискованныхъ и другихъ праздныхъ; и 3. О крещенныхъ на помянутомъ острову родившихся отъ благочестивыхъ россійскихъ людей дѣтяхъ лютеранскими пасторами въ ихъ лютеранскій законъ, надлежащее разсмотрѣніе и рѣшеніе учинить его преосвященству, какъ правила св. отецъ и ея императорскаго величества указъ повелѣвають (Указъ Пск. д. консисторіи отъ 6 февраля 1748 года, за № 941).

Не замедлилась и постройка самой церкви, которая 4 мая 1750 года, по благословенію преосвященнаго Симона, епископа Псковскаго и Нарвскаго, и была освящена мѣстнымъ священникомъ Симеономъ Ивановымъ Заклицкимъ. Церковь эта была деревянная; позднѣе построена каменная, которая какъ видно изъ надписи подъ иконою трехъ святителей, освящена въ 1790 году, при державѣ благочестивѣйшей императрицы Екатерины II и при архіепископѣ Иннокентіи Псковскомъ и Рижскомъ.



Каррійкій Михаило-Архангельскій приходъ.

Священ. Мартина Подрядчикова.

Каррійскій православный приходъ, Лифляндской губерніи, Эзельскаго уѣзда, занимаетъ средину острова Эзеля и имѣетъ овальную форму, длиною 20 верстъ и шириною 10 верстъ. Пространство это въ доисторическія времена, когда здѣсь поселились Эсты, было большею частію покрыто водою и изъ воды возвышались только отдѣльные островки, почему Эсты назвали его Саарема, т.-е. островная земля. Островки эти отъ поднятія дна морскаго постепенно соединялись между собою и за 200 лѣтъ до нашего времени, отъ провода канавъ, которыя существуютъ и въ настоящее время, образовали одиноп островъ, а на мѣсто мелководія явились болота. Основаніемъ мнѣнія о поднятіи дна морскаго служатъ рассказы многихъ старожиловъ, что въ 3 верстахъ отъ настоящей церкви въ мѣстности Мунга-нійтъ, гдѣ теперь болотный сѣпокосъ, въ былое время ловилась рыба язи. Мѣстность около церкви, кругъ двѣ версты въ поперечникѣ, низменная, кругомъ на 3 и 4 версты болота; проѣзжія дороги къ церкви и сообщеніе съ остальными частями Эзеля съ двухъ сторонъ и тѣ черезъ болота. Земля около церкви неплодородная, глина, щебень со смѣсью крупнаго булыжника, и отъ 1 фута до 8 футовъ глубиною, подъ нимъ сплошной плитнякъ.

Прихожане каррійскіе исключительно Эсты, и число ихъ въ 1895 году 1800 душъ обоего пола, которые разбросаны среди 5000 лютеранъ.

Въ одной верстѣ отъ церкви находится кладбище, современное католичеству, и оно огорожено заборомъ изъ булыжнаго камня. Въ полуверстѣ разстоянія на западъ отъ церкви лежитъ мѣсто сожиганія труповъ во время язычества. Могилы обозначены кучею довольно крупнаго булыжника. Между камнями червоземъ, древесные угли и разныя металлическія вещи, наконечники пикъ, огнива, ножи и проч. Подобныя мѣста погребенія находятся при всѣхъ значительныхъ деревняхъ. Настоящее приходское кладбище устроено въ 1873 году, около мѣстности сожиганія труповъ, на землѣ причта, отведенной изъ казеннаго имѣнія Цила. Кладбище огорожено заборомъ изъ булыжнаго камня, высотой 5 футовъ, на пространствѣ $\frac{1}{2}$ десятины.

Въ предѣлахъ прихода, въ 8 верстахъ отъ церкви, находится Кармельская лютеранская кирка, построенная въ 1407 году. Въ двухъ верстахъ отъ кирки находятся развалины женскаго католическаго монастыря кармелитокъ, въ мызномъ саду Кармельгофъ. Монастырскій домъ превращенъ въ жилище владѣльца фонъ Гюльденштуббе. Памятники старины, какъ-то иконы и статуи изъ церкви, но рассказамъ старожиловъ, отправлены въ г. Юрьевъ.

На окраинахъ прихода находятся два городища Кармель въ 8 верстахъ и Пурца въ 14 верстахъ отъ церкви. Эсты называютъ эти городища Малипадъ, т.-е. сельскій городъ; но объ ихъ построеніи мѣстные жители ничего не знаютъ.

Лайзбергскій приходъ.

Историческихъ памятниковъ нѣтъ въ Лайзбергскомъ приходѣ; только вблизи Соэло на мысѣ Памерортъ сохраняются до сего времени остатки какъ бы древняго укрѣпленія, не представляющіе, впрочемъ, ничего замѣчательнаго въ археологическомъ отношеніи; да и раскопокъ тамъ никакихъ не произведено. Близъ мызы Метсколь находится древнее небольшое кладбище, которое въ настоящее время обращено въ мызное поле. Въ народѣ это мѣсто называется *Kabeli aid* (кладбище капеллы), названное такъ потому, что тамъ находился почти что сто лѣтъ тому назадъ молитвенный домъ для отдаленныхъ отъ кирки лютеранъ. Кургановъ или пещеръ въ предѣлахъ прихода также не имѣется. По мѣстамъ около погоста находятся засыпанные колодцы и остатки печей, что даетъ поводъ предполагать о существованіи въ отдаленныя времена въ этой мѣстности большой деревни, обращенной позднѣе въ мызу Лайзбергъ.

Моонскій приходъ.

Въ археологическомъ отношеніи на Моонѣ имѣлась достопримѣчательность — остатки древней эстонской крѣпости въ деревнѣ Линнусть, близъ Малаго Зунда. Объ этой крѣпости упоминается въ хроникѣ Генриха Латыша, гдѣ говорится, что въ 1227 году Нѣмцы, проходя чрезъ Моонъ на Эзель для покоренія послѣдняго, окружили Моонскую крѣпость и послѣ шестидневной осады взяли ее приступомъ, разрушили и сожгли ее. Эта крѣпость представляла собою въ послѣднее время высокую кольцеобразную насыпь около 4 саж. вышиной, въ 3 сажени толщиной и приблизительно 100 саж. въ поперечникѣ; среди этой насыпи находился глубокій колодезь съ хорошею прѣсною водою. О томъ, въ какомъ видѣ она была въ древности — никому не извѣстно. Этотъ памятникъ былыхъ временъ стоялъ въ цѣлости до 1895 года, когда для постройки дамбы между Моономъ и Эзелемъ понадобился камень. Хотя этого матеріала на Моонѣ всюду достаточно, но, чтобы облегчить подрядчику доставку камня къ постройкѣ, господинъ губернаторъ разрѣшилъ брать его изъ крѣпости, находящейся вблизи самой постройки; крѣпость эту поэтому разрушили. Разрушеніе крѣпости производилось безъ соблюденія правилъ, которыхъ придерживаются обыкновенно при раскопкахъ остатковъ старины, что не могло не отозваться на весь ходъ дѣла. При самомъ началѣ работъ найдено много древнихъ серебряныхъ вещей (серьги, кольца, запястья и деньги), которыя по требованію Имп. Моск. Археол. Общества были отправлены въ Рижскій Музей, но потомъ о находкахъ не стало слышно: вѣроятно крестьяне поняли цѣну этихъ находокъ и стали скрывать ихъ.

Гелламскій приходъ.

Моонъ принадлежитъ къ группѣ острововъ, лежащей въ Балтійскомъ морѣ на западъ отъ Эстляндской губерніи и въ древности извѣстной подъ общимъ названіемъ „Эзель“ (Озалия), каковое въ настоящее время присвоено наибольшему изъ этихъ острововъ. Слово Эзель составилось изъ двухъ исландскихъ словъ: Ey (островъ, и Syssel (округъ) и значитъ округъ острововъ. Полагаютъ, что острова Эзель и Моонъ были заселены финскимъ народцемъ — Курами, отсюда эстское названіе Эзеля — Куросааръ, т.-е. островъ Куровъ. Куры проникли на эти острова изъ Курляндіи, отъ которой Домеспесъ до Эзеля — полуострова Сворбе всего только 5 миль. Однако жители острова Моопа, какъ ближайшіе къ матеріку (отъ Моона до ближайшаго пункта эстляндскаго берега 8 верстъ), не остались чужды вліянію Эстовъ, населившихъ Эстляндію, этимъ объясняютъ вѣроятно и особенности въ одеждѣ и обычаяхъ, отличающія Моонцевъ отъ Эзельцевъ. Жители этихъ острововъ, извѣстные въ исторіи подъ общимъ названіемъ „Озиліевъ“, отличались необычайною храбростію и предпріимчивостію и занимались преимущественно морскимъ промысломъ и разбоями, предоставляя воздѣлываніе земли и уходъ за домашними животными женщинамъ; послѣдняя особенность сохранилась и по настоящее время. Обладая значительнымъ числомъ судовъ, храбрые Озиліи совершали разбойничьи набѣги на сосѣднія страны и захватывали купеческіе корабли. Попытки сосѣднихъ народовъ, Шведовъ и Датчанъ, положить конецъ разбоямъ этихъ опасныхъ пиратовъ, захватить ихъ земли и обратить въ христіанство „гордыхъ язычниковъ“, какъ ихъ называетъ лѣтописецъ, не увѣнчались успѣхомъ. Предпріимчивые Озиліи въ своихъ сухопутныхъ набѣгахъ доходили и до русской земли, и псковскій лѣтописецъ рассказываетъ объ ихъ появленіи въ 1060 г. по Р. Х. подъ г. Юрьевымъ (Дерптомъ) и даже подъ Псковомъ. Страсть къ опасному морскому промыслу сохранилась у островитянъ и до сихъ поръ и между этими встрѣчаются и въ настоящее время весьма отважные и трудно уловимые контрабандисты. Озиліи, какъ сказано, были язычники; главный ихъ богъ, богъ грома и войны, назывался Торъ или Юмалъ, послѣднее наименованіе бога сохранилось и по принятіи ими христіанства; они приносили своимъ богамъ жертвы, въ томъ числѣ и человѣческія. По утверженіи нѣмецкими выходцами христіанства въ Ливоніи рыцари пытались обратить въ христіанство и Озиліевъ, но долгое время всѣ ихъ усилія оставались безплодны; напротивъ островитяне сами нападали нерѣдко на ненавистныхъ пришельцевъ и даже ходили на глав-

ное укрѣпленіе ихъ — Ригу. Въ 1216 году Озилія собирались воевать противъ нѣмецкихъ пришельцевъ въ союзѣ съ Эстами и Полоцкимъ княземъ Владиміромъ, въ 1217 г. они съ Эстами въ союзѣ съ Новгородцами и Псковичами взяли крѣпость Оденпъ. Много лѣтъ Озилія вели усиленную борьбу не только съ ливонскими Нѣмцами, но и Шведами и Датчанами. Наконецъ въ январѣ 1227 года былъ устроенъ цѣлый крестовый походъ на Озиліевъ, въ которомъ участвовало около 20.000 войска, въ томъ числѣ, кромѣ покоренныхъ уже Эстовъ, Ливовъ и Летовъ, много рыцарей и нѣмецкихъ полонниковъ. Въ 3 верстахъ южнѣ Вердера это громадное войско по льду проникло въ Малый Зундъ, отдѣляющій Эзель отъ Моона, и остановилось у Моонскаго укрѣпленія Озиліевъ, развалины котораго сохранились еще и понынѣ. Послѣ трехдневной осады укрѣпленіе было взято и всѣ его защитники числомъ 2500 были перебиты. Послѣ этого войско, опустошивъ островъ, двинулось на о. Эзель. Видя безуспѣшность сопротивленія, Эзельцы приняли христіанство и подчинились господству пришельцевъ. Покоренные острова были раздѣлены между рижскимъ архіепископомъ, орденомъ и городомъ Ригю, при чемъ Моонъ достался ордену. Въ 1235 году группа острововъ вмѣстѣ съ Викскою областью вошла въ составъ особаго епископства, называвшагося сперва Леальскимъ, потомъ Перновскимъ, а съ 1260 года Эзельскимъ. Подчиненіе островитянъ Нѣмцамъ и принятіе ими христіанства были вынужденны, и при первой возможности островитяне возстали противъ завоевателей. Особенно замѣчательнъ рядъ возстаній въ теченіе 20 лѣтъ съ 1241 по 1261 годъ. Островитяне убивали нѣмецкихъ священниковъ, разрушали христіанскіе храмы и уничтожали все созданное пришельцами, принося ихъ самихъ въ жертву своему богу войны — Тору. Въ свою очередь рыцари, опустошивъ острова, избивали туземцевъ и сооружали замки для того, чтобы держать страну въ покорности. Эта ожесточенная борьба туземцевъ противъ завоевателей продолжалась свыше ста лѣтъ и заключилась громаднымъ возстаніемъ въ 1343 году. 24 іюля этого года на островахъ произошла такъ называемая сицилійская вечерня. Всѣ нѣмецкіе священники и монахи были частію избиты, частію принесены въ жертву Тору; церкви, капеллы и монастыри разрушены. Въ заключеніе Эзельцы и Моонцы подъ предводительствомъ своего „короля“ взяли замокъ Пейде и избили фохта, рыцарей и всѣхъ орденскихъ людей, а сами укрѣпились на горѣ въ Каррисѣ, окруженной болотами. 17 февраля 1344 года орденскія войска, подкрѣпленные прусскимъ отрядомъ, взяли это укрѣпленіе и избили 9000 Эзельцевъ и Моонцевъ, а ихъ короля повѣсили. Воспоминаніе объ этой кровавой расправѣ живетъ и по настоящее время въ народной памяти. По народнымъ сказаніямъ, избіеніе туземцевъ не ограничилось Эзелемъ; на Моонѣ, близъ нынѣшняго казеннаго имѣнія Гроссенгофъ, были собраны всѣ взрослые жители острова и каждому десятому изъ нихъ была отрублена голова. Въ память объ этомъ кровавомъ избіеніи, жители этой мѣстности носятъ воротники, украшенные красною полоскою между синими кантами. На выгонѣ близъ гроссенгофскаго лѣса находится въ настоящее время глубоко вросшій въ землю вырубленный изъ камня крестъ. Находится ли онъ въ связи съ этимъ избіеніемъ — неизвѣстно. Несмотря на такое жестокое наказаніе, островитяне возстали снова въ слѣдующемъ 1345 году, но были усмирены, сложили оружіе и разрушили свое укрѣпленіе, а впоследствии

должны были возстановить всѣ разрушенныя церкви и монастыри. Этимъ закончились попытки островитянъ свергнуть иго пришлыхъ Нѣмцевъ. Принятое по принужденію христіанство однако не пустило глубокихъ корней въ туземномъ населеніи тѣмъ болѣе, что покорители края, не исключая духовенства, заботились болѣе объ обезпеченіи себя въ матеріальномъ отношеніи, чѣмъ народной о массѣ. Даже нѣмецкіе историки, которыхъ нельзя заподозрить въ желаніи очернить нѣмецкихъ завоевателей, удостовѣряютъ, что католическое духовенство того времени отличалось невѣжествомъ, грубостью и безнравственностью и не могло имѣть добраго вліянія на свои приходы. Къ тому же многіе изъ пасторовъ не владѣли мѣстнымъ языкомъ. Вслѣдствіе этого туземная масса косилась попрежнему въ языческихъ вѣрованіяхъ. Болѣе того, корыстное отношеніе пришельцовъ къ туземному населенію, вооружило его противъ нихъ вообще и противъ христіанства въ частности. Въ орденской части Эзельскаго епископства, къ которой принадлежалъ островъ Моонъ, положеніе дѣлъ въ этомъ отношеніи было еще хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Не мудрено, что, когда въ первой половинѣ XVI столѣтія проникло и въ Прибалтійскій край реформаціонное движеніе, народная масса относилась къ нему совершенно безучастно, быть можетъ даже не видала того, что происходитъ. Лютеранство, по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ продолжало быть столь же чуждо населенію, какъ и католичество. Высшее духовенство было мало чѣмъ лучше низшаго и, какъ говоритъ одинъ нѣмецкій историкъ: „въ своихъ духовныхъ овцахъ больше всего любило шерсть“. Самымъ характернымъ представителемъ прелатовъ подобнаго тина былъ послѣдній эзельскій епископъ Мюнхаузенъ, который болѣе занимался хлѣбною торговлею, чѣмъ дѣлами своего государства и церкви, и въ концѣ концовъ, предвидя паденіе самостоятельныхъ ливонскихъ епископствъ и ордена, тайно продалъ свое епископство датскому королю Фридриху II за 30.000 марокъ и самъ удалился въ Вестфалію и женился.

Весьма понятно, что при такихъ правителяхъ и такомъ духовенствѣ обездоленная народная масса съ ненавистью смотрѣла на своихъ утѣснителей, а въ высшихъ слояхъ воцарилась страшная распущенность и безнравственность. Если эти слои, какъ говоритъ князь Курбскій, „совершенно забыли Бога, христіанскую вѣру и добрыя нравы“, то можно себѣ представить, въ какомъ положеніи находилась народная масса, лишь наружно примкнувшая къ христіанству. При такихъ обстоятельствахъ епископства и орденъ потерпѣли совершеннѣйшее крушеніе при первыхъ столкновеніяхъ съ Москвою и прочими сосѣдними государствами, стремившимися къ господству на Балтійскомъ морѣ. Послѣ крушенія ливонской самостоятельности, когда ливонскія земли были поделены между царемъ, двумя королями и двумя герцогами, Эзель находился до 1645 г. подъ владычествомъ Датчанъ, а орденская часть, принадлежавшая къ замку Зонненбургъ, въ томъ числѣ и о. Моонъ, служили долгое время яблокомъ раздора между разными государствами, особенно же Данією и Швецією, при чемъ и Польша заявляла о своихъ правахъ на эти земли, какъ на бывшія орденскія. Въ 1564 году замокъ Зонненбургъ вмѣстѣ съ принадлежащими къ нему орденскими землями былъ проданъ его фохтомъ Датчанамъ. Въ 1568 году эту область заняли Шведы, а въ 1570 году она снова отошла къ Даніи; въ 1575 г. Зонненбургъ и о. Моонъ опять заняли Шведы, но вскорѣ

очистили его. Въ 1576 г. русскій отрядъ прошелъ Моонъ и Эзель, производя на пути опустошенія. Въ началѣ XVII столѣтія о. Моонъ подвергался неоднократному нападенію Шведовъ. Наконецъ въ 1645 г. Эзель и прочіе острова перешли окончательно къ Шведамъ и оставались подъ ихъ господствомъ до конца знаменитой Сѣверной войны. Въ 1710 г. островъ подвергся опустошенію русскаго отряда, состоявшаго изъ казаковъ, память о чемъ сохранилась въ народѣ и по настоящее время. Въ томъ же году на острова проникла чума, свирѣпствовавшая съ такою силою, что жертвою ея стало болѣе $\frac{9}{10}$ населенія. Въ народѣ говорятъ, что въ то время вымерло почти все населеніе острова Моона, кромѣ одной женщины и мужчины, отъ которыхъ будто бы произошло настоящее населеніе. Въ 1710 г. русскія войска заняли острова, а въ 1721 г. по Ништадскому миру они вошли окончательно въ составъ Россійской имперіи. Съ тѣхъ поръ подъ скипетромъ русскіихъ государей край этотъ пользовался непрерывнымъ миромъ и благоденствіемъ. Положеніе церкви нѣсколько улучшилось во времена датскаго и шведскаго господства, однако язвы не совсѣмъ зажили. Прежнее отчужденіе пасомыхъ отъ пастырей сохранилось, и религіозная жажда народной массы далеко не была удовлетворена.

Первыя присоединенія къ православію на о. Моонъ были совершены въ февралѣ мѣсяцѣ 1847 г. на Куйвастскомъ кордонѣ, куда по приглашенію священниковъ записывавшіеся собирались для св. миропомазанія. Гелламскій же приходъ сформировался и открытъ съ 1860 г.

Документовъ и вещей важныхъ, какъ по древности, такъ и по существу своему въ мѣстной церкви не имѣется, если не включить въ число важныхъ документовъ и древнихъ вещей передаточный актъ и планъ на прежній надѣлъ земли съ помѣщеніями подъ церковь, причтовые дома и кладбище, и копія съ передаточнаго акта на новый надѣлъ земли, изъ коихъ первые выданы причту въ 1852 г., а второй въ 1870 году, а также метрическія, исповѣдныя, клировыя, приходорасходныя и обыскныя книги, которыя ведутся съ 1850 года, т.-е. съ основанія Гелламскаго прихода. Къ числу древнихъ вещей можно отнести оловянную чашу со своими принадлежностями и сіонъ. Вотъ все, что можно сказать о церкви въ археологическомъ отношеніи, но кромѣ указанныхъ свѣдѣній церковнаго характера не лишне сказать о древностяхъ политико-бытоваго характера. Площадь Гелламскаго прихода можно назвать безъ преувеличенія кладбищемъ, такъ какъ вездѣ при раскопкахъ находятъ множество костей человѣческихъ и разныя древнія вещи. Кости были найдены такія крупныя что заставляютъ думать, что въ древности жители о. Моона были великаны, здоровые и крѣпкіе. Изъ вещей найденны были: деревянное копьѣ съ желѣзною оконечностію, съ придѣланнымъ къ ней желѣзнымъ топорикомъ, каменный топоръ, монеты, кольца мѣдныя и мѣдныя пряжки отъ сбруи, запястья серебряныя, ожерелье изъ серебряныхъ монетъ, желѣзныя стрѣлы. Всѣ эти вещи собраны лютеранскими кистерами Фрейпдихомъ и Вяренгофомъ и препровождены въ г. Аренсбургъ, гдѣ хранятся въ Музеѣ.

Митавскій храмъ.

Священ. Александра Казанскаго.

Первый православный храмъ въ Митавѣ устроенъ былъ вскорѣ послѣ 1710 г., по волѣ и рѣшительному настоянію императора Петра I. Въ видахъ политическихъ, съ цѣлью упроченія русскаго вліянія въ Курляндіи, заключенъ былъ, съ согласія Петра I, брачный союзъ племянницы царской — Анны Іоанновны съ курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ Вядгельмомъ. Въ число условій этого брачнаго союза включено было, между прочимъ, и то, чтобы Анна Іоанновна, по выходѣ замужъ, имѣла право „купно со своими домовыми служителями свою божественную службу греческія вѣры свободно и безъ помѣшательства отправлять“. Несмотря на то, что супругъ Анны Іоанновны, вскорѣ послѣ брачнаго союза, скончался на пути изъ Москвы въ Митаву“, Петръ I, не взирая на желаніе молодой овдовѣвшей племянницы остаться въ предѣлахъ Россіи, настоялъ, чтобы она непременно отправилась на жительство въ Курляндію. Для молодой Курляндской герцогини и приближенныхъ къ ней лицъ православнаго исповѣданія устроенъ былъ въ г. Митавѣ во дворцѣ православный храмъ, который вслѣдствіе сего и назывался то церковью дворцовой или придворной, то (съ восшествіемъ на престолъ Анны Іоанновны), церковью „дома Ея Императорскаго Величества“. Псковскій протоіерей (бывшій ранѣе въ Митавѣ) М. Купинскій въ письмѣ своемъ къ Митавскому протоіерею М. Розанову, отъ 3 января 1858 г., говоритъ во-1-хъ, что эта придворная церковь была устроена въ 1710 г., и во-2-хъ, что она освящена была во имя Преображенія Господня. Второе сообщеніе протоіерея Купинскаго о наименованіи церкви Преображенскою, за отсутствіемъ другихъ указаній въ церковныхъ записяхъ, должно быть принято на вѣру. Что же касается перваго сообщенія, то едва ли оно можетъ быть сочтено за достаточно обоснованное. Протоіерей Купинскій свое сообщеніе основываетъ на „копіи съ указа коллегіи иностранныхъ дѣлъ объ оставленіи престарѣлаго пѣвчаго Ѳ. Космыцкаго при Митавской церкви на пенсію“, отъ 28 октября 1764 года, въ каковой копіи, по его словамъ, якобы „упомянуто, что Космыцкій обрѣтается въ Митавѣ съ 1710 года“. Между тѣмъ, въ упомянутой „копіи“, имѣющейся въ архивѣ Митавской церкви, говорится о Космыцкомъ, что онъ находится при Митавской церкви съ 1714 года. Такимъ образомъ одно можно считать несомнѣннымъ, что къ 1714 году церковь была устроена и освящена.

Императоръ I, устроивъ церковь въ Митавѣ позаботился о снабженіи ея необходимыми принадлежностями. Онъ самъ составилъ роспись богослужебнымъ книгамъ, которыя надлежало отправить въ Митавскую придворную церковь. „Роспись, что надобно послать съ Москвы печатныхъ книгъ съ печатнаго двора: Уставъ, двѣнадцать Миней мѣсячныхъ, да четьихъ житія святыхъ годъ, два Пролога московской печати, Обѣдъ и Вечера духовные, Торжественникъ, книга Ефрема Сирина, книга Кормчая, книга Исповѣданье вѣры, Бесѣды апостольскія, Маргаритъ, Соборникъ, Библия да крестовой же службѣ мелкой печати Служебникъ, Требникъ малой, Новый Завѣтъ, Минея общая со службами святыхъ, Псалтырь съ вослѣдованіемъ, Шестодневъ, Псалтырь учебная, Часословецъ малой, Трїодъ постная, Трїодъ цвѣтная, Ирмологій постный Кіевскій полный¹⁾).

Въ Московскомъ Архивѣ Министерства Юстиціи сохраняется письмо канцлера Головина къ начальнику монастырскаго приказа въ Москвѣ графу И. А. Мусину-Пушкину, въ которомъ графъ Мусинъ-Пушкинъ увѣдомляется, что „Великій государь указалъ послать нынѣ съ царевной Анной Іоанновной въ Курляндію богослужебныя книги“, и что „того ради изволь ваша свѣтлость тѣ книги изъ Спасовой или Воскресенской ризницы взять, а чего противъ сей росписи тамо не сыщется, то изволь дополнить съ печатнаго двора и отправить сюда немедленно“²⁾).

Съ вступленіемъ Анны Іоанновны на всероссійскій престолъ, надобность въ дворцовой Митавской церкви, въ виду существованія въ Митавѣ другого православнаго храма сама собою прекратилась. Правда, храмъ этотъ продолжалъ существовать во дворцѣ нѣкоторое время и по удаленіи Анны Іоанновны изъ Курляндіи, но это продолжалось не долго. Когда Биронъ пачалъ постройку новаго замка, то въ этотъ замокъ, согласно вышеупомянутому письму протоіерея Купинскаго, перенесена около 1738 г. Преображенская церковь и здѣсь устроена была на фронтальной сторонѣ, по всей вѣроятности, въ верхнемъ этажѣ, такъ какъ въ документѣ о передачѣ камергеромъ Бутляромъ Симеоно-Аннинской церкви священнику Аѳанасьеву отъ 2 января 1750 г. она названа церковью „*верховою*“.

Что придворная церковь находилась сначала во дворцѣ, а потомъ перенесена была въ замокъ, намеки на то есть и въ записяхъ церковныхъ. Въ 1750 году священникъ Аѳанасьевъ, между прочимъ, сообщаетъ рижскому протопресвитеру Н. Ростовецкому, что пѣвчій Симеоно-Аннинской церкви Тихонъ Космыцкій онредѣленъ къ этой церкви „отъ бывшей здѣсь при дворѣ Ея Императорскаго Величества церкви въ 735 году“. Отсюда можно заключать, что дворцовой церкви, бывшей сначала вблизи Симеоно-Аннинскаго храма, въ 1750 году уже не было на прежнемъ мѣстѣ. А въ вѣдомости о священно-церковно-служителяхъ Митавской Симеоно-Аннинской церкви, помѣченной 22 іюня 1766 г., буквально говорится слѣдующее: „да при оной же Симеоновской церкви имѣется престарѣлый пѣвчій Тихонъ Кирилловъ Космыцкій, 75 лѣтъ, вдовъ, бывший здавна при придворной церкви въ бытность въ Курляндіи герцогини вѣяно

¹⁾ „Дерк. Вѣд.“ 1893 г., № 2.

²⁾ Опис. док. и бум. хранящ. въ Моск. арх. Мин. Юстиціи, кн. 8, стр. 169.

достойныя памяти Ея Императорскаго Величества государыни Анны Иоанновны, а по отбытіи Ея Императорскаго Величества изъ Курляндіи на всероссійскій престолъ, опредѣленъ онъ Космыцкій къ нынѣшней Симеоновской церкви, для отправленія причетнической должности“. Эта замѣтка, въ связи съ только что приведеннымъ сообщеніемъ священника Аванасьева, даетъ основаніе заключать, что съ отбытіемъ Анны Иоанновны изъ Курляндіи, причтъ придворной церкви, за прекращеніемъ въ ней постоянного богослуженія, перечисленъ былъ къ Сimeoно-Аннинской церкви.

Дворцовая церковь устроена была для Анны Иоанновны и ея „домовыхъ служителей“. Между тѣмъ въ Митавѣ и ея окрестностяхъ не мало было православныхъ людей, приходившихъ сюда по дѣламъ торговымъ, ради заработка. Въ записяхъ церковныхъ за 1750 годъ количество православныхъ людей въ Митавѣ и ея окрестностяхъ опредѣляется въ 275 чел. Изъ нихъ духовныхъ съ ихъ семействами было 8 человекъ и „штатскихъ и приказныхъ“ съ ихъ семействами 22 человекъ. Какихъ званій были остальные 227 человекъ, въ записяхъ не указано. Тѣже записи отмѣчаютъ за 1750 годъ и число рожденій смертныхъ случаевъ и браковъ. Хотя число православныхъ людей за предшествовавшіе годы въ записяхъ церковныхъ и не отмѣчено, тѣмъ не менѣе можно полагать, что число ихъ, хотя и меньшее по сравненію съ 1750 г., было все же значительно. Ради удовлетворенія религіозныхъ нуждъ этихъ русскихъ людей, для коихъ закрытъ былъ, конечно, входъ въ придворную церковь, и устроенъ былъ въ Митавѣ въ 1726 г. за дворцомъ другой храмъ — деревянный, въ честь свв. Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы¹⁾. Такъ какъ день тезоименитства Анны Иоанновны былъ 3 февраля, то этимъ вѣроятно, объясняется, почему этотъ деревянный храмъ освященъ былъ въ честь Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы. Такимъ образомъ къ концу пребыванія въ Курляндіи герцогини Анны Иоанновны, въ Митавѣ было уже два православныхъ храма. Если придворный храмъ былъ, какъ передаютъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь мужская гимназія, то Сimeoно-Аннинская церковь, какъ находившаяся вблизи перваго, выстроена была, вѣроятно, на томъ мѣстѣ, гдѣ стоитъ нынѣ православный соборъ.

Сimeoно-Аннинскій храмъ былъ небольшихъ размѣровъ и притомъ, нужно полагать, однопрестольный, ибо въ „реестрѣ церковнойе утвари“, отъ 2 января 1750 г., значится одинъ только „новый на полотнѣ аптиминсъ“. Престолъ былъ „подвижной“, какъ это значится въ сообщеніи рижскаго священника Іоанна Теодорова, отъ 28 октября 1750 г., гдѣ говорится, по случаю постройки въ Митавѣ новой церкви, взамѣнъ деревянной: „нынѣ въ новопостроенную (за сломаніемъ прежней обветшалой въ Митавѣ) церковь, прежней церкви иконостасъ и подвижный святыи престолъ со аптиминсомъ изъ дворцовой Ея Императорскаго Величества церкви за крайнею обстоющею нуждою перенести и поставить въ той церкви по надлежащему и потомъ тою церковь освятить по церковному чиноположенію отъ его преосвященства благословлено“.

Въ записяхъ церковныхъ до 1750 г. вездѣ упоминается объ однокомплектномъ причтѣ. Члены причта назначались первоначально къ дворцовой церкви, вслѣдствіе

¹⁾ См. „Кое-что изъ прежнихъ занятій“ еп. Павла, стр. 68, подстр. примѣч.

чего всѣ бумаги адресовались на имя „обрѣтающагося при придворной церкви священника“...

Въ придворной церкви, какъ главной, регулярно совершались и богослуженія. А въ Симеоно-Аннинскомъ храмѣ богослуженія отправлялись, вѣроятно, придворнымъ причтомъ лишь по временамъ, по мѣрѣ надобности. Съ отбытіемъ же изъ Курляндіи Анны Іоанновны, порядокъ этотъ измѣнился. Теперь главнымъ храмомъ сталъ Симеопо-Аннинскій, и къ нему перечисленъ былъ отъ дворцовой церкви причтъ ея; но Симеоно-Аннинскій храмъ и теперь, какъ и раньше, продолжалъ состоять „на коштѣ Ея Императорскаго Величества“. Штатъ причта состоялъ изъ священника и двоихъ пѣвчихъ.

До 1750 г. Митавская церковь, по дѣламъ чисто церковнаго характера, зависѣла непосредственно отъ Св. Синода, вслѣдствіе чего по дѣламъ этого рода священники Митавскіе обращались непосредственно въ Св. Синодъ, и съ своей стороны Св. Синодъ адресовалъ свои бумаги непосредственно на имя обрѣтающагося при придворной церкви священника. Такъ между прочимъ, въ Митавской церкви имѣется указъ Св. Синода, отъ 15 іюня 1736 года, за № 1105, на имя „обрѣтающагося въ Митавѣ при придворной церкви Ея Императорскаго Величества церкви священника Петра Борисова“, о совершеніи молебствія со звономъ по случаю полученія донесенія „отъ генераль-фельдмаршала и кавалера графа фонъ Миниха“ о приходѣ въ Крымъ арміи Ея Императорскаго Величества и о взятіи Перекопской линіи.

Приведенныя свѣдѣнія о Митавской церкви и причтѣ ея до 1750 года, главнымъ образомъ заимствованы, какъ уже неоднократно указывалось, изъ „всенекорнѣйшаго рапорта священника Аѳанасьева протопресвитеру Ростовецкому о Митавской Симеоно-Аннинской церкви, отъ 5 августа 1750 г. и изъ „реестра“ церковнымъ вещамъ, отъ 2 января 1750 г., подписаннаго Бутляромъ. Въ этихъ документахъ находится не мало и другихъ драгоцѣнныхъ для исторіи Митавскаго храма свѣдѣній.

Въ 1750 г. произошли два существенно важныхъ для Митавской церкви событія. Въ этомъ году, прежде всего, Митавская церковь, доселѣ непосредственно зависѣвшая по дѣламъ чисто церковнымъ отъ Св. Синода, перешла въ вѣдѣніе Псковской епархіи.

Другимъ важнымъ для Митавской церкви событіемъ 1750 года было начало постройки фахверковаго храма, вмѣсто деревяннаго, построеннаго въ 1726 году. Такъ какъ этотъ послѣдній, какъ пришедшій въ крайнюю ветхость, былъ въ 1750 году разобранъ, то для совершенія богослуженій назначена была, по всей вѣроятности, прежняя придворная церковь, помѣщавшаяся въ замкѣ, въ которой богослуженіе и совершалось до половины 1754 года. Со второй же приблизительно половины этого года совершеніе богослуженія въ замковой церкви прекратилось, какъ и доносилъ о семъ въ Псковскую духовную консисторію священникъ Ѳ. Аѳанасьевъ въ своей обстоятельной вѣдомости, отъ 27 января 1755 года: „состоитъ въ Митавѣ новопостроенная церковь свв. и праведныхъ Симеона Богопріимца и Анны Пророчицы, безъ придѣла, у ней служенія не имѣется, лишены, за непосвященіемъ престола новаго уже полгода, на которое посвященіе повелѣно указомъ отъ Св. Правительствующаго Синода ожидать резолюціи“. Фахверковая церковь построена была на мѣстѣ прежняго деревяннаго

храма. Объ этомъ свидѣтельствуесть слѣдующее. Въ 1779 году 17 іюня, когда была почти окончена постройка новаго каменнаго храма, священникъ І. Пареніевъ доносилъ совѣтнику посольства И. И. Вельдерману, что въ старой (т.-е. фахверковой) церкви „далѣе божественную службу отправлять невозможно, во время дождливое, понеже бывшимъ въ минувшемъ апрѣлѣ сильнымъ вѣтромъ съ притвора и церкви не одно сто черепицъ сорвало, почему и умножилась теча по всей церкви. Оною же черепицею въ новой церкви нѣсколько звень въ окнахъ разбило и послѣ разбиваетъ“. Отсюда видно, что каменная церковь была построена рядомъ съ фахверковою. А такъ какъ каменный Симеоно-Аннинскій храмъ былъ выстроенъ на углу выпѣшнихъ Дворцовой и Аннинской улицъ, то здѣсь же, слѣдовательно, была устроена и фахверковая церковь.

Въ фахверковой церкви предполагалось первоначально поставить иконостасъ и св. престоль съ антимиасомъ изъ прежняго деревяннаго храма. Объ этомъ говоритъ вышеприведенный нами отрывокъ изъ сообщенія священника рижской церкви Живоначальнаго Источника, отъ 28 октября 1750 года, въ которомъ кромѣ того, сообщались и другія распоряженія епархіальной власти, а именно: при освященіи церкви „яко знатной церемоніи“, повелѣно отъ Псковскаго преосвященнаго „быть и діакону. И велѣно отправить Благовѣщенскаго, что на русскомъ языкѣ, діакона Дм. Пахомова, которому для проѣзду и обратно оттуда повелѣно пристойную подводу на твоёмъ (т.-е. свящ. Θ. Аванасьевѣ) коштѣ неуклонительно отправиться“. Но оказалось, что и престоль и иконостасъ прежней церкви были ветхи и малы для новой церкви. Объ этомъ обстоятельствѣ, равно и о другихъ неотложныхъ нуждахъ и о церкви, Митавскій священникъ Θ. Аванасьевъ счелъ долгомъ довести до свѣдѣнія Псковскаго архіепископа Симеона и камергера Бутлера.

Въ 1774 г., „по именному блаженныя памяти Государыни Императрицы Екатерины II-й указу“ и „изъ щедротъ Ея Императорскаго Величества“, начата была постройка новой каменной церкви, рядомъ съ фахверковою. На металлической доскѣ, положенной въ основаніе новой церкви (и найденной при разломкѣ церкви 1890 г.), сдѣлана была слѣдующая русская надпись: „во время благополучнаго царствованія побѣдоносной Государыни Императрицы и Самодержицы Всероссійской Екатерины II-й заложено сіе зданіе лѣта Христова 1774 іюня 23 числа“. Ниже русской надписи на той же доскѣ изображено по латыни: „Invictissimae et Magnae Imperatricis et Autocratissae omnium Russorum Catharinae Sekundae filicissimo sub regimine lapis hic primarius positus est anno Domini M'D'C'C'L, XXIV die 23 juni“. Новая церковь „однопрестольная, безиридѣльная“, съ накатнымъ деревяннымъ потолкомъ, изнутри церкви „отщекатуреннымъ известію съ гипсомъ“, была „покрыта листами желѣзными“. Входныя двери были сдѣланы только одни съ западной стороны и „притворъ церковный почти никакого отъ церкви не имѣлъ отдѣленія“. Надъ притворомъ церкви построена была колокольня каменная въ одинъ ярусъ; колокольня увѣнчивалась главою деревянною, обитою жестью и выкрашеною краскою. Таковая же глава возвышалась и надъ церковію. „Все зданіе церкви со стѣнами имѣло въ длину $12\frac{1}{2}$, въ ширину 6 и въ высоту 3 саж. 6 фут.“.

При основаніи церкви, а именно въ 1775 г. стараніемъ и иждивеніями графини

Екатерины Петровны Тиль, урожденной Бестужевой-Рюминой, устроены были на колокольнѣ часы съ боемъ, при чемъ она тогда же положила въ казну 400 альбертовскихъ талера, съ тѣмъ, чтобы проценты съ этихъ денегъ употреблялись на поддержаніе этихъ часовъ. Тою же графинею Тиль подаренъ былъ одинъ колоколь. Всъ его неизвѣстенъ. Вокругъ этого колокола, по срединѣ его шла полоса, имѣвшая видъ пояса и украшенная вылитыми св. изображеніями. Надъ этою полосою, вокругъ колокола, шелъ другой поясъ, украшенный изображеніями ангеловъ съ распростертыми крыльями. Между верхнимъ и среднимъ поясами помѣщена была надпись: „Deo sit gloria in excelsis, pax in terra hominibus usque salus“. Ниже этой надписи на одной сторонѣ имѣлись слѣдующіе шестистопные неправильные стихи:

Es ist ja zu beklagen, dass unsere Stifterin todt¹⁾
Dies war Ihre gräf. Excellenz Catharina v. Besstuscöff.
Die mich nebst dieser Uhr und durch ihr eigens Geld,
Dem wahren Gott zur Ehr an diesen Ort gestellt.
Nun schwebe ich neu all hier:
Gott schenke ihr das ewige Leben.
In meiner Stimme muss auch ihr Gedächtnis schweben“.

На другой сторонѣ колокола вылить былъ гербъ, изображающій въ кругу одноголаваго орла и по сторонамъ двухъ человѣкъ нагихъ въ вѣнкахъ, съ булавами, стоящихъ по сторонамъ герба, вверху герба двухглавый орелъ, а подъ орломъ 9 крестиковъ, по три въ рядъ, и подъ гербомъ надпись: „Сей колоколь подарила Ея Сіятельство графиня Екатерина Петровна Рюмина-Бестужева. Въ Митавѣ 1775 года 29 іюля“. По низу вылита была надпись, обозначающая литейщика колокола: „Durch Gottes Hülfe goss — mich Ernst Friedrich Fechter in Mitau. Ich rufe die Lebenden zur Busse und Todten zur Ruhe“. Этотъ колоколь существовалъ до конца 80 годовъ тек. стол., когда онъ, какъ разбившійся, на основаніи указа Рижской духовной консисторіи, отъ 12 августа 1888 г., за № 4004, перелить былъ для вновь построенной въ 1889 году въ Митавѣ кладбищенской церкви во имя Успенія Божіей Матери, а фотографическій снимокъ съ него, въ двухъ экземплярахъ, отпраленъ былъ въ консисторію, для отсылки въ С.-Петербургскую Академію Художеств²⁾.

Иконостасъ для новой церкви взятъ былъ изъ прежней фахверковой. Онъ былъ деревянный, въ три яруса и прежде поставленія въ новую церковь былъ позолоченъ. Изъ расписки, подписанной Смоленскимъ мѣщаниномъ Алексѣемъ Ивановичемъ Романовскимъ, отъ 13 іюня 1783 года, видно, что имъ написаны были для иконостаса десять иконъ, за сто альбертовскихъ талеровъ.

„Царскія двери были вырѣзаны изъ дерева и вызолочены“. Престоль устроенъ былъ новый, а изъ старой церкви престоль указомъ духовной преосвященнаго Иннокентія,

1) При разборкѣ въ 1890 г. каменнаго храма найденъ былъ въ землѣ гробъ съ бронзовой плиткой, на которой славянскими буквами вырѣзано слѣдующее: „Ея Сіятельство Екатерина Петровна Бестужева-Рюмина. Род. 1695 г. іюня 1-го, престав. 1775 г. мая 22 дня по полуночи. Житія ей было всего 80 лѣтъ.

2) Глав. опис. Мит. Симеоно-Аннинской церкви, сост. въ 1879 г., глава XXI № 152.

архієпископа Псковскаго и Рижскаго, консисторіи, отъ 19 іюня 1780 года, повелѣно „по надлежащему разобрать и хранить въ благопристойномъ мѣстѣ“. „Священные антиминсы“ (гласить указъ духовной консисторіи, Высокопреосвящ. Иннокентія, отъ 4 сентября 1778 г.) „могутъ быть въ той церкви прежніе, ежели же потребуется и новый, то отпустить на атласѣ“.

Этотъ первый каменный храмъ, со времени его освященія, существовалъ 110 лѣтъ до 12 февраля 1890 г., при чемъ за это продолжительное время не разъ, конечно, производились разныя починки, исправленія и улучшенія сколько въ видахъ прочности и цѣлости храма, столько и ради благоустроенія его.

Въ 1856 году церковь изъ холодной обращена въ теплую.



Якобштадтскій приходъ.

Священ. Родіона Войта.

Якобштадтская Свято-Духовская церковь находится на лѣвомъ берегу Западной Двины въ городѣ Якобштадтѣ. Районъ прихода Свято-Духовской церкви занимаетъ всю восточную часть Фридрихштадтскаго уѣзда и граничитъ съ востока Илукстскимъ уѣздомъ, съ юга Александровскимъ уѣздомъ Ковенской губерніи, а съ сѣвера омывается на протяженіи 70 верстѣ водами Западной Двины.

Мѣстность занимаемая приходомъ Св.-Духовской церкви, считая отъ Якобштадта по направленію къ г. Фридрихштадту, очень гористая, а по направленію къ уѣздамъ Илукстскому и Александровскому довольно ровная.

Въ древности въ районѣ Свято-Духовскаго прихода находились многіе русскіе поселки; въ исторіи сохранились названія нѣкоторыхъ, какъ наиримѣрь: а) Зельбургская слобода близъ имѣнія Зельбургъ; б) Герсике на правомъ берегу Двины, близъ русскаго поселка Бродыжъ, въ имѣніи Штокмапсгофъ, и в) Русская слобода, — въ герцогскомъ имѣніи Гольмгофъ, близъ устья Двинскихъ пороговъ.

Русскій поселокъ въ имѣніи Гольмгофъ къ 1670 г. настолько увеличился, что герцогъ курляндскій Іаковъ нашелъ необходимымъ возвести его на степень города, который въ честь его и былъ названъ Якобштадтомъ. По герцогской фундаціонной грамотѣ отъ 15 февраля 1670 г. дано право проживать въ г. Якобштадтѣ людямъ только одной російской націи, и до царствованія Императрицы Екатерины II Якобштадтъ паселяли исключительно Русскіе люди.

Народонаселеніе въ древности составляли туземцы-Латыши и Бѣлоруссы, первые проживали въ селеніяхъ, а послѣдніе, въ г. Герсикѣ и русскихъ слободахъ.

Завоеваніе этого края Ливонскимъ орденомъ ввело въ составъ населенія Нѣмцевъ, а покровительство Польши Поляковъ и Евреевъ.

Въ настоящее время Латыши составляютъ главную массу населенія и занимаются преимущественно земледѣліемъ, а жители Двинскаго побережья занимаются и сплавомъ лѣса. Коренные Русскіе проживаютъ преимущественно въ городѣ Якобштадтѣ, частію и по берегу Двины, всѣ они занимаются лѣтомъ сплавомъ лѣса, а въ зимнее время ремеслами. Евреи проживаютъ исключительно въ городѣ и занимаются торговлею и ремеслами.

Коренные Русские — вѣроисповѣданія православнаго и частію раскольники Осе-сѣвскаго толка; всѣ они удержали русскую рѣчь, русскіе нравы и обычаи. Грамотность среди русскихъ людей мало развита, такъ какъ въ прежнее время не было русскихъ школъ.

Латыши вѣроисповѣданія частію православнаго, по преимущественно лютеранскаго, есть между ними и католики; грамотность среди нихъ сильно распространена.

Ко времени возведенія герцогомъ Іаковомъ русскаго поселка въ имѣніи Гольм-гофъ на степень города Якобштадта, 1670—1675 гг., относится и построение Якобштадтскаго Свято-Духовскаго храма. Въ фундаціонной грамотѣ герцога Іакова отъ 12 февраля 1670 г. говорится о пожалованіи лѣса на строеніе новой церкви, до построения которой въ поселкѣ была небольшая церковь во имя св. Великомученика Георгія, отъ которой сохранился по настоящее время небольшой напрестольный крестъ.

О самомъ же возникновеніи Свято-Духовскаго храма сохранилось при церкви слѣдующее преданіе:

Одинъ купецъ, пѣкто Раткевичъ, сопровождавшій свой товаръ на баркахъ въ Ригу и остановившійся у Якобштадта, пришелъ въ Георгіевскую церковь къ утрени. По окончаніи литургіи приведенъ былъ родственниками одинъ бѣсноватый, страшно изуродованный Латышь, для молитвы предъ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Когда настоятель монастыря, окончивъ молебень, началъ читать заклипательную молитву надъ бѣсноватымъ, то изъ послѣдняго сталъ выходить нечистый духъ въ видѣ бѣловатаго пара и съ быстротою устремился изъ церкви, такъ что притворенная дверь съ силою растворилась и повалила двухъ мальчиковъ, стоявшихъ у двери. Всѣхъ присутствовавшихъ въ церкви и въ томъ числѣ купца Раткевича объялъ сильный страхъ. Купецъ, въ благоговѣйномъ чувствѣ къ чудотворной иконѣ, тутъ же выразилъ настоятелю желаніе построить новый, болѣе благолѣпный храмъ для сей святой иконы, что и было имъ исполнено при содѣйствіи настоятеля монастыря, исхлопотавшаго у герцога Іакова бесплатный отпускъ лѣса. Новый храмъ былъ наименованъ во имя Святого Духа, побѣдителя злого духа, и въ честь Богоматери и Апостоловъ устроено въ немъ два придѣла.

Свято-Духовскій храмъ долгое время теплился единственнымъ свѣточемъ православія. Въ семь святомъ храмѣ и сподвижникъ Императора Петра Перваго фельдмаршалъ графъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ приносилъ Господу Богу благодарственныя моленія за одержанную побѣду надъ Шведами при Гемауэртгофѣ и при этомъ принесъ въ даръ для Свято-Духовскаго храма образъ-складень Знаменія Божіей Матери, который и по нынѣ хранится при церкви, и купленный имъ за шестьдесятъ долларовъ фольваркъ Пелить съ землею въ количествѣ семидесятипяти десятинъ.

Въ теченіе своего двухвѣкового существованія Свято-Духовскій храмъ много переиспыталъ. Потомки древняго Герсике и Бѣлоруссовъ, бѣжавшіе изъ Литвы отъ религіозныхъ преслѣдованій, вначалѣ наслаждались спокойствіемъ и религіозною свободою, плодомъ сего было устройство города Якобштадта и въ немъ Свято-Духовскаго храма съ монастыремъ, на мѣсто древней и малой церкви великомученика Георгія. По основанный въ 1607 году монашескій уніатскій орденъ Василянъ латинскою своею

пропагандою сдѣлалъ во всѣхъ земляхъ православнаго Полоцкаго княжества большіе успѣхи и чрезъ покровительство Польскаго правительства распространилъ свое вліяніе и на Курляндію, герцоги коей, будучи вассалами Рѣчи Посполитой, не могли противиться мѣрамъ Польскаго правительства и іезуитовъ, направленнымъ къ искорененію православія въ Придвиньѣ.

Іезуиты напрягли всѣ усилія, чтобы совратить въ унию православныхъ жителей г. Якобштадта. Начавъ дѣйствовать разными обольщеніями, они успѣли совратить въ унию Якобштадтскаго бургомистра Яна Зуркевича и настоятеля прихода Михаила Боровскаго, которые въ 1721 году именемъ всего города пригласили въ Якобштадтъ Василианъ. Василиане при содѣйствіи Яна Зуркевича и Михаила Боровскаго завладѣли православнымъ кладбищемъ близъ Свято-Духовской церкви, съ находящимся при немъ деревяннымъ храмомъ во имя святителя и чудотворца Николая, который и обратили въ католическую каплицу.

Въ скоромъ времени храмъ сей сгорѣлъ, а униаты построили на средства ордена деревянный монастырь. Монастырь этотъ также сгорѣлъ въ 1773 году, а на его мѣсто былъ построенъ въ 1783 году каменный существующій нынѣ православный храмъ Покрова Божіей Матери.

Съ прибытіемъ Василианъ городъ Якобштадтъ раздѣлился на двѣ части: тѣ изъ жителей кто были побогаче и позначительнѣе приняли унию, а кто былъ побѣднѣе — народъ остался православнымъ и примкнулъ къ Свято-Духовской церкви. Древняя же Георгіевская церковь по ветхости своей была упразднена къ этому времени, и на ея мѣстѣ построена деревянная колокольня съ часовнею.

Монастырь Свято-Духовскій стоялъ твердо, не поддаваясь обольщеніямъ Василианъ. Онъ то въ особенности приходился солонъ іезуитамъ. „Оное мѣсто подвержено опасностямъ отъ схизмы“, говорили іезуиты. Между прочимъ былъ такой случай: настоятель Ушочскаго униатскаго монастыря Симеонъ Вишняржевскій осенью 1719 года бросилъ свой монастырь, пробрался въ г. Якобштадтъ и здѣсь 11 ноябрю 1719 года въ Свято-Духовскомъ монастырѣ торжественно отрекся отъ папы, іезуитовъ и всѣхъ латинянъ и возвратился въ лоно православной церкви.

Поятно, послѣ этого, что на Свято-Духовскій монастырь, какъ на единственное мѣсто въ Придвиньѣ, гдѣ православные находили опору и защиту, іезуиты обрушились всею злобою. Не довольствуясь пропагандою, они постарались лишить монастырь правъ и преимуществъ, дарованныхъ герцогами, ибо униаты отняли даже и фольваркъ Пелить, дарованный графомъ Шереметевымъ. Начали распространять по городу пасквили на монастырь, а затѣмъ дошли до того, что стали бить смертнымъ боемъ православныхъ и даже монаховъ. Среди бѣдствій и гоненій отъ фаватиковъ папизма русскіе люди Придвинья, оставшіеся вѣрными вѣрѣ своихъ предковъ, группировались вокругъ Свято-Духовской обители, гдѣ находили утѣшеніе въ страданіяхъ, претерпѣваемыхъ отъ іезуитовъ и гдѣ черпали силы и надежду на избавленіе.

Во время борьбы православія съ униатствомъ православные Русскіе въ 1774 году построили при Свято-Духовской церкви новую каменную теплую церковь во имя святителя и чудотворца Николая, существующую и нынѣ. Для того, чтобы поддержать

цѣлость православія и благосостоянія въ народѣ основали при Николаевской церкви братство во имя святителя и чудотворца Николая. Братство святителя Николая вынуждено было перенести свою дѣятельность изъ Якобштадта въ мѣстечко Крейцбургъ, можно полагать, вслѣдствіе религіозныхъ преслѣдованій въ г. Якобштадтѣ. Братство это въ 1891 году вновь возстановлено и съ древнею братскою иконою святителя Николая перенесено изъ Крейцбурга въ Якобштадтъ.

Лѣтъ двадцать съ небольшимъ послѣ построенія Николаевской церкви еще неистовствовали іезуиты и уніаты въ Якобштадтѣ. Когда Курляндское герцогство въ 1795 г. прекратило свое самостоятельное существованіе, превратившись въ Курляндскую губернію, Свято-Духовскій монастырь вошелъ въ составъ Псковской епархіи, съ этого лишь времени онъ успокоился, ему были возвращены права и угодія, отпаяты уніатами. Но неблагопріятныя обстоятельства для православія во все время владычества рѣчи Посполитой отозвались и на Свято-Духовскомъ монастырѣ; онъ, несмотря на возвращеніе правъ и привилегій герцогскихъ, съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе приходилъ въ упадокъ и при этомъ еще былъ ограбленъ въ 1812 году Французами.

Наконецъ вслѣдствіе неоднократныхъ донесеній игуменомъ монастыря іеромонахомъ Серафимомъ о крайней бѣдности монастыря съ просьбою упразднить оный, а братію перевести въ другіе монастыри Псковской епархіи сдѣлано было о семъ представленіе въ Св. Синодъ преосвященнѣйшимъ Евгениемъ архіепископомъ Псковскимъ. Вслѣдствіе сего представленія монастырь Святого Духа въ городѣ Якобштадтѣ Высочайше упраздненъ, о чемъ послѣдоваль и указъ Святѣйшаго Синода отъ 30 апрѣля 1817 года коимъ повелѣно обратить монастырь въ приходскую церковь во имя Святого Духа, а зданія монастырскія деревянныя съ хозяйственными службами и всѣ принадлежащія ему угодія передать въ вѣдѣніе причта Свято-Духовской церкви.

Съ 30 апрѣля 1833 года Свято-Духовская церковь перешла въ вѣдѣніе Полоцкой епархіи, но со времени учрежденія въ Псковской епархіи викариатства въ г. Ригѣ указомъ Св. Синода отъ 14 сентября 1836 г., отчислена отъ Полоцкой епархіи въ вѣдѣніе Рижскаго викариатства.

По ветхости, на основаніи распоряженія епархіальнаго начальства, указомъ Рижской духовной консисторіи, отъ 23 февраля 1853 года, за № 1034, древняя Свято-Духовская церковь упразднена; ея чудотворная икона Якобштадтской Божіей Матери перенесена въ сосѣднюю Николаевскую церковь, а иконостасъ трехъярусный, рѣзной, разобранъ и вынесенъ изъ церкви. Древле православный приходъ Свято-Духовской церкви, вслѣдствіе представленія въ Св. Синодъ высокопреосвященнѣйшаго Платона, архіепископа Рижскаго и Митавскаго, о соединеніи якобштадтскихъ приходоѡ, согласно указу изъ Рижской духовной консисторіи отъ 31 октября 1862 года, за № 4588, соединенъ съ Якобштадтскимъ Покровскимъ приходомъ съ наименованіемъ Свято-Духово-Покровскій.

Древній Свято-Духовскій храмъ и въ послѣднюю годину своей исторической жизни продолжалъ сохранять значеніе той маститой преданіями излюбленной святыни, которою поддерживалось православіе въ Придвипьѣ. Онъ, издревле благодатію чудодѣйственнаго исцѣленія болящихъ явленною чудотворною иконою Якобштадтской Божіей Матери,

началь знакомить Латышей съ истинною православія, а въ сороковыхъ годахъ сего XIX столѣтія сѣянное вѣками божественное сѣмя православія принесло обильный плодъ: первое движеніе Латышей въ православіе началось среди тѣхъ селеній Лифляндской губерніи, Венденскаго и Рижскаго уѣздовъ, какъ напр.; Лаудонъ, Кокенгузенъ, Берзонъ, Колценау, Керстембемъ, Лаздонъ, Гулбенъ Голгоескаго прихода и проч., жители которыхъ издревле посѣщали и посѣщаютъ Свято-Духовскій храмъ.

Въ 1878 году Якобштадтъ былъ опустошенъ страшнымъ пожаромъ, искры и головни неслись прямо на Свято-Духовскій храмъ, но когда обнесена была съ молебнымъ пѣніемъ чудотворная икона Якобштадтской Богоматери вокругъ прежняго опустѣлаго мѣста Ея селенія, то вѣтеръ внезапно принялъ иное направленіе, и Свято-Духовскій храмъ остался цѣль и невредимъ.

Въ 1881 году огонь ворвался въ самую церковную ограду, истребилъ находящіеся близъ самой церкви древнія монастырскія строенія, повредилъ Николаевскую церковь, а Свято-Духовскій храмъ, отстоявшій отъ горѣвшихъ жилыхъ зданій всего на нѣсколько сажень, остался снова нетронутымъ. Съ этого времени въ печати стали раздаваться голоса въ пользу возобновленія Свято-Духовской церкви. Мѣстные ревнители православія — члены Рижскаго Петро-Павловскаго братства, а особенно Иванъ Мокіевичъ Желтовъ, учительствовавшій въ краѣ и хорошо знакомый съ исторіею Свято-Духовскаго храма, настойчиво ходатайствовали предъ Прибалтійскимъ братствомъ Христа Спасителя и Покрова Божіей Матери, имѣющимъ счастье находиться подъ Высочайшимъ покровительствомъ Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, которое отнеслось съ особеннымъ сочувствіемъ къ дѣлу возстановленія древняго памятника православія въ Прибалтійскомъ краѣ. Для этой цѣли въ 1883 году открытъ сборъ пожертвованій. По высокому примѣру покровительницы братства Государыни Императрицы, соизволившей сдѣлать первый вкладъ на возобновленіе Свято-Духовскаго храма, жертвователи въ короткій срокъ доставили необходимую сумму для возобновленія храма и въ томъ же 1883 году начата была реставрація храма. Братство поставило задачей своею строгое охраненіе старинны, что и было успѣшно выполнено. 1 ноября 1884 года возобновленный Свято-Духовскій храмъ торжественно былъ освященъ.

Но не долго существовалъ этотъ святой храмъ послѣ освященія. Черезъ два съ половиною мѣсяца, 16 января 1885 года, онъ сдѣлался жертвою пламени. Закладка новой церкви состоялась 22 сентября 1885 г., а 19 іюня 1888 года закончены всѣ работы по ея возстановленію.

Въ храмѣ имѣются слѣдующія древнія иконы: а) вышеупомянутая чудотворная икона Божіей Матери; икона Знаменія Божіей Матери, складень — даръ фельдмаршала графа Бориса Петровича Шереметева и въ Николаевской церкви чудотворная храмовая икона святителя Николая. Кромѣ сего, сохранился отъ древней Георгіевской церкви небольшой напрестольный крестъ.

Въ архивѣ церкви хранятся слѣдующіе древніе акты: а) конія съ перевода фундаціонной привилегіи, дарованной городу Якобштадту герцогомъ Іаковомъ отъ 12 февраля 1670 года;

б) привилегія герцога Эрнста-Іоанна отъ 15 апрѣля 1763 года на нѣмецкомъ

языкъ, за собственноручнымъ его подписомъ и гербовой печатью, съ подтвержденіемъ правъ, дарованныхъ греческаго вѣроисповѣданія монастырю и всему обществу російской націи привилегією герцога Іакова отъ 12 февраля 1670 года;

в) привилегія герцога Петра отъ 1 мая 1770 года на нѣмецкомъ языкѣ за собственноручнымъ его подписомъ съ подтвержденіемъ фундаціонной привилегіи, дарованной герцогомъ Іаковомъ отъ 12 февраля 1670 года и подтвержденной родителемъ его 15 апрѣля 1763 г.; и разрѣшеніемъ нѣкоторыхъ жалобъ монастыря, а также о пожалованіи монастырю луга Дуккер-аре и права ловить рыбу въ озерѣ Варсгау;

г) привилегія того же герцога Петра отъ 7 августа 1771 г. съ подтвержденіемъ вышеписанной привилегіи отъ 1 мая 1710 года, а также и о свободной ловлѣ рыбы въ озерѣ Варсгау и объ отводѣ луга;

д) привилегія герцога Петра отъ 1 сентября 1775 года за собственноручнымъ его подписомъ и приложеніемъ гербовой печати, коею даруется на вѣчныя времена греческому Якобштадтскому монастырю вмѣсто луга Дуккер-аре ежегодно по шестидесяти берковцевъ готоваго сѣна съ доставкою на мѣсто отъ мызы Бушгофъ;

и е) привилегія герцога Петра съ приложеніемъ его гербовой печати и за подписомъ канцлера Эрнста-Іоанна Таубе, ландмаршала Кошкуля и оберъ-бургграфа Засса отъ 5 августа 1786 года о дарованіи права на четырехъ лошадяхъ безденежно возить дрова и для починки монастыря и для домашнихъ потребностей не только получать три копы сосновыхъ балокъ, но и нѣсколько мелкихъ балокъ, кои также должны быть отводимы безденежно.

Кромѣ сего, въ архивѣ хранится старинная книга: Тріодъ постная и цвѣтная съ подписью: „Книга сія пожертвована игуменомъ Полоцкаго монастыря въ церковь Сочествія Святаго Духа монастыря 1693 года“.



Фридрихштадтскій приходъ.

Свящ. В. Харитоновскаго.

Изъ древнѣйшихъ лѣтописей видно, что русско-кривскія поселенія, распространяясь въ нынѣшнихъ Ковенской и Гродненской губерніяхъ среди Литовцевъ, распространялись и по берегамъ Западной Двины, почти до самаго Балтійскаго моря. Полоцкіе князья раньше появленія Нѣмцевъ въ эсто-латышскомъ краѣ, до 1200 года, имѣли при Западной Двинѣ два укрѣпленные городка: Герсикъ и Кукейносъ, нынѣшній Кокенгузенъ, находящійся въ 23 верстахъ отъ Фридрихштадта. Въ этихъ указанныхъ городкахъ, въ Герсикѣ и Кукейносѣ, были православныя церкви и священники и русскіе православные князья. Православіе среди Латышей, какъ усматривается изъ лѣтописей, распространялось медленно, такъ какъ при крещеніи въ православіе мѣстныхъ язычниковъ не было употребляемо репрессивныхъ мѣръ. Изъ Кукейноса священники выѣзжали къ Латышамъ для совершенія требъ и крещенія желающихъ креститься. Такъ возникновеніе православія продолжалось до разрушенія Нѣмцами Кукейноса въ 1208 году, послѣ чего князь Кукейноса Вячеславъ или Вячко удалился въ Русь, дружина и русскіе жители зажгли княжескій дворъ и бѣжали, какъ говоритъ Генрихъ Латышскій, каждый своею дорогою; жившіе въ Кукейносѣ Латыши скрылись въ чащѣ лѣсовъ, увезя съ собою русскіе обычаи, нравы и вѣрованія. Нѣмцы, захвативъ русскія поселенія и крѣпостцы, насильственнымъ путемъ быстро распространили католицизмъ, но не могли однакожь на всегда искоренить православія среди Латышей.

Православные жители города Фридрихштадта искони входили въ составъ древняго Якобштадтскаго прѣхода, всѣ духовныя требы исполняемы были духовенствомъ изъ Якобштадта. Затрудненія въ этомъ дѣлѣ увеличились при военныхъ постояхъ въ Фридрихштадтѣ. Русскимъ православнымъ изъ внутреннихъ губерній, особенно войнамъ, вдали отъ родины среди, иноплеменныхъ, иновѣрныхъ, тяжело было проводить великіе дни Страстной недѣли и праздники: Пасху, Рождество Христово, Крещеніе, Троицу, не слыша богослуженія и слова Божія. Высокопреосвященнѣйшій Платонъ, архіепископъ ряжскій и мѣтавскій, ходатайствовалъ предъ Святѣйшимъ Синодомъ объ учрежденіи въ г. Фридрихштадтѣ самостоятельнаго прихода, что и было разрѣшено въ 1857 году.

Въ Фридрихштадтской церкви имѣется иконостасъ, полученный изъ упраздненной Ряжской Замоквой церкви.

Туккумскій приходъ.

Священ. Михаила Смирнова.

Туккумскій православный приходъ, съ городомъ Туккумомъ въ центрѣ, открытъ съ 1852 г., по указу Св. Правительствующаго Синода и занимаетъ мѣстность, лежащую въ большей (сѣверной) половинѣ Туккумскаго уѣзда, и на востокъ переходитъ границу Рижскаго уѣзда до заштатнаго города Шлока, а на западъ — границу Тальсенскаго уѣзда до мѣст. Кандавы. Такимъ образомъ географическую площадь сего прихода теперь можно обозначить приблизительно $40^{\circ} 25'$ — $41^{\circ} 20'$ долготы и $56^{\circ} 40'$ — $57^{\circ} 10'$ сѣв. широты. Мѣстность здѣсь по преимуществу гористая; на сѣверъ отъ Туккума, по направленію къ берегу Рижскаго залива, на протяженіи почти двадцати верстъ, — холмистая, покрытая лѣсомъ; на западъ — плоскогоріе, которое тянется также и на востокъ и постепенно спускается къ низменности, изобилующей болотами, по преимуществу торфяными съ значительною примѣсью сѣры; на югъ довольно возвышенная, но ровная. Почва мѣстами глинистая, главнымъ же образомъ песчаная съ известнякомъ, покрытымъ слоемъ суглинка. Если нельзя назвать ее богатою, то во всякомъ случаѣ пригодною для земледѣлія и выносливою, такъ что полного неурожая здѣсь почти вовсе не бываетъ, что, впрочемъ, скорѣе объясняется обиліемъ влаги отъ близости моря и отъ достаточнаго количества лѣсовъ.

Уѣздный городъ Туккумъ, основанный въ XIII столѣтіи, дотолѣ же бывшій куронскимъ селеніемъ¹⁾, лежитъ на одномъ изъ довольно высокыхъ холмовъ. На южной сторонѣ онъ спускается къ озеру или, вѣрнѣе, къ длинному пруду, вытекающему изъ болотъ, на западной же оцѣпляется высокимъ горнымъ хрящемъ. Въ центрѣ города, на склонѣ холма къ озеру стоялъ въ древнія времена рыцарскій замокъ. На это указываютъ небольшой остатокъ стѣны отъ него и сплошные камни, перемѣшанные съ известкою и кирпичомъ и находимые по склону холма даже до площади, занимаемой св. Николаевскою церковью (это было замѣчено уже при постройкѣ церкви въ 1870 г.). Но отъ этой твердыни, въ свое время наводившей страхъ на окрестныхъ жителей, ничего не осталось, кромѣ самаго смутнаго воспоминанія; городская лѣтопись не сохранила намъ точнаго указанія ни на время возникновенія означеннаго замка, ни на

¹⁾ Подобное созвучное названіе поситъ одна деревня на юго-западной сторонѣ Ангерскаго озера (Укумъ).

время разрушенія его. Есть основаніе полагать, что этотъ замокъ былъ воздвигнутъ тевтонскими рыцарями послѣ окончательнаго покоренія земли Куроновъ въ половинѣ XIII ст. и что имъ управлялъ орденскій фохтъ (староста); разрушенъ же онъ могъ быть въ 1605 г. во время войны польскаго короля Сигизмунда III съ шведскимъ королемъ Карломъ IX, когда Шведы высадились на восточномъ берегу Курляндіи (вѣроятно близъ приморскаго селенія Плененъ) въ числѣ 4000 человекъ и взяли г. Туккумъ, покинутый курляндскимъ герцогомъ Фридрихомъ. Въ настоящее время за городомъ, по другую сторону хряща, на небольшомъ островѣ среди луговъ, находятся слѣды и отъ другого замка. Этотъ островъ теперь покрытъ лѣсомъ, но сравненныя съ землею остатки какихъ-то каменныхъ сооружений указываютъ, что и здѣсь когда-то кипѣла воинственная жизнь. Полагаютъ, что этотъ замокъ древнѣе перваго и принадлежалъ мѣстнымъ аборигенамъ — Куронамъ, которые, до завоеванія ихъ Нѣмцами, также имѣли свои замки, напр. Пурренъ, Кандаве, Матакюль и др.; въ мѣстечкѣ Капдавѣ, гдѣ теперь на правой сторонѣ рѣки Абавы стоятъ жалкіе остатки стѣнъ рыцарскаго замка, на лѣвой видны развалины, почти уравниппя съ землею, болѣе деревяннаго замка, принадлежавшаго одному изъ 12 владѣтельныхъ куронскихъ князей или Кунигупговъ. Горный хрящъ, раздѣлявшій эти два большихъ туккумскихъ замка, по сіе время называется „горою - висѣлицею“. Происхожденіе этого ужаснаго названія объясняютъ двояко: одни относятъ его къ позднѣйшему времени, когда въ Туккумѣ уже развилась городская жизнь, и при владычествѣ Нѣмцевъ и Поляковъ здѣсь вѣшали преступниковъ; другіе же относятъ его къ XIII столѣтію, когда рыцари для усмиренія непокорныхъ Куроновъ, здѣсь обитавшихъ, вѣшали ихъ на страхъ другимъ. Изъ другихъ замѣчательныхъ возвышенностей близъ г. Туккума можно указать на гору Гюнигсбергъ, которая, подобно усѣченному конусу, возвышается среди холмовъ съ оврагами на 344 ф. надъ уровнемъ моря и господствуетъ на десятки верстъ надъ окружающею мѣстностью.

Въ настоящее время кореннымъ мѣстнымъ населеніемъ въ описываемомъ нами районѣ считаются Латыши, среди которыхъ незначительный процентъ падаетъ на Нѣмцевъ; люди чисто русскаго происхожденія въ весьма незначительномъ числѣ обрѣтаются въ городѣ Туккумѣ; встрѣчаются они и въ мѣстечкахъ, какъ-то: Шлокъ, Кеммернѣ и Кандавѣ, по больше какъ служилые люди и промышленники; въ мызахъ же и деревняхъ ихъ почти вовсе нѣтъ. Но древнѣйшими обитателями этой мѣстности были Куры или Куроны¹⁾, небольшое племя финскаго происхожденія, которое уже въ XIII ст. исторія застаётъ теряющимъ свой языкъ и племенные особенности и олатышивающимся, пока оно наконецъ не слилось совершенно съ большимъ и предприимчивымъ племенемъ латышскимъ и не оставило всей этой части Прибалтійскаго края лишь свое имя „Курляндія“, по-латышски Kurjeme, Kuru-jeme, т. е. земля Куровъ, которая, по свидѣтельству историковъ, занимала пространство на протяженіи нынѣшнихъ уѣздовъ: Туккумскаго, Тальсенскаго и отчасти Виндавскаго. Тѣспимые съ юго-востока Латы-

¹⁾ См. исторію Остзейскаго края О. f. Рутенберга: „Geschichte der Ostseeprovinzen Liv-, Esth- und Kurland von der ältesten Zeit...“ Leipzig 1860. Исторія Г. Меркеля: „Die Vorzeit Livlands...“ Berlin. 1798.

шами, Куроны подвигались на сѣверо-западъ, по направленію къ Ангерпскому озеру, въ свою очередь отгѣсня далѣе въ дремучіе лѣса своихъ сосѣдей Ливовъ, остатки которыхъ мы теперь находимъ около мыса Домеснесъ. Остатокъ же Куроновъ, хотя совершенно олатышившихся, еще теперь можно наблюдать въ жителяхъ прибрежья Рижскаго залива около деревень Кестерцѣма и Берзецѣма и имѣнія Ангернъ. Языкъ здѣшнихъ Латышей нѣсколько отличается отъ языка Латышей лифляндскихъ, что отчасти указываетъ на вліяніе на него языка древнихъ Куроновъ и Ливовъ; такъ, напр. у здѣшнихъ Латышей строго не обозначается окончаніе словъ муж. и женск. рода, и слова женскаго рода нерѣдко произносятся съ окончаніемъ мужскаго рода. Остатокъ ливскаго и куроискаго языка въ настоящее время мы находимъ также въ названіи нѣкоторыхъ мызъ и деревень, какъ-то: въ словѣ „кюль“ (деревня) напр. Маткюль, Кюльцѣма (цѣмъ по-латышски — селеніе). Куронское племя отличалось воинственностью, чѣмъ и объясняется, что оно позднѣе (въ 1217 г.) ливскаго и латышскаго подчинилось владычеству пѣмецкихъ пришельцевъ, явившихся въ концѣ XII вѣка на устье Западной Двины насаждать огнемъ и мечомъ среди дикихъ народовъ Прибалтійскаго края западную культуру и христіанство; и однажды, въ 1210 г. пыталось даже уничтожить юный городъ Ригу. Хотя Куроны, подобно другимъ здѣшнимъ литовско-латышскимъ племенамъ, занимались главнымъ образомъ земледѣліемъ, скотоводствомъ, рыбною ловлею и охотою, но нерѣдко позволяли себѣ и хищническіе набѣги на болѣе мирныхъ сосѣдей и даже разбои.

Древніе Латыши, бывшіе Куроны, были высокаго роста, крѣпкаго тѣлосложенія, съ голубыми глазами, свѣтлыми волосами и носили бороду, которая у нихъ считалась символомъ мужества и опытности и лишеніе которой поэтому считалось у нихъ большимъ безчестіемъ. По характеру своему, въ отличіе отъ Латышей лифляндскихъ, т.-е. Латышей болѣе чистаго происхожденія, курляндскіе Латыши были добродушны, предпріимчивы, очень способны и трудолюбивы, но легковѣрны. Только въ войнахъ за свою свободу они являлись жестокими, неумолимыми и кровожадными и въ настоящее время по характеру своему большею частью лукавы, недовѣрчивы и мстительны. Любили они и увеселенія на нразднествахъ, занимались пѣніемъ и музыкою, качались на качеляхъ и т. п. Изъ языческихъ празднествъ ихъ можно указать на праздникъ въ честь Лиго — бога радости, совершавшійся около лѣтняго поворота солнца, съ особеннымъ торжествомъ и звонкимъ пѣніемъ, при чемъ всѣ украшали себя цвѣтами и вѣнками. Со введеніемъ здѣсь христіанства этотъ праздникъ смѣнился праздникомъ въ честь и память св. Іоанна Предтечи (24 іюня), но оставилъ на празднованіи сего послѣдняго мѣстнымъ народомъ свой языческіе слѣды. Такъ и въ настоящее время въ этотъ день или, вѣрнѣе, въ ночь съ 23 на 24 іюня, раздаются по лугамъ и рощамъ веселыя пѣсни о Лиго-Явнсъ'ѣ, сопровождаемыя плясками и попойками, къ сожалѣнію и стыду истинныхъ христіанъ. Другой праздникъ, совершавшійся около зимняго поворота солнца, также былъ очень любимъ Латышами; предъ наступленіемъ его свѣжевали свиней, козловъ и барановъ, и въ теченіе его предавались пиршествамъ и безстыдствамъ¹⁾.

¹⁾ Меркель, I, 42—196, Рутенбергъ, I, 27, 30, 38—54.

Покореніе Ливовъ, Куроновъ и другихъ племенъ, обитавшихъ въ средней и нижней части Курляндіи, и обращеніе ихъ въ христіанство началось съ 1186 г., когда появился въ устьѣ Западной Двины первый католическій миссіонеръ Мейнгардъ. Съ этого времени, говоритъ Рутенбергъ, и начинается собственно исторія этого края, которая показываетъ намъ, какъ Ливы и Латыши и наконецъ Курь и Семигалы, обитатели курляндскаго побережья, были покорены желѣзнымъ мечомъ вооруженнаго христіанства. Ливы первые подпали подъ власть нѣмецкаго рыцарства и были почти насильно крещены, вслѣдствіе чего они не разъ отпадали отъ христіанства. Въ 1206 году вся ливская земля была уже покорена Нѣмцами и всюду стали они строить церкви и монастыри. Куроны же покорились нѣмецкому владычеству позднѣе другихъ народцевъ Прибалтійскаго края и съ 1230 года почти добровольно приняли христіанскую вѣру; но вслѣдствіе самоуправства покорителей, Куроны скоро возстали противъ нихъ; даже убили ихъ епископа Эпгельгарда и всѣхъ католическихъ священниковъ и возвратились къ прежнему своему языческому культу. Тогда тевтонскій орденъ рѣшилъ обратить Куровъ въ крѣпостничество и возвратитъ къ христіанству при помощи меча и огня. Это дѣло закончилъ въ 1245 г. орденскій магистръ Дитрихъ Грюнингенскій. Онъ завладѣлъ многими куронскими замками и разрушилъ многіе городки Куроновъ. Къ концу XVI столѣтія среди курляндскихъ Латышей, бывшихъ Ливовъ, Куровъ и Семигаловъ католичество безъ особой борьбы смѣнилось лютеранствомъ. Съ 1795 г., т.-е. со времени присоединенія Курляндіи къ Россіи, началась новая эра въ гражданской жизни и положенія мѣстнаго населенія. 30 августа 1817 г., въ день тезоименитства государя императора Александра I былъ обнародованъ Высочайшій рескриптъ о дарованіи курляндскимъ Латышамъ личной свободы, которая въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, между прочимъ, сказала въ подъемъ ихъ самосознанія въ пользу духовнаго единенія съ православною Русью и по вѣрѣ и по языку.

Появленіе въ районѣ Туккумскаго прихода русскихъ людей относится къ началу XVIII столѣтія. Первыми русскими поселенцами данной мѣстности, какъ ни странно это, были бѣглецы, которыхъ охотно принимали къ себѣ курляндскіе помѣщики и не выдавали Россіи, если эти бѣглецы оказывались хорошею и дешевою рабочею силою. Известно, что въ 1781 г. русское правительство отправило къ герцогу курляндскому секундъ-маіора Тарбѣева для сысканія бѣглыхъ русскихъ крестьянъ въ Курляндіи. При этомъ герцогъ указалъ Тарбѣеву на мѣстечко Туккумъ, какъ на центръ сборища великорусскихъ и бѣлорусскихъ бродягъ. Въ 1783 году Тарбѣевъ съ воинскою командою отправился въ Туккумъ для поисковъ бѣглыхъ русскихъ крестьянъ; но бѣглецы, прослышавъ это, успѣли разбѣжаться по другимъ, болѣе глухимъ, мѣстамъ Курляндіи, такъ что въ Туккумѣ было схвачено и отправлено ихъ только 22 человека. И какъ число бѣглыхъ, такимъ образомъ, осталось неизвѣстнымъ, такъ не извѣстно и то, сколько между ними было православныхъ и сколько раскольниковъ.

Около половины текущаго столѣтія предполагалось для всѣхъ православныхъ русскихъ, живущихъ въ туккумскомъ и тальсенскомъ уѣздахъ, построить церковь въ мѣст. Тальсенѣ, но высокопреосвященнѣйшій Платонъ, архіепископъ рижскій и митавскій, рапортомъ своимъ отъ 30 сентября 1851 г., за № 1157, допесъ Св. Синоду, что такъ

какъ являются затрудненія отыскать временное помѣщеніе для православной церкви съ причтомъ въ Тальсенѣ, то онъ проситъ разрѣшить избрать для этого г. Туккумъ, который по своему географическому положенію важнѣе Тальсена.

Церковь во имя святителя и чудотворца Николая построена на грунтѣ, отведенномъ въ 1853 году для сей же цѣли; расположена она на возвышенной и красивой мѣстности; зданіемъ она каменная съ такою же колокольнею; постройка вообще красивая, прочная и сухая.



Каплаускій приходъ.

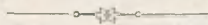
Священ. Константина Шахова.

Въ юго-восточной части Илукстскаго уѣзда, Курляндской губерніи, въ 280 верстахъ отъ губернскаго города Митавы и въ 53 верстахъ отъ уѣзднаго города Илуксты, на лѣвомъ берегу рѣки Западной Двины, находится село Каплау, древнее названіе, котораго было Копулово, народъ же называетъ его Коплово. Въ центрѣ этого села стоитъ приходская церковь.

Районъ прихода простирается въ одну сторону на 8 верстъ и въ другую, вверхъ по теченію Западной Двины, на 20 верстъ. Мѣстность въ районѣ прихода гористая, покрытая мѣстами хвойнымъ лѣсомъ, населенная, по преимуществу, Бѣлоруссами, затѣмъ Латышами и частію Евреями и Великоруссами-раскольниками. Коренное населеніе составляютъ Бѣлоруссы; Латыши же представляютъ изъ себя здѣсь пришлый элементъ, появившійся въ сравнительно недавнее время и выселившійся сюда изъ нижней Курляндіи.

Первая церковь въ Каплаускомъ приходѣ была построена въ 1794 году. Первоначальнымъ помѣщеніемъ для нея служила небольшая каплица (часовня), построенная изъ нетесаныхъ бревенъ и покрытая соломой. Стояла она среди села Каплау, а передъ нею, на площади, было два большихъ деревянныхъ креста. Въ этой каплицѣ и совершалось до 1840 года богослуженіе для униатовъ. Въ 1840 году эта каплица, съ добавленіемъ новаго лѣса, была перестроена тѣченіемъ полковницы Комаровской. Въ 1847 году, на 9-й недѣлѣ послѣ Пасхи, Каплауская церковь, въ числѣ другихъ сельскихъ построекъ, была разрушена ураганомъ. При этомъ осталась на мѣстѣ только задняя алтарная стѣна съ находившеюся на ней мѣстно-чтимой съ тѣхъ поръ древнею иконою Богоматери, называемою въ народѣ „Копыловскою“. По другимъ же сказаніямъ, икона эта унесена была ураганомъ на близъ лежащій островъ рѣки Двины и тамъ найдена стоящею. Почитаютъ сію икону не только православные, но и католики. Церковь же, по причинѣ разрушенія ея, въ томъ же 1847 году, на сумму, ассигнованную Святѣйшимъ Синодомъ, была вновь перестроена. Престолъ въ ней былъ одинъ, какъ и теперь, — во имя Покрова Пресвятыя Богородицы. Зданіемъ церковь эта была деревянная, на каменномъ фундаментѣ, крытая гонтомъ, имѣла $8\frac{1}{2}$ саж. длины $2\frac{1}{2}$ саж. ширины и $1\frac{1}{2}$ саж. высоты; устроена была въ видѣ корабля.

Изъ предметовъ древности въ церкви сохранилось напрестольное Евангеліе, величюю въ листъ, печатное въ Москвѣ, на славянскомъ языкѣ, въ 1744 году.



Газенпотскій Свято-Николаевскій приходъ.

Священника Павла Янновича.

Газенпотская Св.-Николаевская церковь находится въ уѣздномъ городѣ Газенпотѣ, въ пристроенномъ въ 1331 году къ городской казармѣ каменномъ зданіи; а ея приходъ простирается на весь Газенпотскій уѣздъ, занимая площадь въ 2202 кв. версты.

Самъ городъ лежитъ на Западномъ и Сѣверномъ склопѣ открытой возвышенности, на правомъ берегу рѣки Тебберъ, въ чрезвычайно живописномъ мѣстѣ. Особенно красивъ городъ съ Западной стороны, при въѣздѣ въ него по Либавской дорогѣ, гдѣ представляются взорамъ крутые, живописные берега Теббера. Жителей въ Газенпотѣ около 4000 душъ обоего пола; изъ нихъ $\frac{2}{3}$ евреевъ, православныхъ же 58 душъ мужескаго пола и 44 женскаго пола. Описываемый городъ имѣетъ два названія: официальное — Газенпотъ и народное — Айспуте. Официальное названіе города есть измѣненное на нѣмецкій ладъ латышское Айспуте. Газенпотъ (Hasenpot), въ переводѣ на русскій языкъ, значитъ зайчья лапа. Латышское названіе мѣстности Айспуте измѣнилось въ нѣмецкое Газенпотъ постепенно. Въ нѣмецкихъ хроникахъ XIII и XIV вѣковъ Газенпотъ названъ Асиннотъ. Латышское названіе Айспуте (Aispute) означаетъ мѣстность занесенную снѣгомъ.

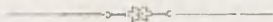
Въ исторіи Россіи и русской церкви мѣстность, занимаемая Газеппотскимъ приходомъ, не играла никакой роли. Непосредственно послѣ завоеванія Курляндіи Нѣмцами, на правомъ берегу рѣки Тебберъ, нынѣ въ границѣ города, былъ выстроенъ костель, а потомъ къ нему пристроено помѣщеніе для соборнаго капитула; зданія были обнесены стѣною. Отъ стѣны и зданій нѣтъ въ настоящее время, надъ землею, слѣда. Осталась только церковь (теперь лютеранская). Годъ постройки костела неизвѣстенъ; но преданіе говоритъ, что Газенпотскій костель былъ первою католическою церковью въ Газенпотскомъ округѣ. Когда же мѣстное населеніе Куръ свергли ненавистное имъ иго, истребили католическое духовенство они укрѣпились въ своихъ замкахъ и городахъ. Мѣсто двухъ такихъ замковъ указываютъ близъ города. Одинъ изъ нихъ находится на западѣ — въ двухъ верстахъ отъ Газенпота, а другой на востокѣ — въ одной верстѣ отъ города, близъ рѣки Лаже. Мѣста, гдѣ прежде находились замки, отъ которыхъ нѣтъ слѣда, народъ называетъ — пилекальнъ — замковая гора.

Послѣ вторичнаго завоеванія Курляндіи, въ предѣлахъ нынѣшняго православнаго прихода, орденскимъ магистромъ Дитрихомъ Грюнингенскимъ, въ 1244-мъ году, были

построены — крѣпость Амботенъ, въ 33-хъ верстахъ отъ Газенпота, и замокъ Шлоссъ-Газенпотъ на лѣвомъ берегу Теббера, напротивъ построеннаго раньше костела. Отъ Амботенской крѣпости остались одвѣ стѣны. Часть Газенпотскаго замка сохранилась, и въ пей помѣщаются мызные работники. Въ пародѣ говорятъ, что замокъ Шлоссъ-Газенпотъ былъ соединенъ съ костеломъ подземнымъ ходомъ, который былъ проведенъ подъ рѣкою Тебберомъ, а костель — таковымъ же, съ выстроеннымъ въ концѣ XIII столѣтія, въ одной верстѣ отъ костела, католическимъ монастыремъ. Въ настоящее время указываютъ даже мѣста, гдѣ начинались и кончались подземные ходы. Отъ монастыря не осталось ни слѣда; лишь принадлежавшая монастырю вотчина теперь носить названіе мызы Клостеръ-Газенпотъ. — Укрѣпившись въ краѣ, Нѣмцы, силою и обѣщаніями, стали вновь крестить Куровъ. Новое востаніе Куровъ въ XIV-мъ вѣкѣ, для сверженія ненавистнаго ига и навязанной имъ религіи, привело къ тому, что крестьяне были лишены свободы, т.-е. сдѣлались крѣпостными. Въ 1583-мъ г. Курляндское епископство перестало существовать, какъ самостоятельное, и одинъ за другимъ католическіе приходы принимали лютеранское исповѣданіе; вѣрныхъ католической церкви осталось мало; однако крестьяне-латыши Адзенской, Альшвангенской, Бассенской, Гравернской, Феликсберской, Нейгофской, Гудденѣвской и Ленеенской (въ Газенпотскомъ уѣздѣ) волостей считаются и теперь самыми ревностными католиками.

Къ исторіи собственнаго города Газенпота присовокупимъ еще слѣдующее. Вскорѣ, послѣ усмиренія края, близъ костела стали селиться мастеровые и торговцы. Въ 1373 р. епископъ Курляндскій даровалъ поселку права города. На гербѣ города былъ изображенъ мовахъ съ закрытою чашею въ рукѣ. Въ первое время въ Газенпотѣ сосредоточилась торговля края, благодаря тому, что корабли могли входить въ устье рѣки Тебберъ, которая у устья (въ 30 в. отъ г. Газенпота) называется Сакке. — Съ поднятіемъ Либавы, торговля Газенпота стала падать. Въ 1660-мъ году устье Тебберъ (Сакке) было запружено камнями, а по мирному договору при Оливѣ — гавань закрыта. Въ 1736 г. въ городѣ было 38 домовъ и 10 участковъ; въ 1798-мъ году одиннадцать домовъ принадлежало дворянамъ, 41 бюргерамъ и 20 евреямъ. Въ настоящее время въ городѣ около двухсотъ домовъ, изъ которыхъ $\frac{1}{3}$ принадлежатъ евреямъ.

Политическая жизнь Газенпотскаго уѣзда тѣсно связана съ исторіею Пильтенскаго округа, такъ какъ послѣ вторичнаго запятія Курляндіи Нѣмцами, почти весь нынѣшній Газенпотскій уѣздъ, за исключеніемъ узкой полосы между рѣкою Тебберъ и имѣніемъ Царау, соединявшій орденскія владенія Гробинъ и Гольдингенъ, достался церкви.



Хрщевскій православный приходъ.

Священника Виктора Юрастовскаго.

Мѣстность, занимаемая Хрщевскимъ православнымъ приходомъ, съ сѣвера прилегаетъ къ рѣкѣ Западной Двинѣ, протекающей у самаго города Двинска; отдѣляя Иллуктскій уѣздъ отъ Витебской губерніи, р. Двина отдѣляетъ вмѣстѣ и Хрщевскій приходъ отъ Двинскаго. Съ сѣверо-восточной стороны прилегаетъ Гривскій приходъ. Съ восточной, — гдѣ въ конечной части прихода проходитъ вѣтвь С.-Петербургской Варшавской желѣзной дороги, Хрщевскій приходъ граничитъ съ Фабіановскимъ. Съ южной и юго-западной стороны прихода тянется на разстояніи 4—7 верстъ отъ села Хрщева пограничная черта Новоалександровскаго уѣзда, Ковенской губерніи съ православными приходами Литовской епархіи: Веселовскимъ и Новоалександровскимъ. Въ западной части Хрщевскій приходъ граничитъ съ Гринвальдскимъ приходомъ.

Мѣсто въ Хрщевскомъ приходѣ, гдѣ находится церковь, получило свое названіе „Хрщево“, какъ говоритъ преданіе, отъ частнаго владѣльца его, помѣщика мызы Курцумъ, нѣкогда жившаго, по фамиліи „Хрщево“. Представляя собою небольшое село, съ нѣсколькими лишь домами, оно и по нынѣ частію входитъ во владѣнія мызы Курцумъ, находящейся въ одной верстѣ; окружено разными частными имѣніями, казенныхъ же по близости его вовсе нѣтъ.

Вся мѣстность, занимаемая Хрщевскимъ приходомъ, представляетъ холмисто-волнистую равнину, перемежающуюся низинами, болотами и множествомъ небольшихъ озеръ, рѣчекъ и ручьевъ; мѣстами она занята еловымъ, сосновымъ и дубовымъ лѣсомъ вмѣстѣ съ ольхами и березами. Лѣсъ большей частію, къ сожалѣнію, въ послѣднее время помѣщиками вырубленъ и распроданъ. Вредно повліяло это на почву: послѣдняя суглинистая и часто перемежающаяся песчаными участками, начала подвергаться засухѣ. Луга находятся на низинахъ почти исключительно торфяно-черноземныхъ. Климатъ мѣстности, вслѣдствіе небольшой отдаленности отъ моря, — умѣренный.

Вся мѣстность, занимаемая Хрщевскимъ приходомъ, составляетъ собою южную часть того округа Курляндіи, который носитъ названіе Семигалліи, или — по древнимъ русскимъ лѣтописямъ — „Земгола“. Латышское происхожденіе этого названія (отъ *semes gais*, что значитъ конецъ земли, такъ какъ болѣе къ югу жили Литва-Жмудь) показываетъ уже то, что мѣстность эта въ давнія времена населена была Латышами.

Рѣка Двина еще въ доисторическія времена Руси служила естественнымъ путемъ торговыхъ сношеній Кривичей-Славянъ съ обитателями береговъ Варяжскаго, т. е. Балтійскаго моря. Въмѣстѣ съ этимъ исторія уже застаётъ господство Кривичей на всемъ протяженіи Двины до самаго устья. Русскія древнія лѣтописи указываютъ на это господство съ IX по XII вѣкъ. Кромѣ ихъ и древнѣйшая Ливонская лѣтопись, извѣстная подъ именемъ Генриха Латыша, говоря о данничествѣ Латышей Русскимъ, упоминаетъ еще собственно то важное, что Русскіе на самомъ берегу Двины имѣли два удѣльныхъ княжества, подвластныхъ Полоцкимъ князьямъ, изъ которыхъ одно было со стольнымъ городомъ Гердике, включавшемъ въ свою область, между прочимъ, и Зельбургскій округъ или Семигальскій. Отсюда явствуетъ, что преобладающее населеніе края состояло сначала изъ Латышей, подданныхъ Русскимъ; въ послѣдствіи, съ нашествіемъ въ 1158 году сюда Нѣмцевъ, господство Русскихъ начало утрачиваться: Нѣмцы покорили сначала Ливонію, а потомъ и Курляндію съ Семигалліей, Гердикское княжество уничтожили и столицу его разграбили (1208 г.) Съ утерей русскаго господства въ краѣ производились частыя опустошительныя нашествія Нѣмцевъ и ожесточенныя упорныя сопротивленія Латышей (1218—1382 гг.); войны эти и мстительныя набѣги Литвы, а также случившійся моръ и голодъ такъ разслабили и разрѣдили латышское населеніе Семигалліи, что оно стало принимать въ свою среду совсѣмъ чуждые элементы ихъ народности. Охватившіе въ XVIII столѣтіи Россіи побѣги крѣпостныхъ крестьянъ отъ произвола своихъ помѣщиковъ, разстроенности ихъ имѣній и невозможности сыскать себѣ правый судъ, а также съ цѣлю добыть себѣ вольнымъ трудомъ болѣе обеспеченный кусокъ хлѣба, не остались безъ послѣдствій для описываемой нами мѣстности. Такъ, крестьяне западныхъ губерній въ большинствѣ случаевъ бѣгства своего направлялись въ Ливонскій край и главнымъ образомъ въ болѣе безопасную для нихъ Курляндію, гдѣ ихъ охотно принимали помѣщики. Избравъ здѣсь преимущественнымъ мѣстомъ для своихъ поселеній придвинскую полосу Семигальскаго округа отъ Друи до Якобштадта, они до такой степени наполнили эту часть Семигалліи, что когда вышли правительственныя распоряженія¹⁾ о поимкѣ въ Курляндіи бѣглыхъ и водвореніи ихъ по мѣстамъ ихъ прежняго жительства, то приводившій эти распоряженія въ исполненіе графъ Браунъ доносилъ, что въ Семигалліи проживало болѣе 4¹/₂ тысячъ душъ бѣглыхъ Бѣлоруссовъ. Въ виду представлявшихся неудобствъ и затрудненій къ выселенію такого числа бѣглыхъ, правительство положило оставить ихъ безъ преслѣдованій и выселенія. Оставленные на своихъ мѣстахъ, Бѣлоруссы въ послѣдствіи настолько развились въ численномъ отношеніи, что почти совершенно вытѣснили собою прежнихъ хозяевъ земли — Латышей, и въ настоящее время ихъ прямыя потомки представляютъ изъ себя почти исключительное населеніе древняго Семигальскаго, а нынѣшняго Зельбургскаго округа²⁾.

Въ отношеніи этой преимущественности населенія Бѣлоруссами, область, входящая въ составъ Хрщевскаго прихода, должна быть отнесена къ числу первыхъ, потому что, за исключеніемъ не особенно большого, сравнительно съ общимъ числомъ населенія,

¹⁾ Манифестъ 16 ноября 1871 г. и указъ Сената отъ 9 ноября, за № 13948.

²⁾ Сборникъ матеріаловъ и статей по исторіи Прибалтійскаго края: Русскіе бѣглецы въ Курляндіи, стр. 543—553.

числа раскольниковъ и совершенно незначительнаго числа Нѣмцевъ, въ ней рѣдко встрѣчаются Латыши, и то скорѣе какъ пришлые, чѣмъ какъ коренные обитатели съ давняго времени.

Всѣ коренные обитатели описываемаго края, древніе Латыши искони вѣковъ были язычниками. Что касается возникновенія у нихъ православія, то положительно можно сказать, что оно начало существовать весьма скоро по принятіи его русскими князьями. Вскорѣ оно такъ окрѣпло здѣсь, что, когда Нѣмцы начали свои завоеванія, то уже въ XII вѣкѣ нашли во всемъ краѣ Ливоніи и Курляндіи православныхъ съ церквами и духовенствомъ, подчиненными Полоцкой епархіи. Особенно распространено было православіе по Двинскому побережью, начиная отъ Дрези до Иллукаста и далѣе до Якобштадта, гдѣ оно утвердилось съ давнихъ временъ. Но все-таки православію не суждено было неизмѣнно утвердиться въ данной мѣстности и въ послѣдующее время. Еще Ливонскій епископъ Альбертъ, сокрушивъ власть Герцисскаго князя Всеволода, уничтоживъ его столицу и разграбивъ ея церкви въ 1208 году, дѣлалъ смѣллыя попытки къ соращенію въ латинство православныхъ подданныхъ, между прочимъ, и въ Семигалліи. Въ полную же силу католичество начало входить въ упомянутой мѣстности со времени утвержденія верховныхъ правъ польскихъ королей надъ курляндскими герцогами. Со времени герцога Іакова католичество получило доступъ къ каждому городу. Утвердившіеся съ 1630 года въ Динабургѣ іезуиты ревностно пропагандировали свое исповѣданіе между латышскимъ и русскимъ населеніемъ всего Зельбургскаго уѣзда. Кого не удавалось совратить въ католицизмъ, того склоняли принять унію. Какъ вездѣ, такъ и здѣсь унія была въ рукахъ папъ и ихъ агентовъ — іезуитовъ искусною ловушкою для всѣхъ душъ простыхъ, но твердыхъ въ своемъ православіи. Въ 1596 г. въ нее уклонились 8 православныхъ архіереевъ юго-западной Россіи, въ томъ числѣ и полоцкіе. Каждый изъ нихъ старался распространить ее въ своей епархіи, и вслѣдствіе этого она въ XVII вѣкѣ явилась весьма опаснымъ врагомъ православія въ Курляндіи, особенно по Двинскому побережью¹⁾ среди русскаго населенія. Въ XVIII вѣкѣ во всѣхъ мѣстахъ польскаго владычества и вліянія, Курляндское правительство, помѣщики и духовенство, пропитанные фанатизмомъ іезуитовъ, — всѣ вооружились противъ православныхъ. На сеймахъ 1717 и 1733 годовъ положено было запрещеніе православнымъ строить свои церкви и занимать какія бы то ни было общественныя должности. Не удивительно послѣ всего этого, что, если папскій легатъ іезуитъ Антоній Пассевипъ, остановившись проѣздомъ въ 1582 году въ Иллукастѣ для совершенія литургіи въ самый первый день Пасхи, не нашелъ въ то время во всемъ городѣ и окрестностяхъ его ни одной души, ни одного дома римско-католическаго исповѣданія, то тамъ же въ концѣ XVII в. и въ XVIII оно настолько распространилось и утвердилось, что къ концу XVIII вѣка все населеніе было соращено въ латинство или унію²⁾.

Со времени послѣдняго раздѣла Польши, въ 1795 году, вся Курляндія отошла къ Россіи и съ того времени она, снова сдѣлавшись обладательницею всѣхъ принадлежавшихъ ей прежде (съ IX по XII в.) мѣстъ и племенъ Прибалтійскаго края, а въ

¹⁾ См. „Кое-что изъ прежнихъ занятій Павла, еписк. Псковскаго и Порховскаго“, стр. 58—60.

²⁾ См. тамъ же, стр. 72—77.

немъ и Семигальскаго округа, стала заботится о положеніи здѣсь православія и опредѣлила одинаковое право существованія его на ряду съ католичествомъ и униєю. Затѣмъ, въ славное царствованіе Императора Николая I въ Ригѣ учреждено было въ 1836 г. викаріатство, подвластное Псковской епархіи, а въ мартѣ мѣсяцѣ 11-го дня 1850 года Рижская епархія возведена на степень самостоятельнаго учрежденія¹⁾. Въ 1854 г. въ краѣ насчитывалось уже 154.213 православныхъ душъ и 138 церквей²⁾. Что же касается времени открытія Хрщевскаго прихода и построенія въ немъ церкви, то оно не можетъ быть опредѣлено въ точности. Въ чье имя освященъ былъ храмъ при своемъ возникновеніи и въ періодъ принадлежности его вѣдѣнію униатскаго духовенства, не извѣстно. Но со времени воссоединенія прихода въ 1839 году, Хрщевскій храмъ посвященъ Покрову Пресвятыя Богородицы.

¹⁾ См. тамъ же, стр. 92—100.

²⁾ См. тамъ же, стр. 105.

Сасмакенскій православный приходъ.

Сасмакенскій православный приходъ лежитъ въ сѣверной части Курляндіи, въ Тальсенскомъ уѣздѣ. Свое названіе этотъ приходъ получилъ отъ мѣстечка Сасмакена, географическое положеніе коего опредѣляется $37^{\circ}20'$ сѣверной широты и $40^{\circ}15'$ восточной долготы. Отъ губернскаго города Митавы Сасмакенъ отстоитъ въ 125 верстахъ, а отъ уѣзднаго города Тальсена — въ 16 верстахъ и въ полуверстѣ отъ Эрваленскаго озера. Образовалось это мѣстечко вѣроятно не раньше конца XVII вѣка.

Мѣстность какъ около церкви, такъ и въ окружности мѣстечка и по всему району Сасмакенскаго прихода не отличается ничѣмъ выдающимся. Вся мѣстность представляетъ сплошную низменность, мало возвышающуюся надъ уровнемъ моря, покрытую по мѣстамъ листованнымъ, а больше хвойнымъ низкорослымъ лѣсомъ. Мѣстами встрѣчаются и болота, съ которыхъ поднимаются зловредныя испаренія, ухудшающія и безъ того нездоровый климатъ этой мѣстности. Климатъ ли, почва ли, или же другія причины виною тому, что въ этой мѣстности очень много лепрозныхъ. По разсказамъ мѣстныхъ обывателей, такихъ больныхъ въ одной Эрваленской волости насчитывается до 50 человѣкъ.

Какъ мѣстность, не отличающаяся выдающимися природными особенностями, ни какими-либо удобствами въ стратегическомъ отношеніи, Сасмакенъ съ окруженіемъ за все время своего существованія ни разу не упоминается въ исторіи мѣстнаго края. Мало здѣсь встрѣчается и замковъ — памятниковъ временъ рыцарства и водворенія въ край нѣмецкихъ выходцевъ. Вся сѣверная Курляндія, отъ липи, проведенной отъ г. Тукума въ Кандаву, Пильтенъ и отъ него по рѣкѣ Виндавѣ до г. Виндавы, къ сѣверу до Домеснеса, составляла земли, обитаемыя мирными Куронами (*vrede sigoni*). Вслѣдствіе добровольной покорности мирныхъ Куроновъ пришельцамъ-Нѣмцамъ ихъ земли были избавлены отъ многихъ кровопролитныхъ битвъ. По этой же причинѣ въ мѣстности, этой сравнительно съ другими, находилось очень мало укрѣпленныхъ замковъ; изъ нихъ извѣстны: Тальсенъ, Лазенъ, Меркесъ, Синтелесъ и Дондангенъ, изъ коихъ до настоящаго времени сохранился только послѣдній, а на мѣстѣ Тальсенскаго замка образовался уѣздный городъ Тальсенъ. Вообще же историческихъ памятниковъ древности въ этой мѣстности, и въ частности въ районѣ Сасмакенскаго прихода, не осталось никакихъ, какъ не осталось и самихъ Куроновъ, обитавшихъ здѣсь.

Племя Куроновъ, Куровъ (по русской лѣтописи Корь), отъ которыхъ получила свое названіе и Курляндія (земля Куровъ), было отраслью финскаго племени, что доказывается ихъ языкомъ и бытомъ. Языкъ Куровъ былъ очень схожъ съ языкомъ Эстовъ,

и они легко понимали сихъ послѣднихъ. Съ теченіемъ времени они смѣшались съ латышско-литовскими сосѣдними племенами и въ настоящее время совсѣмъ исчезли, олатышились. На прежнихъ обитателей — Куровъ указываютъ названія мѣстностей всей сѣверной Курляндіи, но названія эти уже передѣланы на латышскій ладъ. Такъ, на примѣръ, названія Мунъ-демъ, Коель-демъ, Кергель-демъ, Кюль-демъ, Парсе-демъ, Ирке-демъ, Тараль-демъ, Вирне-демъ, Кюрбе-демъ прямо указываютъ на свое нелатышское происхожденіе. Точно такъ же обиліе, сравнительно съ другими мѣстами, большихъ сель напоминаетъ характеръ финскихъ племенъ селиться подобнымъ образомъ. Наконецъ, и самый языкъ нынѣшнихъ обитателей сѣверной Курляндіи указываетъ на прежній народъ. Латышскій языкъ передѣланъ въ произношеніи на эстонскій ладъ: болѣе скорое произношеніе, опущеніе окопчаній и неполное произношеніе шипящихъ буквъ. Куры, или Куроны, надо полагать, обитали не только въ сѣверной части Курляндіи, но и на близъ лежащемъ островѣ Эзелѣ, который сами туземцы еще и теперь называютъ Киге-зааг, т. е. островъ Куровъ. Но эзельскіе Куры обѣстонились, какъ и курляндскіе олатышились. Въ настоящее время довольно значительное число лицъ обоого пола выселяется съ острова Эзеля на материкъ въ Курляндію и дружелюбно сходится съ тамошнимъ населеніемъ, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ Прибалтійскаго края замѣчается враждебность отношеній между Латышами и Эстами тамъ, гдѣ имъ приходится сталкиваться.

Главное занятіе жителей, какъ въ прежнее время, такъ и теперь составляетъ земледѣліе и сопряженное съ нимъ разведеніе въ необходимой мѣрѣ домашняго скота, безъ котораго крестьянинъ хозяйствовать не можетъ. Кромѣ того прибрежные жители занимаются рыболовствомъ и каботажнымъ судоходствомъ, доставляютъ въ большіе города булыжный камень, лѣсъ въ разныхъ видахъ, песокъ, а также произведенія мѣстнаго хозяйства: разное зерно и картофель. Въ прежнее время, когда страна изобиловала лѣсами, удобно было заниматься охотою и пчеловодствомъ, но въ настоящее время охота составляетъ привилегію лишь помѣщиковъ-бароновъ, а пчеловодство развито и поддерживается въ очень незначительной степени. Обрабатывающей промышленности не встрѣчается за исключеніемъ того, сколько требуется для своего домашняго обихода. Въ этомъ отношеніи необходимо упомянуть о производствѣ особаго рода узорчатыхъ шерстяныхъ и полшерстяныхъ одѣялъ и покрывалъ для домашнихъ же пуждъ. Эти одѣяла, аршина въ $2\frac{1}{2}$ —3 длиною и до 2 аршинъ шириною, выдѣлываются съ такими затѣйливыми узорами и такимъ совершенствомъ, что трудно отличить отъ фабричныхъ издѣлій того же рода.

Около 1795 г. и еще раньше, изъ сосѣдней Лифляндіи, стали появляться въ Курляндіи русскіе люди. Это были обыкновенно бѣглецы, спасавшіеся отъ тяжелой жизни у своихъ помѣщиковъ. Уже въ 1765 году сдѣлаво было Курляндскому герцогскому правительству представленіе о выдачѣ бѣглыхъ людей, проживавшихъ въ Курляндіи. Но представленіе это, не было уважено, потому что герцогское правительство не имѣло никакого серьезнаго значенія между помѣщиками, а эти послѣдніе охотно принимали къ себѣ бѣглыхъ, и если тѣ были хорошими работниками, то не выдавали ихъ никому.

Бѣглецы люди селились обыкновенно на помѣщичьихъ земляхъ, въ помѣщичьихъ

усадеббахъ и тутъ составляли свою общину и первоначально не смѣшивались съ туземнымъ населеніемъ. Такая община русскихъ бѣглыхъ и частію дворовыхъ крѣпостныхъ людей существовала въ районѣ теперешняго Сасмакена прихода, а именно въ имѣніи Тингернъ, отстоящемъ отъ Сасмакена въ 12 верстахъ. Свѣдѣнія о томъ находимъ подъ 1802 годомъ въ архивныхъ дѣлахъ Рижской духовной консисторіи. Свѣдѣнія эти слѣдующія.

Въ 1802 году имѣніе Тингернъ принадлежало нѣкоему иностранному купцу Ивану Николаеву Баху, который переселился въ это имѣніе изъ Петербурга. Прибыль онъ сюда съ женою, православною, и нѣкоторыми своими крѣпостными дворовыми людьми, также православными. Эти дворовые Баховы люди, вмѣстѣ съ другими бѣглыми русскими православными людьми, проживавшими въ имѣніи Тингернъ, составляли всего около 80 душъ обоого пола. Бахъ, какъ видно, былъ человекъ добрый и сочувствовавшій этимъ заброшеннымъ въ далекой иновѣрный край людямъ. По просьбѣ ли ихъ, или же своей жены, онъ устроилъ для нихъ во флигелѣ близъ своего дома домовую церковь или вѣрпѣ часовню, снабдивъ ее иконостасомъ, утварью и даже двумя небольшими колоколами. Заботы Баха о своихъ людяхъ пошли и еще дальше: онъ хотѣлъ позаботиться для нихъ и о священникѣ, который хотя бы временно являлся въ Тингернъ и могъ бы удовлетворять духовнымъ нуждамъ проживавшихъ здѣсь православныхъ людей. Такъ какъ въ то время Курляндія и весь Прибалтійскій край числился въ составѣ Псковской епархіи, то Бахъ въ декабрѣ мѣсяцѣ 1802 года обратился съ просьбою объ осмотрѣ и освященіи приготовленнаго помѣщенія и утвари къ высокопреосвященнѣйшему Иринею, архіепископу Псковскому, Лифляндскому и Курляндскому съ слѣдующимъ прошеніемъ.

„Въ епархіи вашего высокопреосвященства въ Курляндіи имѣю я свою деревню, называемую Тингернъ, въ которой находится греко-россійскаго исповѣданія крестьянъ и моихъ при домѣ служителей около восьмидесяти душъ обоого пола, для которыхъ какъ въ помянутой моей деревнѣ, такъ и по близости греческаго исповѣданія церкви и священника нѣтъ, отчего какъ оныя мои крестьяне, такъ и немалое число около живущихъ въ другихъ деревняхъ того же исповѣданія находятся безъ церкви, священника и безъ таинствъ, а оттого по большей части уклоняются въ разные толки раскола. Для пресѣченія сего и чтобы оныя добрые люди могли имѣть нужное по вѣрѣ руководство и спасительныя таинства, построилъ я при своемъ домѣ въ приличномъ мѣстѣ большую залу, гдѣ и намѣренъ устроить греко-россійскаго исповѣданія церковь съ утварью, на моемъ собственномъ содержаніи. Того ради ваше высокопреосвященство симъ покорнѣйше прошу, кому слѣдуетъ, предписать оную приготовленную мною для греко-россійской церкви залу и церковную утварь осмотрѣть и по правиламъ освятить, а поелику священника содержать при маломъ приходѣ неудобно, для того имѣю я намѣреніе призывать временно для отправленія Божіей службы священника отъ другихъ приходоѡ. А для присмотра за церковью и утварью намѣренъ я выбрать и опредѣлить двухъ того же исповѣданія пожилыхъ лѣтъ и добраго поведенія крестьянъ. Того ради прошу ваше высокопреосвященство сіе мое прошеніе принять и учинить милостивую архипастырскую резолюцію“.

Резолюціею высокопреосвященнѣйшаго Иринейа это дѣло было передано на разсмотрѣніе Псковской духовной консисторіи, которая опредѣлила: разузнать чрезъ Курляндское губернское правленіе, сколько всѣхъ душъ въ окружности Тингерна православнаго исповѣданія, въ какомъ разстояніи отъ Митавы, откуда намѣренъ проситель призывать причтъ для отправленія богослуженія, да на какомъ основаніи и кто до сего времени исправлялъ требы у тѣхъ православныхъ лицъ. Иначе говоря, дѣло это было сдано въ руки Нѣмцевъ и отложено въ долгій ящикъ. Къ тому же въ это время вопросъ о расколѣ особенно занималъ и даже тревожилъ высшее правительство: о раскольникахъ собирались всякаго рода свѣдѣнія, объ нихъ производились изслѣдованія, явныя и секретныя; Святѣйшій Синодъ былъ въ страхъ не только отъ появленія раскола, но и отъ разныхъ иногда даже воображаемыхъ козней его. Поэтому, дѣло по прошенію Баха объ устройствѣ въ имѣніи Тингернъ домовою церкви, при чемъ упоминалось объ уклоненіяхъ въ расколъ, вызвало лишь безплодную переписку.

Курляндское губернское правленіе, къ которому обратилась Псковская духовная консисторія, въ свою очередь затребовало свѣдѣній отъ Пильтенской ландратской коллегіи, а сія послѣдняя опять затребовала отъ Баха же. Копію съ отъѣзда Баха Курляндское губернское правленіе и препроводило въ Псковскую духовную консисторію.

Неизвѣстно, какой послѣдовалъ отвѣтъ со стороны Псковской духовной консисторіи на отъѣздъ Баха. Извѣстно только то, что устроенная г. Бахомъ въ имѣніи Тингернъ церковь освящена не была. Извѣстно также, что Тингернская церковь, въ томъ видѣ, какъ ее устроилъ г. Бахъ, не смотря на все просуществовала до 1846 года, т.-е. слишкомъ сорокъ лѣтъ.

Не добившись официальнаго признанія Тингернской церкви, г. Бахъ все-таки поддерживалъ ее въ порядкѣ и время отъ времени, смотря по обстоятельствамъ, приглашалъ священниковъ изъ ближайшихъ приходоу для совершенія богослуженія и требоисправленія. Безъ сомнѣнія, службу и требы исправляли въ ней и полковые священники, находившіеся съ нижними чинами на постой въ имѣніи Тингернъ.

О томъ, что случилось съ Тингернскою церковію послѣ 1846 года, паходимъ свѣдѣнія въ рапортѣ Либавскаго священника, о. Іоанна Пospѣлова, представленномъ имъ въ Лифляндское духовное правленіе, отъ 13 іюля 1848 года. На обязанности о. Пospѣлова лежало объѣзжать расположенные по берегу Балтійскаго моря, къ сѣверу отъ Либавы и частію по западному берегу Рижскаго залива кордоны пограничной стражи. Вѣроятно въ одну изъ такихъ поѣздокъ онъ узналъ о существованіи Тингернской церкви, затѣмъ лично ее осмотрѣлъ, и вотъ что доносить духовному правленію.

„Въ іюль 1847 года я отправился въ мызу Тингернъ для осмотра церкви, устроенной Бахомъ въ началѣ столѣтія, пригласивъ съ собою и учителей Газеппотскаго Кокова и Либавскаго Гуткова, которымъ имѣнія Тальсенскаго уѣзда и помѣщики довольно были извѣстны. По прибытіи въ м. Тингернъ, осмотрѣлъ залу, устроенную во флигелѣ, въ коей находилась православная церковь, при жизни первой жены Баха, — православной. Св. иконъ не оказалось и надъ воротами устроенная колокольня въ 1846 году уничтожена, а два небольшихъ колокола въ цѣлости. Крестьянинъ старецъ Ивапъ Бухаревъ, православный, проживающій въ этомъ имѣніи съ 1802 года, рассказывалъ, что „при по-

койной нашей помѣщицѣ была для насъ, крестьянъ, устроена православная церковь и полковые священники нѣсколько лѣтъ служили, находясь съ нижними чинами въ имѣніи; а по смерти ея, это имѣніе продали въ 1846 году Дондангепскому помѣщику Саккепу, вынесли св. иконы и всѣ церковныя вещи, а новый помѣщикъ Саккеиъ, уничтожилъ надъ воротами находившуюся колокольню“.

Такъ печально окончилась попытка Баха устроить въ своемъ имѣніи православную церковь для своихъ русскихъ людей. Уже въ 1848 году отношеніемъ своимъ отъ 4 октября Прибалтійскій генераль-губернаторъ князь Суворовъ увѣдомлялъ преосвященнѣйшаго Филарета I и доставилъ при этомъ и списки православныхъ отъ Тальсенскаго и другихъ гауптмановъ, по которымъ оказывалось, что въ имѣніи Тингернъ и мѣстечкѣ Сасмакенѣ нѣтъ ни одного православнаго.

Открытіе нынѣшняго православнаго прихода въ мѣстечкѣ Сасмакенѣ послѣдовало во второй половинѣ 1885 года, а церковь была устроена къ 1890 году, въ каковомъ году и была освящена во имя св. Предтечи и Крестителя Господня Іоанна. Церковь возведена изъ булыжнаго камня и облицована краснымъ кирпичомъ. Главъ на ней пять а надъ входомъ устроена колокольня.

Ризницею и утварью церковь снабжена въ необходимой мѣрѣ; изъ вещей и древнихъ замѣчательно одно напрестольное Евангеліе, менѣе листа въ величину, въ зеленомъ бархатѣ, съ мѣдными обложками на крышкахъ. Евангеліе это печатано въ г. Москвѣ въ 1657 году, при патріархѣ Никонѣ, въ царствованіе Алексѣя Михайловича.



Церковь святителя и чудотворца Николая Мирликийскаго въ г. Ревелѣ.

Священника Николая Цвѣтикова.

Ревель, по-эстонски Таллинъ отъ Тани-Линъ (городъ Датчанъ), главный городъ старинной Эстоніи — нынѣшней Эстляндіи. Онъ красиво расположенъ на берегу Финскаго залива и находится подъ $59^{\circ} 26' 22''$ с. широты и подъ $42^{\circ} 19' 15''$ в. долготы, въ 359 верстахъ отъ С.-Петербурга. Климатъ въ Ревелѣ перемѣнчивъ и не особенно пріятенъ по причинѣ болотнаго и маловозвышеннаго мѣстоположенія надъ моремъ. Весною, осенью и въ декабрѣ бываютъ сильныя бури: самый сильный вѣтеръ дуетъ съ сѣверо-запада. Зима обыкновенно наступаетъ въ концѣ ноября и продолжается до апрѣля; сильныя морозы бываютъ въ январѣ, и температура падаетъ иногда до 24° по Реомюру. Сравнительно большіе жары бываютъ въ концѣ іюня. Воздухъ въ Ревелѣ чище, нежели въ сосѣднихъ мѣстахъ, и несмотря на то, что почва болотистая, — сырость и туманъ случаются рѣдко, что весьма благопріятно отзывается на здоровье мѣстныхъ жителей. Коренные жители города Ревеля и окрестностей его называются Эстами, Русскіе зовутъ ихъ Чухнами, а сами себя они называютъ таагаһwas (народъ земли, туземцы). Эсты — финскаго племени, и какъ всѣ финскія племена по характеру не общительны, подозрительны, не любятъ перемѣнъ, наклопы къ тихому семейному быту и не лишены плодовитаго воображенія, о чемъ свидѣтельствуютъ ихъ богатые содержаніемъ поэтическіе вымыслы. Эти племенные качества вмѣстѣ съ сѣверною угрюмою природою и отдаленіемъ отъ народовъ образованныхъ были причиною того, что Эсты, какъ и всѣ финскія племена, такъ долго не могли подняться на болѣе высокія ступени общественнаго развитія и почти нигдѣ не создали самобытной государственной жизни. По словамъ нѣмецкихъ лѣтописцевъ, Эсты были свирѣпы, но вмѣстѣ съ тѣмъ сильны, мужественны и болѣе способны къ сопротивленію, нежели Латыши. Земля Эстовъ до нѣмецкаго нашествія раздѣлялась на округа, а округа на келеконды или кихельконды. Описываемый нами округъ назывался Ревеле съ замкомъ Ливданисса, нынѣшній Ревель. Слово килекондъ, или теперь по-эстски кихелькондъ (приходъ), по мнѣнію нѣкоторыхъ, значитъ „община жребія“, потому что отдѣльныя селенія посредствомъ жребія соединялись для взаимной помощи и защиты. Въ каждой килекондѣ былъ свой городъ. Города эти строились не для жительства и торговли, а служили мѣстами

убѣжища для народа во время войны. Они строились всегда или на горѣ, или же въ неприступномъ болотѣ, или же на островѣ озера или рѣки. Городъ окружался толстою, каменною или земляною стѣною, на которой дѣлалась еще крѣпкая деревянная стѣна изъ бревенъ. Во время войны въ городѣ скрывали женъ, дѣтей, стариковъ и все имущество. Способные къ оружію встрѣчали враговъ въ полѣ, но въ случаѣ невозможности устоять въ открытомъ полѣ они уходили въ городъ и защищали его на стѣнахъ, бросали оттуда на осаждающихъ камни, бревна и горячую смолу. Замокъ Линданисса, какъ предполагаютъ, былъ построенъ въ 1194 или въ 1196 году королемъ Канутомъ VI, во время его нашествія на Эстонию. Въ 1219 г. Датскій король Вольдемаръ II присталъ съ большимъ войскомъ къ укрѣпленному замку Линданиссу, разбилъ Эстовъ, построилъ новый замокъ вмѣсто стараго, названный Ревелемъ по тамошнему названію окружающей страны, которая уже прежде, по словамъ Генриха Латышскаго, носила это имя (Приб. сб., т. I, стр. 15).

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что до 1219 года Русскіе были знакомы съ названнымъ краемъ и имѣли здѣсь свои поселенія. Вопросъ о давности поселенія Русскихъ въ Колывани, каковымъ именовъ, какъ извѣстно, Ревель искони называется въ нашихъ русскихъ лѣтописяхъ, тѣсно связанъ съ вопросомъ появленія православнаго храма святителя и чудотворца Николая. Связь этихъ двухъ вопросовъ обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Николаевскій храмъ былъ вызванъ къ жизни, какъ мы увидимъ изъ дальнѣйшаго хода его исторіи именно первыми Русскими поселенцами въ Колывани. Всѣ наши отечественные историки, когда затрогиваютъ вопросъ о давности плаванія Русскихъ по Варяжскому морю, единогласно свидѣтельствуютъ, что начало такихъ плаваній теряется въ туманной дали вѣковъ, предшествующихъ XII столѣтію. И такое явленіе совершенно естественно. Еще въ доисторическія свои времена, Новгородскіе Славяне вполне освоились съ торговыми предпріятіями на сѣверѣ и востокѣ отъ Новгорода¹⁾. Они вели торговлю и среди чудскихъ племенъ въ сказачной Біарміи и въ Булгарахъ на Волгѣ²⁾. Своимъ гражданскимъ и политическимъ значеніемъ, на первыхъ шагахъ нашей народнои исторіи, Новгородъ прежде всего обязанъ своей торговли, совершавшейся на далекихъ разстояніяхъ. Въ этомъ сказывалась его жизнь и значеніе среди окружающихъ его племенъ. Первые попытки къ плаванію на западъ со стороны Новгородцевъ могли начаться съ того времени, какъ они покороче познакомились съ Варягами. Извѣстно, что еще въ X вѣкѣ князь Владимиръ, опасаясь дурныхъ намѣреній своего брата Ярополка, бѣжалъ изъ Новгорода за море къ Варягамъ, откуда потомъ возвратился съ значительною варяжскою дружиною, помогшею ему утвердиться на Кіевскомъ престолѣ. По сообщенію Новгородской лѣтописи, мы узнаемъ также, что въ 1130 г. семь новгородскихъ людей съ товарами погибли отъ бури въ Варяжскомъ морѣ, и торговцы возвратились домой хотя здоровые, но голые³⁾. Въ 1134 г. Нов-

¹⁾ Гаркави, Сказанія мусульманскихъ писателей о Славянахъ и Русскихъ. С.-Пб. 1870.

²⁾ Костомарова, Сѣверное Рус. Народопрравство. Бережковъ — О торговлѣ Русскихъ съ Ганзою. С.-Пб. 1879.

³⁾ Новгород. 1 лѣт., 2.

городцевъ удержали въ Даниі¹⁾. Въ 1154 г. при осадѣ города Шлезвига Датскимъ королемъ Свеномъ IV послѣдній захватываетъ многіе русскіе корабли и товарами съ нихъ расплачивается, вмѣсто жалованья, со своими войсками²⁾. Въ 1118 г., когда произошла распря между Новгородцами и заморскими гостями, то Новгородцы не пустили своихъ за море³⁾. Изъ грамоты Нѣмецкаго императора Фридриха, данной городу Любеку, въ XII в., видно, что въ числѣ иноземцевъ, посѣщавшихъ этотъ городъ, упоминаются и Русскіе, и притомъ на первомъ мѣстѣ⁴⁾. На островѣ Готландѣ, гдѣ процвѣталъ торговый городъ Висби, мы видимъ Новгородцевъ, въ числѣ другихъ Русскихъ, торговыми гостями, которые имѣютъ тамъ даже свой православный храмъ⁵⁾. Это послѣднее обстоятельство подтверждается договорною грамотою Новгородскаго князя Ярослава Владимировича, княжившаго отъ 1189 — 99 г.⁶⁾. Вообще торговые договоры XII и XIII вѣка показываютъ, что Новгородцы посѣщали Готландъ, Любекъ, Юлинь и другіе прибалтійскіе города довольно часто потому что предупреждаются въ этихъ договорахъ разныя случайныя столкновенія, которыя могли возникать только при достаточномъ знакомствѣ со страной и ея жителями, напр. оскорбленіе женщинъ, ссоры, сопровождавшіяся разодраніемъ платья и т. п. Указаніе на то, какой судъ долженъ соблюдаться надъ Новгородцами въ чужой землѣ, показываетъ, что Новгородцы не только на короткое время посѣщали тѣ края, но и проживали тамъ ради своихъ дѣлъ⁷⁾. Всѣ эти историческія данныя говорятъ не о случайномъ какомъ-либо появленіи Новгородцевъ въ чужихъ земляхъ, а о томъ, что ихъ торговыя предпріятія носятъ характеръ твердо установившагося здѣсь дѣла, и притомъ не со вчерашняго дня⁸⁾. Нѣтъ сомнѣнія, что Новгородцамъ, начавшимъ плаваніе по Балтійскому морю, на первыхъ порахъ приходилось придерживаться тѣхъ же путей, по которымъ направлялись къ намъ и Варяги и по которымъ они возвращались домой. Выходя изъ Невы и плывя по Финскому заливу, приходилось останавливаться тамъ, гдѣ это было удобно и гдѣ предшественниками Новгородцевъ по морскому пути уже были намѣчены мѣста для остановокъ. И такъ какъ мѣстами остановокъ могли быть по преимуществу пункты населенные, и притомъ такіе, гдѣ можно было производить торговлю съ туземцами, то понятно, что Новгородцы не могли миновать такихъ пунктовъ. При выходѣ изъ Финскаго залива въ Балтійское море, тамъ, гдѣ теперь стоитъ Ревель, какъ уже выше сказано, давно существовало укрѣпленное поселеніе приморской Чуди — *Линданисса*. Для Новгородцевъ приморская Чудь, паселявшая Линданиссу, не могла быть чуждымъ племенемъ, потому что дома у себя они жили бокъ о бокъ съ тою же Чудью, мало чѣмъ отличавшейся отъ приморской. И вотъ эта Линданисса и служила для Новгородцевъ мѣстомъ пристани и пунктомъ иноземной торговли съ туземцами Эстоніи.

1) Тамъ же.

2) Карамзинъ, т. III, стр. 212.

3) Костомаровъ, Сѣвер. народопр. Руси, т. II, стр. 214.

4) См. Карамзинъ, прилож. къ III т., стр. 243.

5) Карамзинъ, т. III, стр. 243.

6) Напьерскій, Русск.-Лив. Акты, изд. Археогр. Комм.

7) Костомаровъ, Рус. сѣвер. народопр., т. II, стр. 214.

8) Тамъ же — договоръ князя Ярослава Владимировича.

Какъ давно поселились Русскіе въ Колывани? На это мы находимъ отвѣтъ въ словахъ царя Іоанна Васильевича Грознаго, когда онъ на притязанія датскихъ пословъ, во время Ливонской войны¹⁾ говоритъ имъ: „тому уже шесть сотъ лѣтъ, какъ великій государь русскій Георгій Владимировичъ, именуемый Ярославомъ, взялъ Ливонскую землю всю и въ свое имя поставилъ Юрьевъ; въ Рягѣ и Колывани церкви русскія и дворы поставилъ“.

Позднѣ русская торговля, постепенно вытѣсняемая Ганзейскимъ союзомъ, исподволь вымирала и переходила въ руки Нѣмцевъ по всему Балтійскому морю. Въ нашихъ позднѣйшихъ лѣтописяхъ къ одиночному слову „Колывань“, точно опредѣлявшему въ старину характеръ и значеніе новгородскаго поселенія на сѣверо-западной окраинѣ Ливоніи, стало присоединяться очень часто: „Русскій конецъ въ Колывани“.

Какимъ бы именемъ не называлось новгородское поселеніе на мѣстѣ нынѣ существующаго Ревеля — русскимъ ли концомъ въ Колывани, просто ли Колыванью, но, какъ поселеніе христіанское, оно не могло обойтись безъ своего храма.

Подобное предположеніе основывается съ одной стороны на постоянныхъ намекахъ и положительныхъ сказаніяхъ мѣстныхъ архивныхъ ревельскихъ документахъ XIV вѣка о русскомъ храмѣ, какъ издавна существующемъ въ городѣ, а съ другой стороны на русскихъ требованіяхъ древнѣйшихъ договорныхъ грамотъ — держать храмъ въ Колывани по старинѣ. Уже въ началѣ XII вѣка, папа Григорій IX Русскихъ въ Колывани и по другимъ мѣстамъ Эстоніи обзываетъ не язычниками, на ряду съ Эстонцами, а *новообращенными*²⁾, при чемъ разумѣть можно пропаганду его легатовъ, стремившихся православныхъ Русскихъ по Эстоніи завлечь въ католичество. Гдѣ же творилась эта пропаганда, и если извѣстно что на островѣ Готландѣ, въ городѣ Висби, въ половинѣ XII вѣка существовалъ православный храмъ, почему же въ это время не могъ быть храмъ въ Колывани?

Въ 1184 г. члены общаго купечества, имѣвшаго свой центръ на островѣ Готландѣ, устрояютъ въ Новгородѣ католическій храмъ свв. апостоловъ Петра и Павла³⁾. При этомъ иноземные купцы, наученные посадникомъ Добрынею, выговариваютъ себѣ право имѣть свой храмъ въ Новгородѣ слѣдующими словами: „*только нашей божницы храму верховныхъ апостолъ Петра и Павла не быти у васъ въ великомъ Новгородѣ и по вашимъ церквамъ у насъ по нашимъ городамъ не быти жъ*“⁴⁾. По какимъ это городамъ на пути къ Готланду, гдѣ завѣдомо существовала православная церковь, могли быть у Новгородцевъ свои православные храмы, на которые бы могло готландское купечество наложить запретъ? Не таятся ли здѣсь намекъ на русскій храмъ въ Колывани, или что то же, въ Линданиссѣ, гдѣ купечество съ Готланда въ концѣ XII вѣка уже успѣло укрѣпиться на мѣстѣ?

Во всякомъ случаѣ мы не знаемъ на этомъ пути никакого другого торговаго пункта, кромѣ Колывани, или Старой Линданиссы, гдѣ бы Новгородцы могли торговать, а тѣмъ

1) Соловьева, т. XIV, стр. 154.

2) См. недавно открытый документъ въ Ватиканскомъ архивѣ г. Гильдебрантомъ.

3) Пол. соб. рус. лѣтоп., III, стр. 216.

4) См. Памяти. старинной русской литературы, т. I, стр. 251—253.

паче заводитъ свой храмъ. Не забудемъ, что раньше членовъ общаго купечества съ Готландъ, открывавшихъ свой дворъ и церковь въ Новгородѣ въ концѣ XII в., тамъ же съ давнихъ поръ существовалъ Готскій, или Варяжскій дворъ тоже со своею церковью св. Олафа. Уже въ 1060 году въ Ладогѣ, по свидѣтельствамъ скандинавскихъ сагъ, жили готскіе купцы и построили католическую церковь¹⁾. Иодобнаго рода явленія, свидѣтельствующія о давности иновѣрныхъ храмовъ въ новгородскихъ земляхъ, побуждаютъ насъ думать, что по чувству справедливости и взаимности религиозныхъ нуждъ и Новгородцы могли себѣ выговаривать на чужбинѣ то, что давали у себя дома пріѣзжимъ заморскимъ купцамъ. И въ самомъ дѣлѣ, странно было бы предположить, что новгородскіе купцы, безспорно плававшіе по Варяжскому морю въ XII в. и ранѣе того устроившіеся, какъ мы видѣли, поселеніемъ подъ Линданиссою, не озаботились бы устройствомъ храма на мѣстѣ своего поселенія въ иноземчинѣ, именно въ то время, когда этимъ самымъ иноземцамъ давали у себя дома мѣста подъ постройку дворовъ и церквей. Въ виду всѣхъ приведенныхъ историческихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о возможности возникновенія православнаго храма въ Колывани во времена, предшествующія XIII стол., мы нисколько не сомнѣваемся въ томъ, что свидѣтельство царя Ивана Васильевича Грознаго есть дѣйствительный историческій фактъ²⁾.

Во время завоеванія Эстоніи въ 1219 г. и построенія на мѣстѣ древней Линданиссы новаго замка Ревеля, Датчане встрѣтили готовое русское поселеніе, именуемое у туземцевъ Вендеверъ. Найдя поселеніе довольно упрочившимся и обособившимся въ свои исключительныя славянскія формы, что и давало имъ нѣкоторое право называть поселеніе богатою деревнею, Датчане пощадили поселеніе въ видахъ торговыхъ и политическихъ расчетовъ, и какъ одну изъ частей, способныхъ служить зачаткомъ будущаго города.

Пощадивъ поселеніе, они должны были сохранять и святыню его. А такую святыню для Вендеверъ былъ православный храмъ, подъ сѣнію котораго группировалось христіанское славянское поселеніе, тѣмъ болѣе, что это былъ храмъ тѣхъ самыхъ Новгородцевъ, которые и въ Ладогѣ, и въ Новгородѣ давали пріютъ и привилегіи храмамъ иноземныхъ заморскихъ купцовъ. Вотъ почему древній православный храмъ Ярославовъ могъ оставаться цѣлымъ и невредимымъ и въ минуты водворенія новой власти въ Колывани, въ началѣ XIII столѣтія.

Подъ какимъ же именемъ существовалъ древнѣйшій русскій православный храмъ въ Колывани?

До пятнадцатаго столѣтія мы нигдѣ не встрѣчаемся съ наименованіемъ храма. Если въ договорныхъ грамотахъ и при заключеніи мирныхъ условій гдѣ и говорится о немъ, то упоминается просто, какъ о русской церкви въ Колывани. Безъ всякаго сомнѣнія древнѣйшій православный храмъ имѣлъ то же самое имя, которое онъ носитъ и теперь. Въ этомъ убѣждаетъ насъ, во-первыхъ, то обстоятельство, что, такъ какъ храмъ существовалъ для нуждъ и потребностей новгородскихъ купцовъ, пріѣзжавшихъ

1) Славянское Ист. обозр. торг. снош. Новгорода съ Готландомъ и Любекомъ.

2) Вышеприведенныя слова царя Ивана Васильевича Грознаго и Соловьева.

по началу въ Колывань только морскимъ путемъ, и вообще вся торговля и развитіе ея совершались при посредствѣ моря, то первые наши мореплаватели-христіане, колонизируя пункты приморскіе, далеко ушедшіе отъ метрополіи, невольно должны были подчиниться, при наименованіи храма, въ минуты его созданія общимъ христіанскимъ убѣжденіямъ.

Вездѣ въ христіанскомъ мірѣ святитель Николай Мирликійскій почитается вѣрующими покровителемъ и защитникомъ во время морскихъ странствованій. Объ этомъ не могли не знать и наши предки. Поручая себя покровительству угодника Божія, во время своихъ морскихъ путешествій, они не могли забыть его при созданіи храма во славу Божію на берегахъ Варяжскаго моря, куда они благополучно приплывали и гдѣ счастливо торговали. Съ другой стороны, ни въ нашихъ старинныхъ лѣтописяхъ, ни въ мѣстныхъ хроникахъ и архивныхъ документахъ, мы нигдѣ не встрѣчаемъ русскаго храма въ Колывани подъ другимъ именемъ, кромѣ названія — Николаевская церковь.

Въ старинныхъ ревельскихъ документахъ, сохраняющихся въ архивѣ мѣстнаго магистрата, о русской церкви въ городѣ упоминается съ 1371 года, а до этого времени имя ея встрѣчается въ этихъ документахъ только мимоходомъ. Впрочемъ по существу содержанія самыхъ документовъ и не могло быть иначе ибо документы эти суть ипотечныя записи обывателей, имѣвшихъ свои дома вблизи старинной русской церкви.

Какъ ни кратки эти упоминанія, но они драгоценны для исторіи Ревельской Николаевской церкви въ томъ отношеніи, что даютъ намъ въ руки ключъ, при помощи котораго мы можемъ опредѣлить мѣстонахожденіе ея въ древности, а затѣмъ они удостовѣряютъ, что церковь эта не случайное зданіе, только что возникшее въ данной мѣстности во время ипотечныхъ записей, а издавна существовавшее, около котораго тѣснились жилища обывательскія помѣщенія. По сличеніи упомянутыхъ ипотечныхъ записей, какъ между собой, такъ и съ другими документами, которые указываютъ на ближайшее сосѣдство съ домовладѣльцами вблизи русской церкви, оказывается, что мѣсто, гдѣ она была построена, находилось между Олаевскою киркою и городскою стѣною, ближе къ Морской улицѣ. Близъ церкви стояла башня городской стѣны, впоследствии снятая. Стало-быть, мѣсторасположеніе прежней старинной русской церкви было то самое, которое мы теперь называемъ Брокусовой горой. Но съ тѣхъ поръ прошло много времени и мѣстность эта уже съ давнихъ поръ занята сплошными частными обывательскими домами иновѣрцевъ, и мы не видимъ здѣсь даже малѣйшихъ слѣдовъ древнѣйшаго существованія нашего храма. Но такъ какъ на данной мѣстности онъ существовалъ безспорно, то нужно полагать, что въ отдаленнѣйшее время и самое поселеніе русское, носившее названіе русскаго конца въ Колывани, находилось тутъ же.

Впослѣдствіи вытѣсняемый новыми пришельцами Нѣмцами съ давно насиженнаго мѣста, русскій конецъ спускался все ниже и ниже подъ гору на мѣста менѣе желательныя для господствующаго населенія, доколѣ не вытянулся вдоль Никольской улицы, отъ того и получившей названіе Русской, которое она носитъ и доселѣ. Сюда же позднѣе, и вѣроятно всего послѣ большого пожара, уничтожившаго Ревель въ 1433 г., перенеслась и русская церковь святителя Николая.

Вотъ почему въ 1437 году мы уже не находимъ никакихъ слѣдовъ русской старинной церкви на Брокусовой горѣ, на что глухо указываетъ г. Нотбекъ въ своихъ изслѣдованіяхъ о старинныхъ постройкахъ города.

Между годами 1433 и 1437 русскіе торговцы выстроили новую церковь во имя святителя Николая на томъ мѣстѣ, гдѣ она и теперь находится¹⁾. Къ этому времени относятся пререканія между Новгородомъ и Ревельскимъ магистратомъ. Старшины нѣмецкаго двора въ Новгородѣ, Бролипъ, Ноенлоэ и Потгофъ пишутъ въ Ревельскій магистратъ, что Новгородъ позволить лишь въ томъ случаѣ провести подземныя трубы для осушенія тамошняго нѣмецкаго двора, если Русскіе будутъ имѣть въ Ревелѣ въ своей церкви выходную дверь на улицу. Слѣдовательно, русская церковь, какъ инославная для жителей города, не пользовалась полною терпимостію. Но не одни подобнаго рода стѣсненія приходилось переносить церкви. Исторически можно услѣдить, что церковь св. Николая пользовалась относительнымъ благосостояніемъ тогда только, когда существовалъ миръ между московскими государями и ордепомъ. Во время раздоровъ Ливонцевъ съ Русскими православныя храмы въ Ливоніи подвергались разнаго рода стѣсненіямъ и оскорбленіямъ, каковой участи не избѣгала и Николаевская церковь въ Колывани.

Въ 1478 году Новгородцы утратили свою самостоятельность, ганзейская торговля въ Новгородѣ и Колывани стала падать, и безсиліемъ и потерю авторитета Новгородцами Нѣмцы умѣли воспользоваться. Къ этому же времени относится опустошительная война между гордыми рыцарями Ливоніи и великимъ княземъ Иваномъ Васильевичемъ за право обладанія Ливоніею, и годы съ 1478 по 1482, т.-е. со времени паденія Новгорода до заключенія перемирія съ рыцарями, были тяжкими для Русскихъ въ Колывани.

Въ 1491 году Московскій Государь требуетъ чрезъ Ливонскаго магистра, чтобы церковь св. Николая въ Колывани „держать по старинѣ“, и чтобы въ ней имѣлась печь и чтобы въ церкви не производить никакого пасилія, ни заключенія, угрожая въ противномъ случаѣ войною. Ревельскій магистратъ, запрошенный магистромъ Ливонскаго ордена, оставляетъ въ сторонѣ дѣло нарушенія старинныхъ правъ неприкосновенности православнаго храма и рисуетъ непривлекательную картину нашего стариннаго храма: „Ихъ церковь и домъ, пишетъ магистратъ, называется Николаевскою церковію, и при ней подъ одною крышею стоитъ домъ, въ которомъ они хранятъ свои товары и производятъ собранія (собственно попойки). Такъ было изначала и изстари, такъ оно существуетъ и теперь. Печки же, которую они требуютъ имѣть тамъ, не было въ старину, почему ее и нельзя помѣстить. Надѣмся, что по этимъ причинамъ не произойдетъ войны“.

Такимъ образомъ русскій Николаевскій храмъ, какъ было сказано выше, былъ безъ выходной двери на улицу. Магистратъ же изображаетъ его подъ одною кровлею съ товарнымъ складнымъ мѣстомъ и какимъ-то помѣщеніемъ, которому иновѣрцы даютъ двусмысленное толкованіе. Такова наружная непредставительность православнаго храма, который получить еще болѣе жалкій видъ, если мы представимъ его себѣ прижатымъ

¹⁾ См. для дальнѣйшаго брошюру (о. М. Т. Иконникова): „Правосл. церковь св. и чудотв. Николая Мирлиційскаго въ г. Ревелѣ“. Ревель. 1889 г.

къ высокой городской стѣнѣ, въ какомъ-то неблаговидномъ углу. Направленіе старинныхъ, подвальныхъ сводовъ, и доселѣ сохранившихся подъ настоящимъ храмомъ, нѣкоторыя техническія данныя изъ послѣдующаго столѣтія, когда храмъ этотъ ремонтировался, безъ измѣненія старыхъ предѣловъ и формъ, наконецъ старинный планъ его, хранящійся въ нашемъ церковномъ архивѣ, все это вмѣстѣ, въ общемъ соглашеніи, даетъ намъ точное, по возможности, представленіе наружнаго и внутренняго его расположения. Церковь, собственно, безъ прилегающихъ къ ней пристроекъ, имѣла узкую, продолговатую форму и помѣщалась въ пространствѣ, занимаемомъ нынѣ придѣльнымъ алтаремъ и мѣстомъ самаго храма Успенія Божіей Матери, а также нынѣшнимъ ризничнымъ помѣщеніемъ, съ тою, впрочемъ, разницею, что юго-восточный уголь алтаря ближе, чѣмъ теперь, подходилъ къ городской стѣнѣ, а южная сторона церкви глухою стѣною, безъ оконъ, упиралась въ глухую же стѣну сосѣдняго зданія, принадлежащаго католическому доминиканскому монастырю, такъ что нынѣшній узкій проходъ въ церковной оградѣ, между южною стѣною храма и сосѣдняго зданія, составлялъ большую часть помѣщенія церкви. Сѣверная стѣна стариннаго храма, правильно прямою линіею, проходила какъ разъ посрединѣ, вдоль всего придѣльнаго помѣщенія нынѣшняго храма Успенія Божіей Матери, захватывая и ризницу. Въ этой сѣверной стѣнѣ были двѣ двери, изъ коихъ одна приходилась въ алтарѣ. И та, и другая дверь вводили въ жилое помѣщеніе, дѣлившееся въ свою очередь капитальною стѣною на двѣ половины. Но это жилое помѣщеніе было короче самаго храма. На западѣ оно опять капитальною стѣною доходило до той линіи, которую теперь отдѣляется ризница, а съ другой стороны — сторожка отъ продольной части храма. Отъ этой послѣдней стѣны до самой улицы, къ западу, находилась деревянная пристройка на каменныхъ столбахъ, служившая складочнымъ мѣстомъ для товаровъ. Такимъ образомъ все зданіе имѣло четырехугольную фигуру, сильно скошенную отъ юго-восточнаго угла въ сторону сѣверо-восточнаго угла, для образованія параллельнаго разстоянія въ прохожемъ переулкѣ, между городской и церковно-восточною стѣною. Храмъ со всѣми пристройками находился подъ одною кровлею. Въ юго-западномъ углу, надъ кровлею, возвышался небольшой деревянный шатеръ, по всей вѣроятности, для колоколовъ. Входъ въ церковь былъ съ улицы, но не прямо въ храмъ, а черезъ деревянную амбарную пристройку, путемъ темныхъ сѣней, вводилъ сначала въ жилое помѣщеніе, а оттуда боковою дверью въ храмъ. Въ храмѣ было темно, потому что одно окно изъ стѣннаго переулка освѣщало алтарь, а два другихъ окна находились въ концѣ церкви въ юго-западномъ углу, изъ коихъ одно было обращено на западъ, а другое на югъ, въ сторону къ старому Шведскому рынку. Сосѣднее жилое помѣщеніе, изъ котораго входили въ церковь, видимо, служило дополненіемъ къ самому храму, въ потребныхъ случаяхъ. Здѣсь также присутствовалъ народъ во время богослуженія, и въ виду сего обстоятельства, а быть можетъ и для того, чтобы въ темный храмъ ввести хоть частицу лишняго свѣта, находилось рядомъ съ дверью окно, приходившееся какъ разъ противъ лѣваго клироса. Этимъ окномъ вводился заимствованный свѣтъ изъ жилого помѣщенія, и давалась возможность видѣть и слышать, что творилось въ самомъ храмѣ. Алтарь имѣлъ 2 сажени и 4 фута длины и ширины, но такъ какъ онъ уходилъ юго-восточнымъ угломъ своимъ впередъ, по крайней мѣрѣ на пол-

торы сажени, противъ нынѣшняго Успенскаго алтаря, то святой престоль приходился не на томъ мѣстѣ, гдѣ онъ теперь стоитъ, а тамъ, гдѣ нынѣ правый уголъ алтаря. Отъ линіи иконостаса и до самой западной стѣны храмъ былъ длиною шесть сажень и полтора фута, а шириною двѣ сажени и четыре фута, при чемъ западная оконечность храма, на протяженіи трехъ сажень, расширялась тоже на три сажени, такъ что вся эта послѣдняя часть храма выходила небольшимъ выступомъ въ сторону стараго Шведскаго рынка. Такимъ образомъ вся внутренняя вмѣстимость храма, кромѣ алтаря, была около двадцати квадратныхъ сажень. Жилое помѣщеніе при храмѣ, находившееся въ непосредственной связи съ нимъ, на сѣверной сторонѣ, имѣло границу по прямой линіи почти противъ царскихъ дверей нынѣшняго главнаго алтаря. Вѣроятно, это была священническая квартира. Помѣщеніе это раздѣлялось капитальною стѣною на двѣ половины, изъ коихъ большая, при двухъ окнахъ въ стѣнной переулокъ, прилежала къ самому храму, а меньшая, тоже при двухъ окнахъ, изъ коихъ одно было обращено на сѣверъ, заканчивала все церковное зданіе. Внутреннее помѣщеніе обѣихъ этихъ комнатъ было тоже не больше двадцати квадратныхъ сажень. Все церковное это зданіе имѣло только одну входную дверь, какъ бы чрезъ амбаръ, отъ котораго отдѣлено было небольшое пространство для темныхъ сѣней. Изъ сѣней одна дверь вводила въ жилое помѣщеніе, а другая въ амбаръ, изъ котораго былъ спускъ въ погреба. Многіе изъ этихъ погребовъ теперь засыпаны и заложены стѣнами, но глубина ихъ, обширность помѣщенія, развѣтвленія въ разныя стороны, прочность постройки, все это наводитъ на мысль, что они-то главнымъ образомъ и служили потаеннымъ мѣстомъ для товаровъ, въ опасные моменты для русскаго конца въ Колывани. Изъ тѣхъ же темныхъ сѣней была устроена лѣстница на вышку, устроенную надъ жилымъ помѣщеніемъ. Вышка эта служила тѣмъ сборнымъ мѣстомъ, куда собирались пріѣзжіе купцы для обсужденія своихъ дѣлъ, что и давало поводъ ревельскимъ Нѣмцамъ двусмысленно относиться къ этимъ собраніямъ. Вотъ въ какомъ скромномъ видѣ представляется наша Николаевская церковь съ половины пятнадцатаго и до начала текущаго столѣтія¹⁾.

Въ 1493 году между Московскимъ Государемъ и ливонскими Нѣмцами было заключено перемиріе, которое впрочемъ продолжалось недолго. За какое-то гнусное преступленіе, дѣйствительное или мнимое, Нѣмцы всенародно сожгли въ Ревелѣ одного Русскаго. Русскіе въ Ревелѣ вступились за своего соотечественника, преданнаго такой позорной и страшной казни, и получили дерзкій отвѣтъ правителей: „мы сожгли бы и вашего великаго князя, если бы онъ сдѣлалъ у насъ то же самое!“ Эти легкомысленныя слова, говоритъ Карамзинъ, переданныя Московскому Государю, возбудили въ немъ такой сильный гнѣвъ, что онъ изломалъ трость свою, бросилъ ее на землю, и взглянувъ на небо, грозно произнесъ: „Богъ суди мое дѣло и казни дерзость“. Оскорбленія Русскихъ въ Колывани продолжались. Раздраженный великій князь, желая нанести почувствительнѣе ударъ, основывавшихъ свое самоуправство на выгодахъ торговли, приказалъ схватить всѣхъ нѣмецкихъ купцовъ въ Новгородѣ, засадить по тем-

¹⁾ См. старинный планъ въ церковномъ архивѣ.

ницамъ и товары ихъ конфисковать. Въ Колывани и другихъ ливонскихъ городахъ, гдѣ были русскіе купцы, отвѣтили тѣмъ же. Въ это печальное время наша русская Николаевская церковь со всѣмъ своимъ достояніемъ была магистратомъ отобрана отъ Русскихъ и закрыта. Священникъ вмѣстѣ съ купцами былъ посаженъ въ душную и холодную тюрьму, а откуда и пишетъ скорбныя посланія магистрату. Грабежъ имущества Русскихъ не ограничивался только товарами, хранившимися обыкновенно при церкви, а простирался и на церковное имущество, которое имѣло цѣнность.

Двадцать лѣтъ прошло со времени новгородскаго погрома, и во все это время Русскіе не пользовались обезпеченностью въ своихъ торговыхъ оборотахъ. Въ 1514 году было заключено перемиріе, и „Нѣмцы обязались очистить и не обижать русскіе церкви и концы въ своихъ городахъ“.

Въ 1521 же году между Москвою и ливонскими рыцарями заключенъ миръ; но въ этомъ же году, мы видимъ, что ревельскіе бургомистры, отъ имени русскихъ купцовъ, проживающихъ въ городѣ, вносятъ жалобу въ свой магистратъ о насильственномъ похищеніи священнической жены какимъ-то горожаниномъ Генрихомъ Витте, требуя его казни. Въ 1525 году Иванъ городскій намѣстникъ, князь Василій Ивановичъ Оболенскій, отъ имени своего государя, протестуетъ предъ колыванскими властями противъ грабежа, произведеннаго надъ попомъ Осиеомъ, у котораго отняли судно со всѣмъ товаромъ и запасомъ и надъ попомъ Антоніемъ, что служилъ чудотворцу Николи на Колывани“ и билъ о томъ челомъ государю¹⁾. Намъ неизвѣстно, получили ли удовлетвореніе со стороны Ревельскаго магистрата тѣ лица, за которыхъ ходатайствовалъ князь Оболенскій, но случаи пѣмецкаго своеволія и самоуправства повторялись и позднѣе. Черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ ограбленія священниковъ, мы встрѣчаемся съ такими документами, гдѣ уже, за своею подписью и печатію, самъ великій князь Василій Ивановичъ, въ 1530 году, пишетъ бургомистрамъ и ратманамъ и всему городу Колывани: „Билъ мнѣ челомъ на васъ купецъ мой изъ Новгорода Иванко, Васильевъ сынъ. Сказываетъ, какъ ѣхалъ съ моимъ человекомъ, съ Яномъ, Ивановымъ сыномъ, изъ-за моря, и пріѣхавъ къ вамъ въ Колывань, тотъ купецъ мой *товаръ свой спровадилъ въ церковь нашу русскую*. И вы, бургомистры и ратманы, про что есте моего купца напрасно ограбили? взяли есте у него пять берковцевъ мѣди изъ русской церкви нашей, предъ моимъ человекомъ Яковомъ. Да билъ мнѣ челомъ тотъ же купецъ мой, что послалъ изъ Любека Нѣмчинъ Ейртъ купца моего свинцу одиннадцать берковцевъ къ вашему купцу Ивану Долгому. И мой купецъ изъ Любека отъ того Нѣмчина грамоту привезъ къ вашему купцу Ивану Долгому. А велѣно ему взяти по той грамотѣ у Ивана Долгаго одиннадцать берковцевъ свинцу. И вашъ купецъ про что моему купцу того свинцу не отдаетъ? И вы, бургомистры и ратманы, обыскали бы есте тотъ свинецъ по крестному цѣлованію. Писана грамота на Москвѣ 7038 лѣта, мѣсяца марта въ 25 день“, т. е. въ 1530 году. Въ этомъ документѣ прямо говорится о нарушеніи договорныхъ правъ Русскихъ въ Колывани. Великій князь заявляетъ, что товаръ отобранъ изъ русской церкви, которая, въ силу договорныхъ

¹⁾ См. архивъ Ревельскаго магистрата XVI вѣка.

условій, должна быть во всякомъ случаѣ неприкосновенна. Такимъ образомъ, православный храмъ св. Николая, силою историческихъ обстоятельствъ, играетъ политическую роль въ Колывани и принимаетъ участіе во всѣхъ переменныхъ судьбахъ взаимныхъ отношеній между Русскими и Ливонцами.

Въ 1524 году Лютерова реформа проникла и въ Ревель. Новаторы стали насильемъ изгонять католицизмъ. Поклонники свободомыслящей Лютеровой религіи разрушали прежнюю свою святыню, жгли храмы и все, что имъ казалось несогласнымъ съ протестантскимъ ученіемъ. вмѣстѣ съ католическими храмами не щадилась и наши православныя церкви въ Ливоніи. Онѣ также подвергались и оскверненію, и разграбленію. Въ 1532 году монахи доминиканцы въ Ревелѣ своею рукою зажигаютъ свой прекрасный монастырь, при чемъ сгораетъ и великолѣпный соборный храмъ при этомъ монастырѣ. Русская Николаевская церковь стояла стѣна объ стѣну съ монастыремъ. Есть полное основаніе предполагать, что при этомъ пожарѣ она подверглась полному опустошенію и была обращена въ благотворительное учрежденіе, куда помѣщались больные. Церковная земля, прилегавшая къ самому храму, была отобрана и занята подъ пушечный оружейный складъ. За все время развитія реформаціи въ Ревелѣ и малолѣтства царя Ивана Васильевича Грознаго и Ливонской войны, русская собственность, приобретенная вѣками въ Колывани, была потеряна для Русскихъ. Отъ русскаго конца осталось одно названіе Русской улицы, которая и доселѣ сохранила это названіе какъ у Нѣмцевъ, такъ и у Эстонцевъ, проживающихъ въ Ревелѣ. Само собою разумѣется, что въ это время русской торговли не могло и существовать. При такомъ порядкѣ вещей, Николаевская церковь стояла закрытою, безъ богослуженія и лишеною всякаго церковнаго достоинства. Со времени воцаренія Θεодора Ивановича, по заключеніи мира съ Швеціею, подъ власть которой подпала Эстляндія, русская торговля въ Колывани вновь зарождается. Потянулись Русскіе опять изъ Новгорода, Пскова, даже изъ Москвы, въ свою старую Колывань, но уже не морскимъ путемъ, а сапною дорогою. Церковь святителя Николая была очищена и передана имъ въ руки. Въ убогомъ видѣ приняла она ее. Пришлось въ ней все обновлять, а своихъ средствъ не имѣлось. Слухъ о такомъ печальномъ положеніи древняго стариннаго храма дошелъ до Москвы. И вотъ царь Борисъ Θεодоровичъ Годуновъ внялъ нуждамъ церкви Николая па Колывани и не забылъ своими вкладами нашего храма. И теперь, какъ дорогой историческій памятникъ, предъ иконой святителя сохраняется верхняя серебряная часть отъ большого подсвѣчника, на которой писанная изацною вязью надпись гласитъ слѣдующее: „Повелѣніемъ великаго государя, царя и великаго князя Бориса Θεодоровича, всея Руссіи самодержца, и сына его, великаго государя царевича князя Θεодора Борисовича всея Руссіи, сдѣланъ бысть сей подсвѣчникъ къ великому чудотворцу Николѣ въ Колывань, въ первое лѣто государства его, 7107 (1559) года“.

Въ 1614 году, при участіи нѣкоего Харламова, Николаевскій храмъ былъ ремонтированъ, на что было употреблено „сто пять яфимковъ Свейскихъ“. Лѣтъ черезъ 40 послѣ починки, произведенной Харламовымъ, потребовался новый капитальный ремонтъ церкви. Въ 1660 году новгородскій купецъ Петръ Николаевъ съ ревельскимъ ратсгеромъ Михайломъ Паульсенъ заключаетъ снова контрактъ, по которому послѣдній обя-

зался за 700 рейхсталеровъ возобновить храмъ, при чемъ 300 рейхсталеровъ должны были уплаченными впередъ, а 400 должны быть высланы саннымъ путемъ въ первую зиму. Храмъ былъ отремонтированъ, но денегъ сполна за свои работы Паульсенъ не получилъ по той простой причинѣ, что церковная касса была пуста. Задержка уплаты денегъ повела къ тому, что Паульсенъ не отдавалъ ключей отъ церкви, и тѣмъ самымъ не допускалъ до отправленія въ ней богослуженія. Такъ дѣло продолжалось до 1678 года. Потребовалось дипломатическое вмѣшательство русскаго правительства, чтобы ключи отъ церкви были отданы русскимъ Колыванцамъ. Слухъ о скудныхъ средствахъ древняго русскаго храма и о его неблагоустроенности дошелъ до свѣдѣнія благочестивыхъ царей Петра и Иоанна Алексѣевичей, которые принесли свою царственную лепту и благолѣпно украсили православный храмъ св. Николая.

По повелѣнію ихъ, для храма были написаны иконы для всего иконостаса, заказанныя въ Псковѣ. Эти иконы, помимо своего священно-религіознаго значенія, тщательно берегаются, какъ историческая святыня, какъ памятники старинной изящной иконографіи. Онѣ расположены въ двухъ придѣльныхъ иконостасахъ нынѣ существующаго храма. Въ предѣлѣ Успенія Божіей Матери, на иконостасѣ находится слѣдующая надпись: „Изволеніемъ Отца и споспѣшеніемъ Сына и совершеніемъ Святаго Духа поновися сей храмъ во имя святаго Николая чудотворца, града Колывани, святыми иконами и церковнымъ украшеніемъ, повелѣніемъ пресвѣтлѣйшихъ государей царей, великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, великой государыни благовѣрной царевны великой княжны Софіи Алексѣевны, всея Великія, Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, въ лѣто отъ созданія міра 7194 года, отъ воплощенія Бога Слова 1686“¹⁾. На мѣстной иконѣ Спасителя подъ ризою такая надпись: ЗРЧД года писанъ сей образъ Спасителевъ, Цари царемъ, по указу великихъ государей царей великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержецъ, во Псковѣ“. Въ 1688 году, мая 1 дня, состоялось освященіе храма. Въ архивныхъ церковныхъ документахъ рукою бывшаго настоятеля и строителя нынѣ существующаго Николаевского храма, о. протоіерея Иоанна Недешева, помѣчена такая запись, списанная со креста; „Освятися алтарь Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа божественный сей храмъ, во имя великаго архіерея Божія Николая чудотворца, архіепископа Миръ-Ликійскихъ, повелѣніемъ благочестивѣйшихъ Государей Царей и великихъ князей Иоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи самодержцевъ, по благословенію великаго господина святѣйшаго Іоакима патріарха московскаго и всея Россіи и пресвященнаго митрополита Маркелла псковскаго и изборскаго, въ лѣто отъ созданія міра 7196, мѣсяца мая въ первый день“²⁾.

Къ сожалѣнію, этотъ крестъ не сохранился въ храмѣ. Имѣется другой деревянный крестъ, болѣе сажени размѣромъ, по всей вѣроятности державшійся на стѣнѣ приколоченнымъ къ ней. Онъ хранится въ ризницѣ. На крестѣ рельефное изображеніе Христа, размѣромъ болѣе аршина. Ножки Христа приколочены ко кресту одна

¹⁾ См. церк. архивъ, при дѣлахъ о постройкѣ нынѣшняго храма.

²⁾ См. церк. архивъ, при дѣлахъ о постройкѣ нынѣшняго храма.

на другую, что даетъ разумѣть, что крестъ и самое распятіе суть произведенія мѣстныхъ. Рисунокъ и исполненіе Христа довольно правильной формы.

Во время великой Сѣверной войны, предпринятой императоромъ Петромъ Великимъ для возвращенія Прибалтійскаго края, опять начались бѣдствія для Николаевской церкви. Въ началѣ августа мѣсяца 1704 года церковь была отнята у Русскихъ, и въ ней былъ устроенъ госпиталь.

Въ теченіе всего семнадцатаго столѣтія Ревельскій Николаевскій храмъ оставался забытымъ. Государственныя средства поглощались войною, а своихъ средствъ ревельскіе обыватели не имѣли, чтобы помочь церкви, которая въ это время пришла въ состояніе полной ветхости и убожества. Впослѣдствіи Государыня Екатерина II опредѣлила ежегодно отпускать на ремонтъ ея извѣстную сумму изъ Эстляндской казенной палаты; но эти средства, по всей вѣроятности, были слишкомъ малы, чтобы можно было приступить къ капитальному ремонту церкви, въ которой затруднялись даже совершать богослуженіе, по причинѣ ея ветхости.

О такомъ бѣдственномъ положеніи храма было донесено священно-служителями и церковнымъ старостою Иваномъ Бѣлоусовымъ высокопреосвященнѣйшему митрополиту С.-Петербургскому и Новгородскому Гавріилу, который сдѣлалъ распоряженіе назначить ревизіонную строительную комиссію, для удостовѣренія подлинности ветхости храма. Начались хлопоты и переписка, которыя ни къ чему не привели. Въ маѣ мѣсяцѣ 1804 г. городъ Ревель посѣтилъ Государь императоръ Александръ I. Этимъ случаемъ воспользовался ревельскій купецъ Парѣеній Чесновъ, состоявшій церковнымъ старостой при Николаевской церкви. Отъ имени ревельскаго общества онъ обратился къ Государю съ всеподданнѣйшимъ прошеніемъ, въ которомъ, указывая на историческое значеніе Николаевской церкви, заботу о немъ умершихъ покойныхъ правителей Россіи, просилъ Государя Императора прійти на помощь въ дѣлѣ построенія новаго Николаевскаго храма. Юня 25 дня 1822 года состоялась закладка храма, а къ концу 1827 года удалось привести храмъ въ тотъ окончательный видъ, въ которомъ мы видимъ его нынѣ.

Въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія близъ стараго храма былъ погребень извѣстный бывшій ростовскій митрополитъ Арсеній Маціевичъ, лишенный сана за противодѣйствіе отчужденію монастырскихъ и церковныхъ имуществъ императрицею Екатериною II. Теперь его могила находится подъ амвономъ главнаго алтаря, что явилось совершенною случайностью при постройкѣ новаго храма, при которомъ уцѣлѣли стѣны подваловъ прежняго храма. При историческомъ очеркѣ Николаевскаго храма, мы не имѣли случая говорить о мѣстно-чтимой иконѣ святителя Николая. Неизвѣстно когда подновленная въ письмѣ, она обложена стариннымъ серебрянымъ окладомъ. Письменныхъ древнихъ свидѣтельствъ о ней нѣтъ, но, кажется, можно полагать, что она существовала въ храмѣ уже во времена Іоанна Грознаго.



Ревельскій соборъ.

Ревельскій Соборный храмъ во имя Преображенія Господня по-эстонски называется Kloostri kirik, что значитъ монастырская церковь, по нѣмецки Kloster-kirche, потому что прежде былъ католическимъ женскимъ монастыремъ св. арх. Михаила. Основаніе его приписываютъ Эрику II, королю датскому въ 1093 г. (еще до построенія Ревеля датскимъ королемъ Вольдемаромъ ок. 1223 г.), и вотъ какое преданіе передается намъ объ этомъ основаніи въ лѣтописи, Мавриція Брандта, составленной въ XVI вѣкѣ: по смерти короля Канута святаго, измѣнически убитаго въ Ютландіи однимъ вельможею, по имени Бласко, взшелъ на престолъ третій братъ Канута Эрикъ II, государь по тогдашнему времени образованный, но подверженный предосудительнымъ слабостямъ. Однажды ночью, наслаждаясь покоемъ, онъ увидѣлъ во снѣ Спасителя, распятаго на крестѣ; святая кровь Его лилась изъ ранъ. Въ ужасѣ и оцѣпенѣніи король невольно воскликнулъ: „О возлюбленный Иисусъ! Зачѣмъ позволяешь распинать Себя во второй разъ? И кто подвергъ Тебя вторичнымъ мученіямъ?“ — Въ отвѣтъ на это Эрику было сказано, что причиною сего явленія суть многочисленные его грѣхи, которые онъ можетъ изгладить основаніемъ монастыря въ честь св. арх. Михаила, и что мѣсто для основанія сей обители онъ долженъ искать въ своихъ владѣніяхъ, тамъ, гдѣ посреди лѣта отыщется снѣгъ; обширность сей обители должна быть равна тому пространству, которое пролетаетъ стрѣла, пущенная изъ лука. Эрикъ въ скорости нашелъ требуемое мѣсто въ Эстляндіи, основалъ церковь и при ней монастырь ордена Цистерцианзовъ, по правиламъ св. Венедикта, для дворянскихъ дѣвиць, и употребилъ четыре тысячи золотыхъ гульденовъ на покупку помѣстій для содержанія основанной имъ обители. — Въ архивѣ ревельскаго оберъ-ландгерихта сохранились четыре старинныя пергаментныя грамоты на латинскомъ языкѣ, одна съ переводомъ на старое ниже-нѣмецкое нарѣчіе; изъ нихъ въ первой по времени 1093 года, описывается видѣніе короля Эрика, послужившее поводомъ къ основанію упоминаемаго женскаго монастыря и назначаются средства для его содержанія. Впослѣдствіи монастырь сей получилъ нѣсколько подтвердительныхъ грамотъ, какъ-то: отъ королевы Маргариты въ 1200 г. и короля Эрика Мендведа отъ 1207 или 1287 г. и четвертую отъ 1310 г. ¹⁾

¹⁾ Грамоты эти помѣщены въ „Monumenta Livoniae antiquae. Sammlung von Chroniken“ и пр. Т. III, Riga 1840 г., стр. 190 и слѣд. Впрочемъ издатель Паукеръ, находя въ нихъ хронологическія несообразности, почитаетъ ихъ подложными и произведеніемъ католическихъ монаховъ XIV ст. На нецѣлостность сихъ грамотъ указываетъ и Арндтъ, I т., стр. 18 и II т., стр. 78 и 79. Датскіе хронисты говорятъ, что монастырь основанъ въ 1249 году.

Стѣны толщиною 2 аршина 4 вершка, выложены съ подбутовкою и заливкою известковымъ растворомъ и сохранились въ первобытномъ видѣ, гладко оштукатурены снаружи и внутри. Отъ стѣнъ выдѣляются каменные устои, начинающіеся подъ кровлею и утолщенные внизу отъ стѣны на 2—4 аршина. Таковыхъ устоевъ съ сѣверной стороны пять, съ восточной три и съ южной три.

На церкви фальшивый куполь покрытый желѣзомъ и окрашенный масляною краскою. Ребра купола цинковыя, позолоченныя.

До 1830 г. въ каменномъ церковномъ полу было много надгробныхъ плитъ. Осталъ ли этотъ полъ подъ насыпью или разобранъ — неизвѣстно.

Главѣйшимъ украшеніемъ храма считается рѣзной деревянный иконостасъ, который сдѣланъ въ 1720 г. въ царствованіе и по повелѣнію императора Петра I, по заказу князя А. Д. Меншикова, за границею, повидимому, подъ вліяніемъ италіянскаго вкуса. Судя по надписи, имѣющейся на иконостасѣ, и формѣ буквъ, можно предполагать, что художникъ иконостаса былъ Чехъ.

Въ храмѣ имѣются:

1) Евангелія, печатанныя въ 1716, 1753, 1762, 1774 г., и во второмъ придѣлѣ — напестольное Евангеліе длиною 15 и шириною 11 вершковъ, печатанное въ Москвѣ въ 1689 г.; надпись, имѣющаяся на евангеліи, гласитъ, что оно обложено серебромъ и пожертвовано прихожанами Ревельской Николаевской церкви Преображенскому собору въ 1727 году.

2) Напестольный крестъ, сдѣланный чинами Ревельскаго баталіона въ 1709 г. въ полковую Θεодоро-Стратилатовскую церковь, какъ гласитъ на немъ надпись (находится во Владимірской церкви, приписанной къ собору), и нѣсколько крестовъ неизвѣстнаго года.

3) Нѣсколько священныхъ сосудовъ подарки Высочайшихъ особъ съ клеймами украшенныхъ двуглавыми орлами и годомъ 1769.

4) Серебряная дарохранительница, украшенная гирляндами изъ серебра, чеканной работы, пожертвованная неизвѣстнымъ въ 1799 году и 2 дарохранительницы неизвѣстнаго года.

5. Икона Тихвинскія Божія Матери съ надписью, что писанъ этотъ образъ въ 1749 г.; икона складень съ изображеніемъ Спасителя, Божіей Матери, Николая Чудотворца, преп. Сергія Радон. и Іоанна Воина, съ надписью, что сооружена она артиллерійскими служителями въ 1724 году (находится во Владим. церкви); икона Воскресенія Христова повидимому древняя, но какого года — неизвѣстно; икона складень св. великом. Θεодора Стратилата, находившаяся въ полку при взятіи г. Ревеля; икона Безплотныхъ Силъ, на серебряной ризѣ которой вычеканена цифра 1779, а на оборотѣ иконы написано: пожертвована въ 1871 г.

На колокольнѣ восемь колоколовъ, изъ которыхъ два съ слѣдующими надписями: „Dum trahor audite voco vos ad gaudia vitae 1575 anno fecit me Matias Beninck“ и „Verhum Domini manet in aeternum. Anno 1623. Stoebt mich Hanskemmes y Heischekor“. На третьемъ колоколѣ 1751 годъ.

Сказаніе о Пюхтицкой чудотворной иконѣ Успенія Божіей Матери.

Пюхтицкая чудотворная икона Успенія Божіей Матери явилась на большой горѣ, находящейся въ двухъ верстахъ отъ деревни Пюхтицы, Эстляндской губ., Везенбергскаго уѣзда, въ 22 верстахъ отъ станціи Іевве Балтійской жел. дор., въ то время, когда въ Прибалтійскомъ краѣ господствовали ливонскіе рыцари. Про эту гору существуетъ въ народѣ много преданій: крестьяне-Эстонцы въ сказкахъ рассказываютъ, что, когда, еще предки ихъ были язычниками, эта гора почиталась волшебною: тутъ обитали ихъ языческіе боги, тутъ бились между собой сказочные великаны, тутъ совершалъ свои подвиги и славный богатырь эстонскій Калевичъ. Православные же русскіе крестьяне не въ сказкахъ, а какъ былъ передаютъ, что у этой горы и на самой горѣ войны св. благовѣрн. князя Александра Невскаго и царя Ивана Грознаго сражались съ нѣмецкими рыцарями, и доселѣ показываютъ на горѣ могилки славныхъ витязей русскихъ, павшихъ при защитѣ земли святорусской.

Мѣсто, гдѣ явилась икона, окрестными жителями, какъ православными, такъ и лютеранами, считается святымъ, на что указываетъ даже и самое названіе „Пюхтица“, что по-эстонски означаетъ „святое мѣсто“. У подножія горы имѣется источникъ, который почитаютъ святымъ и называютъ „чистымъ источникомъ“ и „источникомъ Спасителя“, а самая гора называется „Богородицкою горою“.

Такія названія получили эти мѣста съ тѣхъ поръ, какъ явилась здѣсь чудотворная икона. Явилась же она въ видѣ жены, одѣтой въ лучезарное одѣяніе, одному Эстонцу, пасшему стадо. Когда онъ и другіе жители взошли на гору, то видѣніе исчезло, и на томъ мѣстѣ, гдѣ оно было видно, нашли икону Успенія Божіей Матери. Икона сохранилась въ цѣлости; написана по-старинному, богатыхъ украшеній на ней не было, а величины имѣеть: въ высоту — 12 и въ ширину — 10 вершковъ.

Въ 1818 г. въ 35-ти верстахъ отъ Пюхтицкой горы была построена православная церковь въ селѣ Сыренцѣ, въ приходъ которой отошла деревня Пюхтица со св. горой. Тогда для большей безопасности, икона была перенесена въ Сыренецкую церковь.

Въ настоящее время чудотворная икона Успенія Божіей Матери находится на Пюхтицкой горѣ, но уже въ новоустроенномъ храмѣ, въ образуемой тамъ женской общинѣ, куда она была перенесена въ 1892 г. изъ Сыренца.



Историко-статистическое описаніе Балтійско-Портской православной церкви и ея прихода.

Балтійско-Портская православная церковь во имя св. великомученика и побѣдоносца Георгія находится въ Балтійскомъ портѣ, прежде уѣздомъ, нынѣ заштатномъ городѣ Ревельскаго уѣзда. Означенный городъ находится въ 45 верстахъ отъ губернскаго города Ревеля, съ которымъ съ 1870 года соединенъ желѣзною дорогою. Церковь стоитъ на ровномъ мѣстѣ, въ разстояніи 50 сажень отъ берега моря.

Время основанія Балтійскаго порта или, по первоначальному названію, Рогервика (= Рогескій заливъ), отъ лежащаго отъ него недалеко острова Роге (отъ шведскихъ словъ *gag* — рожь и *ö* — островъ), относится къ 1720 году.

До присоединенія Эстляндіи къ Россіи на занимаемомъ нынѣ городомъ мѣстѣ была пустыня, поросшая дикимъ кустарникомъ. Но счастливыя условія мѣстоположенія этой пустыни, расположенной при обширномъ морскомъ заливѣ, замерзающемъ въ самые сильные морозы только на короткое время и способномъ вмѣстить въ себѣ громадный флотъ, представляли для Россіи важный морской пунктъ въ стратегическомъ отношеніи и скоро обратили вниманіе Петра Великаго. На нихъ-то Петръ Великій и основалъ свои предположенія устроить военный портъ, посылая для этой цѣли въ Рогервикъ десятки тысячъ колодниковъ, а послѣ указомъ 1722 г., и бородачей за ихъ ослушаніе царскому повелѣнію брить бороды. Для помѣщенія рогервикскихъ ссыльныхъ сначала были устроены бараки, а потомъ и постоянныя казарменныя зданія. Всѣ работы по сооружецію военнаго порта въ Рогервикѣ производились подъ личнымъ надзоромъ и по указанію самого Петра, для котораго на время пребыванія его въ портѣ и былъ построенъ дворецъ. Много потрачено было труда; не мало брошено и денегъ на устройство военнаго порта, но приведеніе его въ надлежащее состояніе, по разнымъ случайнымъ обстоятельствамъ того времени, а больше всего по неимѣнію опытныхъ и искусныхъ инженеровъ, не осуществилось, и по смерти Петра всѣ эти работы были остановлены. Все, что было сдѣлано при немъ, отъ времени разрушилось. Но мысль и планы Петра I о возведеніи въ Рогервикѣ военнаго порта наслѣдовала Императрица Екатерина II и при ней, какъ при Петрѣ Великомъ, всѣ портовые работы производились Рогервикскими ссыльными, которыхъ тогда насчитывалось болѣе 20.000 чело-вѣкъ. Но и при Екатеринѣ II военный портъ не былъ приведенъ къ желаемому концу.

Все, что она успѣла сдѣлать, это — построить крѣпость для защиты Рогервикской мѣстности отъ непріятельскаго вторженія съ сѣверной стороны моря. Эта крѣпость и теперь еще сохраняется въ первобытномъ своемъ видѣ и показываетъ всю громадность и трудность производившихся арестантами работъ.

Всѣ эти работы по сооружеію порта извѣстны были въ ту пору подъ названіемъ „Рогервицкаго строенія“.

Послѣ Екатерины II вопросъ о продолженіи работъ по порту отложенъ былъ на неопредѣленное время. Въ пятидесятыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія опять были со стороны нашего правительства предположенія о возобновленіи работъ въ Балтійскомъ портѣ, но, по требованію большихъ денежныхъ расходовъ на этотъ предметъ, не могли быть начаты. И въ нынѣшнее время Балтійскій портъ не упускается изъ виду; такъ, еще весною 1888 года сюда пріѣзжалъ нынѣ покойный И. А. Шестаковъ, бывшій управляющій морскимъ министерствомъ, для ознакомленія съ мѣстностью. И въ самомъ дѣлѣ люди свѣдущіе говорятъ, что когда эти работы будутъ доведены до конца, то Балтійскій портъ будетъ одною изъ самыхъ лучшихъ гаваней на Балтійскомъ морѣ.

Такимъ образомъ колодники, или, по тогдашнему ихъ названію „каторжные невольники“, и бородачи впервые основали въ Балтійскомъ портѣ русскую колонію. Многіе изъ нихъ по истеченіи срока своей ссылки, за дальностью разстоянія Рогервика отъ мѣста ихъ родины, избрали Балтійскій портъ мѣстомъ пожизненнаго своего пребыванія. Сюда же совмѣстно съ ссыльными прибыли тогда и русскіе маркитанты для открытія въ Балтійскомъ портѣ цекаренъ и торговли съѣстными припасами. Кромѣ того, въ Балтійскій портъ были посылаемы на жительство и лица духовнаго званія за разные злоупотребленія по служебнымъ обязанностямъ, но безъ употребленія ихъ въ каторжныя работы¹⁾. Здѣсь же былъ нѣкоторое время въ качествѣ ссыльнаго и знаменитый шутъ двора императрицы Анны Иоанновны — Балакиревъ.

Исторія основанія въ Балтійскомъ портѣ православной церкви во имя св. великомученика Георгія современна исторіи „Рогервицкаго строенія“ и тѣсно связана съ нею.

Въ царствованіе Петра I, въ 1721 г. съ прибытіемъ въ Балтійскій портъ ссыльныхъ для производства работъ по сооружеію военнаго порта, сознана была нужда въ церкви для Рогервикской мѣстности, и тогда же устроена была въ полѣ временная палатковая церковь, въ которой богослуженіе совершалъ опредѣленный отъ Св. Синода священникъ съ жалованіемъ отъ адмиралтейства.

Послѣ же начальникъ Рогервикскаго строенія, полковникъ и гвардіи капитанъ Мавринъ въ виду постоянно увеличивавшагося „рабочаго класса людей“, вошелъ въ адмиралтейскую коллегію съ ходатайствомъ о разрѣшеніи построить въ Рогервикѣ деревянную церковь. Просьба Маврина, подкрѣпленная ходатайствомъ генераль-губернатора

¹⁾ Свѣдѣнія эти равно какъ и многія послѣдующія заимствуются изъ лѣтописи Балтійско-Портской церкви, составленной на основаніи хранившихся въ церковномъ архивѣ записей, нынѣ къ сожалѣнію утерянныхъ. Причины утери нынѣшнему составу причта неизвѣстны. Можно думать, что бумаги были потеряны во время Крымской войны 1854—56 г., когда церковный архивъ и вообще всѣ церковныя вещи, чтобы спасти отъ угрожающаго съ моря непріятеля, перевозились съ мѣста на мѣсто. Говорятъ, что больше всего церковныя вещи находились на мызѣ Падисъ, въ 18 верстахъ отъ Балтійскаго порта, куда были привезены и вещи изъ ревельскихъ православныхъ церквей.

Федора Матвѣевича Апраксина, была исполнена, и въ 1724 году съ благословенія Теофана, архіепископа Псковскаго и Нарвскаго, деревянная во имя св. великомученика Георгія церковь была заложена, въ 1728 году окончена строеніемъ и въ концѣ этого же года освящена. Всѣ работы по построению церкви производились подъ руководствомъ и по плану инженеровъ, завѣдывавшихъ тогда портовыми работами.

Вновь построенная церковь была крайне бѣдна церковными богослужебными принадлежностями, вся ея утварь заключалась въ двухъ священническихъ ризахъ и оловянной дарохранительницѣ. Иконостасъ поставленъ былъ простой, топорной работы съ иконами Суздальскаго письма

Такъ какъ деревянная Георгіевская церковь построена была безъ печей и потому въ зимнее время богослуженіе въ ней совершалось съ большимъ затрудненіемъ, то мѣстный священникъ Артемій Митрофановъ въ 1765 году возбудилъ вопросъ о пристройкѣ къ церкви теплаго придѣла во имя Благовѣщенія Пресвятыя Богородицы и съ просьбою объ этомъ обратился въ контору Рогервикскаго строенія. Это неподлежащее обращеніе священника Митрофанова къ свѣтскому начальству привлекло его къ большой отвѣтственности и наказанію отъ Псковскаго епархіальнаго начальства, въ вѣдѣніи котораго между другими эстляндскими церквами находилась и Балтійская церковь. По поступленіи представленія конторы Рогервикскаго строенія о разрѣшеніи построить теплый при церкви придѣлъ въ Псковскую духовную консисторію священникъ Митрофановъ получилъ изъ консисторіи такого содержанія указъ: „Понеже священникъ Артемій Митрофановъ о такомъ дѣлѣ, которое собственно до архіерейскаго разсмотрѣнія принадлежитъ, минувъ его преосвященство (Гавріила, архіепископа Псковскаго) и духовную консисторію, доношеніемъ представилъ въ свѣтскую команду, чѣмъ своей духовной командѣ учинилъ немалое презрѣніе, за то запретить ему священнослуженіе, выслать на полгода въ Псковъ и опредѣлить въ монастырскіе труды, а ревельской Николаевской церкви протопопу Іоанну Данилову поручить осмотрѣть указанное священникомъ Митрофановымъ мѣсто подъ сооруженіе теплаго придѣла и въ случаѣ удобности его устроить оный“ (церковная лѣтопись).

Что было результатомъ этого осмотра и было ли приступлено къ сооруженію придѣла, о томъ ничего неизвѣстно.

Деревянная Георгіевская церковь по особенностямъ мѣстоположенія своего на открытомъ мѣстѣ у возвышеннаго морскаго берега, гдѣ дѣйствіе порывистаго вѣтра и вліяніе морскихъ непогодъ бывають особенно сильны, безъ почипки со времени ея основанія естественно не могла долго существовать и дѣйствительно чрезъ 52 года по построеніи ея церковное зданіе пришло въ большую ветхость. По донесеніи объ этомъ мѣстнаго священника, изъ Ревельской инженерной команды для осмотра церкви присланъ былъ инженеръ Тунцельманъ. При осмотрѣ оказалось, что крыша церковная и потолокъ развалились, всѣ стѣны сгнили и погнулись, исправить каковыя поврежденія представлялось невозможнымъ. Поэтому ревельскимъ вице губернаторомъ генераломъ-поручикомъ фонъ-Сиверсомъ, по указу Правительствующаго Сената инженеру Тунцельману велѣно было составить планъ и смѣту на сооруженіе новой, каменной церкви. По утвержденіи плана и смѣты, каменный храмъ заложенъ былъ въ началѣ 1784

года, а въ 1787 г. освященъ. Иконостасъ и прочая церковная утварь прежней церкви на время построения новаго храма были перенесены въ находившійся въ Балтійскомъ портѣ двухъэтажный каменный дворецъ, гдѣ и совершалось богослуженіе. Но такъ какъ при постройкѣ каменной церкви никакихъ улучшеній и исправленій иконостаса, престола и жертвенника прежней церкви не было сдѣлано, то все это вскорѣ по сооруженіи храма пришло въ такую ветхость, что угрожало паденіемъ, и богослуженіе потому отираваемо было съ большою опасностью. Это обстоятельство въ 1797 году побудило составить проектъ на возобновленіе внутренности храма. По этому проекту въ 1807 году престолъ и жертвенникъ поставлены заново, а осташковскій купецъ Савинъ пожертвовалъ новый иконостасъ довольно хорошаго рисунка и живописи, который и по настоящее время находится въ церкви; стѣны церкви тогда же были разукрашены живописью, но эта стѣнная живопись вскорѣ была заштукатурена, вѣроятно по причинѣ большой сырости въ церкви, затемнявшей живопись.

По мѣстоположенію своему на возвышенномъ морскомъ берегу, съ высокою своею колокольнею, Балтійская церковь служитъ украшеніемъ небольшого городка Балтійскаго порта; особенно прекрасенъ видъ храма со стороны моря.



Ристискій приходъ.

Ристискій православный приходъ, Гапсальскаго благочинія, Ревельскаго уѣзда, Эстляндской губерніи, расположенъ большою частью по берегу Балтійскаго моря и тянется въ длину почти на 40 верстъ по направленію отъ востока къ западу, поворачивая къ югу. Съ сѣверной и западной стороны находится море, съ южной, по направленію къ Гапсалию, — громадное пространство болотистой, совершенно незаселенной мѣстности, открытой только съ восточной стороны къ Ревелю. Названіе свое православный приходъ получилъ отъ мызы и волости Ристи, нѣмецкое — Крейцгофъ.

Самая древняя историческая мѣстность въ Ристискомъ приходѣ — принадлежащая помѣщику ф. Рамму, въ 9 верстахъ отъ православной церкви, Падисская мыза. На этой мызѣ въ древности былъ католическій монастырь, разрушенный Эстонцами во время пародныхъ возстаній. По сіе время сохранились еще общія развалины монастырской церкви и другихъ построекъ, гдѣ теперь помѣщаются кладовыя и погреба владѣльца имѣнія. Эстонское названіе мызы — „монастырская мыза“ (Kloostri mõisa).

Въ Падисской мызѣ хранится палка Императора Петра Великаго о которой разсказываютъ слѣдующее: „Во время Шведской войны Петру I пришлось съ войсками проходить мимо мызы Падисъ, гдѣ для государя и свиты его былъ заказанъ обѣдъ и приказано было накормить солдатъ. Не доходя до Падиса распространился въ свитѣ государя слухъ, что падисскій помѣщикъ не хочетъ принять государя. Придя на мызу, Императоръ нашель, что его приказаніе не исполнено. Въ гнѣвѣ ударилъ онъ помѣщика своей „дубинкой“ за такое ослушаніе. Помѣщикъ просилъ снисхожденія за неточное исполненіе приказанія государя. Государь смилостивился надъ нимъ и спросилъ, что онъ хочетъ за ударъ. Помѣщикъ попросилъ у государя на память палку, которою его наказали, которая и была ему пожалована и сохраняется нынѣ на мызѣ около портрета Императора Петра I, какъ семейное воспоминаніе“.

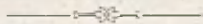
Въ 30 верстахъ отъ православной церкви въ волости Неве есть одна мѣстность, носящая названіе „Окопчаніе войны“ (Sõa lõpp). Какая тамъ была война или какое перемиріе заключено, — крестьяне не знаютъ, только передаютъ, что въ старину короли на томъ мѣстѣ заключили миръ. Въ старину на мѣстѣ заключенія перемирія росъ дубъ, но дубъ этотъ срубленъ и тамъ находится полумызокъ „Сыалець“ (конецъ войны).

Къ востоку отъ православной церкви, въ 7 верстахъ, находится мѣстность, носящая названіе „Аудевяля“ (Audeväli по-эстонски значить: „поле могилъ“), гдѣ дѣйствительно находили человѣческіе черепя.

Ангерскій приходъ.

Священ. Карпъ Оберпаль.

Въ чертѣ прихода, въ имѣніи Лоаль имѣется городище „Lohho-Maalinn“ (уѣздный городъ). Этотъ „Лоххо-Маалинъ“ хорошо сохранился и достопримѣчателенъ въ историческомъ отношеніи. Валъ городища, состоящій изъ земляной насыпи съ примѣсью известняка, съ южной и западной сторонъ омывается изгибомъ Кегельской рѣки; съ сѣверной же и восточной — переходитъ въ низменность, которая опять-таки прикрывается вторымъ болѣе низкимъ валомъ, а потомъ прилегающимъ къ нему ровомъ. Ровъ этотъ въ настоящее время безводный, но первоначально, полагаютъ, онъ находился въ связи съ рѣкою и получалъ изъ нея свои воды. Расположено это городище приблизительно въ одной верстѣ отъ имѣнія Лоаль и прилегаетъ къ красивому мызному парку. Съ разрѣшенія владѣльца имѣнія были сдѣланы на внутреннемъ краю вала раскопки, но онѣ не привели ни къ какому результату. Только въ серединѣ пригорка городища было найдено углубленіе въ видѣ колодца, засыпанное множествомъ разбитыхъ булыжныхъ камней. Это позволяетъ думать, что тутъ нѣкогда было укрѣпленіе Эстовъ. И дѣйствительно, Гейнрихъ Леттонскій упоминаетъ въ главахъ XX и XXIII подъ 1216 и 1220 годами о большой деревнѣ Лоне (или Луэ, Лове), которою нѣмецкое войско съ союзниками короткое время пользовалось какъ приваломъ на своемъ маршѣ. Затѣмъ подъ 1224 годомъ сказано, что большое войско Нѣмцевъ, Ливовъ и Латышей идетъ въ Гаррію на помощь Датчанамъ и осаждаетъ деревню Лоне, которую оно послѣ побѣды обратило въ пепель. Нѣтъ сомнѣнія по изслѣдованіямъ историковъ, что подъ „Лоне“ надо разумѣть нынѣшнее эстонское Лоххо, или нѣмецкое Лоаль, которое встрѣчается также въ древнѣйшемъ спискѣ эстляндскихъ имѣній приписываемому XIV столѣтію и называемому „Liber census Daniæ“.



Юровскій приходъ.

Юровскій приходъ начинается на сороковой верстѣ по большой почтовой дорогѣ, называемой „Раудало“ пролегающей на югъ отъ г. Ревеля къ мѣстечку Раппель, и расположенъ отъ Ревеля въ 50 верстахъ.

О мѣстѣ, гдѣ теперь находится Юровская православная церковь, нѣкоторые мѣстные крестьяне, на основаніи слышаннаго ими преданія, говорятъ, что старинный Іерденскій Kanthi mägestik (холмъ, укрѣпленный шанцами, упомянутый въ „Сборникѣ свѣдѣній по географіи и статистикѣ Эстляндской губерніи съ приложеніемъ о городищахъ, П. Лордапа, изданіе 1889 г., стр. 92) находился на томъ мѣстѣ, или весьма педалеко отъ него. Окружающая церковь мѣстность занята нынѣ пахотнымъ полемъ, а въ двухстахъ саженьяхъ отъ церкви на востокъ начинается болотистый сѣнокосъ. На этомъ пахатномъ полѣ замѣтны, кромѣ церковной площади, еще два маловозвышенныхъ мѣста, но выше всего изъ нихъ то мѣсто, гдѣ находится церковь. При земляныхъ работахъ по постройкѣ храма ничего особеннаго не замѣчалось, кромѣ сгнившаго дерева, вырытаго на глубинѣ около трехъ футовъ подъ юго-восточнымъ угломъ храма. Когда Іерденскіе шанцы существовали и кто ихъ построилъ, — о томъ никто изъ мѣстныхъ жителей ничего не знаетъ. По всей вѣроятности былъ не одицъ шанецъ, а два или нѣсколько, что видно изъ самаго названія ихъ по-эстонски, означающаго группу. Вообще же о мѣстности Юро (Іердепъ) мѣстные старожилы рассказываютъ по преданію, что эта мѣстность была встарину покрыта дубовымъ лѣсомъ, который исподволь срубили, такъ что остались одни пни и корни которые и придали мѣстности названіе мѣста корней — Iuige-maa, Iuigi. Старинные жители этой мѣстности, конечно, въ одно время вмѣстѣ съ жителями другихъ мѣстностей Эстляндіи, подверглись общей участи при нашествіи Тевтонцевъ на Гарріенъ (нынѣшній Ревельскій уѣздъ) въ 1216 году, о чемъ повѣствуетъ Генрихъ Латышскій въ своей Ливонской хроникѣ¹⁾. Другое страшно опустошительное вторженіе Нѣмцевъ съ союзниками въ Гарріенъ было, какъ видно по той же хроникѣ²⁾, въ 1220 году, когда до 1000 душъ людей задохлись отъ дыма и полумертвые добиваемы были въ подземныхъ пещерахъ Гарріенцевъ, при входѣ въ каковыя врагами разложенъ былъ огонь. Третье выдающееся нападеніе на Гарріенъ, когда замокъ Лове (Лоаль) послѣ двухвѣдѣльной осады былъ окончательно покоренъ Нѣмцами, было произведено послѣ праздниковъ Рождества Христова 1223 года³⁾.

1) Гл. XX § 2, Прибалтійскій Сборникъ.

2) XXIII, § 9.

3) Ливонск. хрон., гл. XXVII, § 6.

Всѣмъ означеннымъ и другимъ нападеніямъ, опустошеніямъ и покореніямъ, означеннымъ въ хроникѣ по близости отъ Юро, конечно, подверглись и мѣстности, находящіяся въ предѣлахъ нынѣшняго Юровскаго прихода.

Въ имѣніи Куймець, въ 10 верстахъ отъ Юро по преданію народа, находился старину монастырь. Дѣтъ 40—50 тому назадъ, говорятъ, стояла на томъ мѣстѣ еще одна обвалившаяся башня, саженой 12 вышиною. Грономъ ударило въ эту башню, и она совсѣмъ развалилась, мѣсто, гдѣ стояла башня сровняли и заняли мызными постройками имѣнія.

Въ имѣніи Кай, на выгонѣ деревни Салутагузе, около деревни Лиху, посреди ольховой рощи находится, по указанію мѣстныхъ жителей, мѣсто древняго сожженія труповъ или приношенія жертвъ, называемое *süte-mägi* или *põlend-mägi*, т.-е. угольная гора, или обгорѣвшая гора, съ большимъ обломкомъ гранитаго камня посрединѣ площади холма возвышающагося среди низменности длиною около 200 саж., шириною сажень 50. Еще весьма не въ давнее время возвышенность эта имѣла видъ обгорѣлаго мѣста на которомъ находили уголья и монеты, и которое почиталось у мѣстныхъ жителей.

Въ имѣніи Кеденпэ, въ 18 верстахъ отъ Юро, на разстояніи приблизительно одной версты къ сѣверо-востоку отъ мызы Кеденпэ, поднимается надъ равниною городище — *Kiawa lippa-mägi*, вышиною 45 футовъ, имѣющее форму прямоугольнаго четвероугольника, длиною 260 фуговъ, а шириною 100 фут. Но описанію П. Иордана, эта возвышенность, немного понижаясь, примыкаетъ къ болѣе длинному хребту изъ крупнаго песка, который тянется до самаго края довольно значительной трясины въ Керденскій приходъ. Вокругъ возвышенности видны ясныя слѣды прежней стѣны, которая въ самомъ высококомъ мѣстѣ поднимается на 6 футовъ, а въ ширину имѣетъ 9 футовъ, а кое-гдѣ представляетъ пустыя мѣста. Вся возвышенность — обросшая дерномъ и отчасти покрыта кустарникомъ. Въ углу плоской части возвышенности находится довольно объемистое, но неглубокое, строительными камнями наполненное углубленіе, которое, можетъ быть, служило колодезьемъ. Всѣ четыре стороны холма очень круты, двѣ изъ нихъ обросли кустарникомъ, а остальные двѣ деревьями; въ трехъ мѣстахъ при подошвѣ холма можно узнавать углубленія въ видѣ канавъ.

Названіе Кеденпэ близко подходитъ къ эстонскому двухсложному слову — *käderää*, *käterää*, что значитъ — голова рукъ, и дѣйствительно городище это, въ соединеніи съ развѣтвляющимися горными кряжами, по направленію къ востоку образуетъ нѣкоторое сходство съ оконечностію руки, какъ поясняетъ то Ю. Трусманъ¹⁾. Приблизительно три четверти версты южнѣе отъ возвышенности городища на краю болота лежитъ деревня, называемая *lipna-all*, т.-е. при подошвѣ городища, а низменная мѣстность у самой подошвы его съ сѣвера носитъ названіе *Wete-wainu*, т.-е. кровавое поле.

По лѣтописному извѣстію, на гарріенскихъ Эстовъ ходилъ войною самъ великій князь Изяславъ Ярославичъ въ половинѣ XI вѣка и взялъ ихъ городище (осѣкъ) Кеденпэ (искаженное названіе — „Кедипивъ“)²⁾. Недалеко отъ городища Кеденпэ на

¹⁾ Современникъ Эстляндской губерніи, кн. I, 1893 г., стр. 73

²⁾ Никонов. лѣтоп., т. I, стр. 144.

сѣверъ два двора называются Вади и Ёско (назв. не эстонскія); въ окрестностяхъ его же два крестьянскіе двора — Wenedepõlwe, т.-е. поколѣніе Русскихъ, корчма — Wenemaa, т.-е. русская гора. Эти названія доказываютъ, что въ этой мѣстности когда-то были и жили Русскіе.

Кромѣ приведенныхъ названій, въ Юровскомъ приходѣ имѣются еще фамиліи, вполнѣ схожія съ русскими, какъ-то: Кузницъ, Портной, Николо, Пиловъ, Ризиковъ.

Старинныя погребальныя мѣста (Kalmokohtad — могильники) имѣются также въ приходѣ: 1) въ имѣніи Куймецъ, около деревни Тамси — мѣсто подъ пахотнымъ полемъ; 2) въ имѣніи Кай, въ мѣстности подъ названіемъ Колгу, около закрытой корчмы и нынѣ существующей лавки того же названія, на пахотномъ полѣ; 3) въ имѣніи Аттель два мѣста, первое — Kablaste mägi (Kahellste mägi — погребальная горка) на мызномъ полѣ, другое Wollaste mägi — (гора висѣлицъ) на краю Аттельскаго лѣса, у проѣзжей дороги, въ четверти версты отъ Аттельской лютеранской школы; 4) въ им. Махтерсъ, на полѣ около лѣса и 5) въ им. Пургель, въ 200 саженьяхъ отъ Пургельской лютеранской школы на сѣверо-западъ, около приходской дороги. Всѣ эти могильныя мѣста опредѣляются у народа названіемъ — Katko aegjed, т.-е. современники чумы, что даетъ возможность полагать, что происхожденіе большинства изъ нихъ, если не всѣхъ, относится ко времени чумы, свирѣпствовавшей въ странѣ послѣ Великой Сѣверной войны.



Вейсенштейнская Успенская церковь.

Вейсенштейнъ (по-эстонски Paide linn; по-нѣмецки Weissenstein ¹⁾), уѣздный городъ Эстляндской губерніи, Ервенскаго ²⁾ уѣзда, находится подъ 58°36' с. ш. и 43°14' в. д. при незначительной мелководной рѣчкѣ Пайдэ, впадающей въ рѣку Чернаву.

Окружающая городъ мѣстность представляетъ низменную, топкую равнину, по которой протекаетъ вышеупомянутая рѣчка, огибая городъ съ восточной стороны. Временемъ основанія Вейсенштейна надо считать 1265—6 годъ, когда при гермейстерѣ фонъ Мандернѣ былъ построенъ Вейсенштейнскій замокъ.

Населеніе Вейсенштейна, какъ и другихъ прибалтійскихъ городовъ, смѣшанное, и состоитъ изъ Эстовъ, Нѣмцевъ и Русскихъ, послѣднихъ, впрочемъ, въ самомъ ограниченномъ количествѣ.

На сѣверо-восточной сторонѣ города находится земляной насыпной валъ, въ видѣ правильнаго четырехугольника, окружающій развалины древняго замка. На четырехъ углахъ этого вала выдаются впередъ четыре фаса. На одномъ-то изъ этихъ фасовъ, именно обращенномъ къ юго-западной сторонѣ и устроена Вейсенштейнская православная церковь.

Насыпной валъ этотъ, по крайней мѣрѣ, въ томъ видѣ, въ какомъ онъ представляется въ настоящее время, нужно полагать, позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ самъ замокъ. Есть основаніе думать, что онъ устроенъ или, пожалуй, возобновленъ во времена шведскаго владычества ³⁾. Конечно, валъ этотъ многое утрагилъ изъ своего первоначальнаго вида, но и теперь въ общемъ представляетъ еще довольно правильную четырехугольную форму.

Непосредственно почти въ центрѣ вала находятся уцѣлѣвшіе остатки нѣкогда грознаго и славнаго Вейсенштейнскаго замка. Эти сохранившіеся остатки въ настоящее время представляются разорванными или разрозненными частями одного цѣлага. Только одна массивная тяжелая башня, въ центрѣ развалинъ, сохранилась лучше всего и конечно еще надолго останется памятникомъ минувшаго величія Вейсенштейна, тогда

¹⁾ Слово „Paide“ производятъ отъ эстонскаго слова „paas“ — плитнякъ, бѣлый камень. То же выражаетъ и нѣмецкое слово „Weissenstein“. Такое названіе произошло, полагаютъ, отъ находящагося повсюду въ окрестности Вейсенштейна блѣдно-сѣроваго плитняка, которымъ изобилуетъ Эстляндія.

²⁾ Съ 1888 года называется также Вейсенштейнскимъ.

³⁾ Въ 1862 году во время устройства фундамента подъ церковь, были рыты довольно глубоко канавы для бута. Во время рытья были найдены два чугунныхъ ядра (изъ коихъ одно вѣсило до полутора пуда) и серебряная монета, относящаяся къ XVII столѣтію.

какъ все кругомъ ея постепенно рушится и валится то отъ суроваго вліянія климата, то отъ руки невѣжества (рис. 6).

Въ 1865 и 66 году по распоряженію мѣстнаго фохтейскаго суда разбирались камни изъ остатковъ фундаментовъ, для починки и исправленія городскихъ дорогъ. Сказываютъ сторожилы, что еще въ началѣ нынѣшняго столѣтія развалины представляли нѣчто болѣе цѣлое, чѣмъ теперь; но такъ какъ развалины грозили паденіемъ, то тогдашній генералъ-губернаторъ Остзейскаго края маркизъ Пауллуччи, во время своего посѣщенія Вейсенштейна, далъ разрѣшеніе сломать многое, что казалось опаснымъ. Теперь остаются 1) центральная башня, 2) трехстороннее двухъ-этажное зданіе какъ бы видѣ четырехугольнаго замка и 3) на западѣ остатки двухъ-этажнаго зданія, очевидно оторваннаго отъ общей западной замковой стѣны.

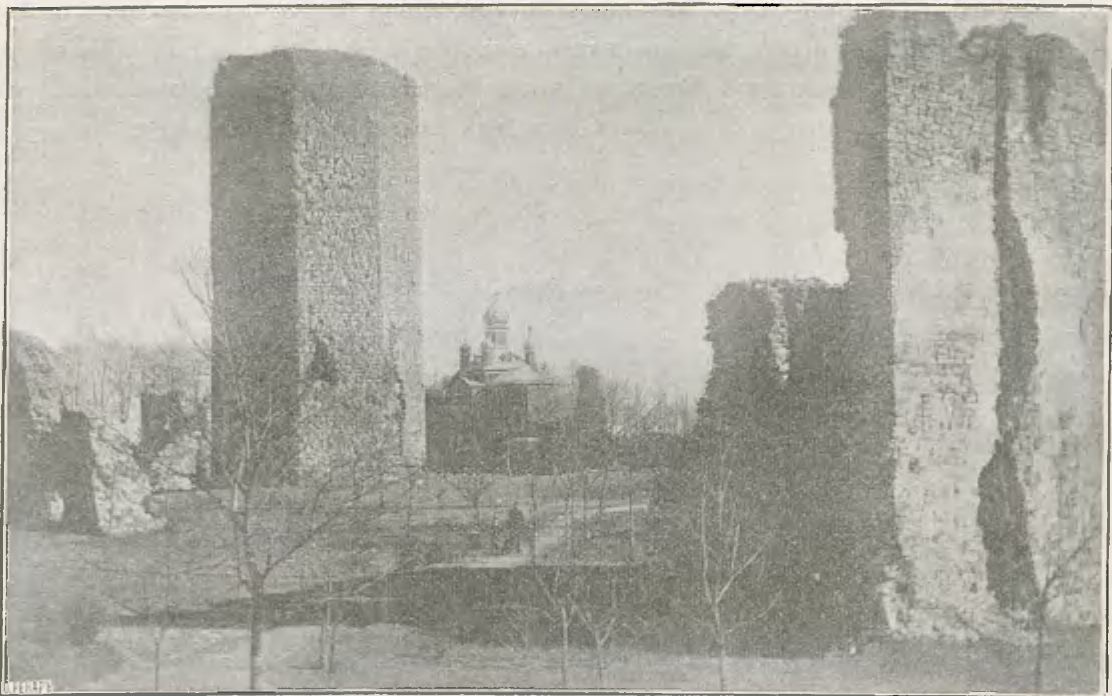


Рис. 6.

Центральная башня, какъ сказано, болѣе всего сохранилась до нашихъ дней. Отъ основанія до своей вершины она представляетъ восьмигранную колонну, вышиною до 12 саженей и на всей высотѣ одинаковой ширины въ поперечникѣ. Внутри ея отчасти сохранились три свода, одинъ надъ другимъ. По нѣкоторымъ признакамъ можно судить, что былъ и четвертый сводъ, завершавшій башню. Всѣ эти четыре отдѣленія, раздѣленные сводами, сообщались между собою лѣстницами, устроенными внутри стѣнъ башни. Стѣны же башни такъ толсты, что не менѣе сажени, если не болѣе, представляютъ въ поперечникѣ. Всѣ четыре помѣщенія подъ сводами имѣютъ круглую форму.

На восточной сторонѣ, почти противъ центральной башни, находится отдѣльное зданіе, состоящее изъ трехъ полуразрушенныхъ стѣнъ. Немного выдаваясь впередъ линіи бывшей восточной замковой стѣны, оно, какъ замѣтить можно по остаткамъ фундамента, находилось въ общей связи со всѣмъ замкомъ. Мѣстное предаіе говоритъ, что это зданіе было замковою католическою церковію.

Наконецъ третій осколокъ замка находится на западной сторонѣ центральной башни, какъ разъ противъ нея.

Это почти все, что можно сказать о состоящихъ на лицо въ настоящее время развалинахъ. Есть въ народѣ увѣренность, что подъ валами, окружающими развалины, находятся подвалы, корридоры и тому подобное.

Дѣйствительно, во время восточной войны, въ сѣверо-восточномъ углу вала случайно былъ открытъ погребъ довольно хорошо сохранившійся. Долго расчищали его и ничего не нашли, кромѣ склада каменныхъ ядеръ, вдвое болѣе человѣческой головы.

Близъ этого же погреба можно видѣть сводъ въ землѣ, который углубляется въ направленіи къ сѣверо-востоку. Входитъ ли это въ подвалъ какой-либо, входитъ ли въ подземные корридоры, о которыхъ толкуетъ народная молва, опредѣлить трудно.



Усть-Наровская св. князя Владиміра Церковь.

Мѣстечко Усть-Нарова, гдѣ находится Усть-Наровская православная церковь, составляетъ часть имѣнія Кутеркюль, принадлежащаго городу Нарвѣ. Это мѣстечко — Эстляндской губерніи, Везенбергскаго уѣзда — расположено на лѣвомъ берегу рѣки Наровы при впаденіи ея въ Нарвскую бухту Финскаго залива подѣ 59°28' сѣверной широты и 28°4' восточной долготы. Названіе селенія „Усть-Нарова“ позднѣйшее и произошло оттого, что лежитъ оно при устьѣ рѣки Наровы. Есть еще и другое названіе этому мѣстечку: „Гунгерсбургъ“ или „Гунгербургъ“ (Голодай-городъ), данное, какъ гласитъ преданіе, экипажемъ одного зашедшаго въ рѣку судна, не нашедшаго никакой провизіи въ этомъ мѣстечкѣ. Съ половины XII столѣтія Шведы завоевали у Новгородцевъ берега Финскаго залива¹⁾, хотя и не долго оставались владѣтелями ихъ, потому, что въ началѣ уже XIII вѣка датскій король Вольдемаръ II (въ 1219 году) завоевалъ и Эстляндію. Продолжая свои завоеванія къ востоку, Датчане дошли до рѣки Наровы, гдѣ обитало финское племя того-же имени, нашли рѣку удобною для судоходства съ моря и здѣсь, чтобы утвердиться въ завоеванной ими странѣ среди закоренѣлыхъ язычниковъ, основали городъ Нарву въ 1223 году. Подѣ властію Датчанъ уѣзды — Гарріенъ съ г. Ревелемъ, Вирляндія съ г. Везенбергомъ и Аллектакенъ съ г. Нарвою и часть южнаго берега Финскаго залива отъ Нарвы до Балтійскаго порта (нынѣ Эстляндская губернія) находились съ небольшимъ перерывомъ около 100 лѣтъ. Въ 1346 году король датскій Вольдемаръ III, нуждаясь въ деньгахъ, продалъ Тевтонскому Ордену эстляндскіе города: Ревель, Везенбергъ (Раковоръ) и Нарву вмѣстѣ съ ихъ провинціями, т.-е. Гарріенъ, Вирляндію и Аллектакепомъ за 19,000 кельнскихъ серебряныхъ марокъ. Такимъ образомъ Датчане навсегда оставили Ливонію. Послѣ сверженія монгольскаго ига, царь Іоаннъ III Васильевичъ (1462—1505), собиратель русской земли, рѣшаясь возвратитъ утраченныя во время невзгоды нашего отечества земли, искони принадлежавшія Россіи, обратилъ вниманіе и на г. Нарву, находящійся тогда во владѣніи Ордена и, для наблюденія за безпокойнымъ сосѣдомъ, построилъ 15-го мая 1492 году на правомъ берегу рѣки Наровы, на высокомъ мѣстѣ (на Дѣвичьей горѣ) папротивъ г. Нарвы

¹⁾ Исторія Шведск. Государ. Олафа Далина.

крѣпость Иваньгородъ. Эти высокія стѣны съ 10 сторожевыми башнями, на которыхъ лежитъ печать 4-хъ вѣковъ, внушаютъ благоговѣніе какъ свидѣтели вѣковыхъ событій. Въ 1558-мъ году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный началъ войну съ Ливонією, Русскіе осадили Нарву и 21-го мая взяли ее приступомъ, но не долго пришлось Русскимъ владѣть Нарвою и окрестностями. Въ 1579-мъ году въ августѣ мѣсяцѣ шведскій адмиралъ Бенгтъ Северинсонъ подступилъ съ флотомъ къ Нарвѣ, разграбилъ и выжегъ предмѣстья Нарвы и Иваньгорода и отплылъ въ Ревель съ богатою добычею. Наконецъ въ 1581-мъ году Делагарди съ сухого пути, а адмиралъ Классъ Флемингъ съ моря подступили къ Нарвѣ и взяли городъ штурмомъ, при чемъ погибло до 7000 человекъ Русскихъ (защитниковъ Нарвы). Съ потерей Нарвы въ 1581-мъ году Россія только устьемъ Невы примыкала къ морю¹⁾. Завоевавъ Нарву, Шведы обратили на нее особенное вниманіе. При Карлѣ XI она была правильно укрѣплена и обнесена стѣною съ 7-ю бастіонами; при этомъ король Нарва чеканила даже свою монету. Въ 1646-мъ году шведская королева Христина даровала г. Нарвѣ лежащую при устьи рѣки Наровы деревню Кутеркюль²⁾, часть которой составляетъ нынѣшнее мѣстечко Усть-Нарову, Гунгербургъ тожь. Въ 1590-мъ году были попытки возвратить г. Нарву и другіе города и попытки удачныя, а именно при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ 100 тысячъ русскаго войска осадили г. Нарву, и комендантъ г. Нарвы Карлъ Горнъ и жители принуждены были сдать городъ, но сдали они съ условіемъ, чтобы Русскіе прекратили до слѣдующаго года непріятельскія дѣйствія, за что Шведы уступили Русскимъ Иваньгородъ, Ямъ и Копорье. Нужно замѣтить здѣсь, что г. Копорье былъ основанъ въ 1297-мъ и г. Ямъ въ 1348-мъ годахъ Новгородцами въ странѣ, которая подъ именемъ „Водская пятина“ составляла одну изъ пяти обширныхъ новгородскихъ областей³⁾. Скоро однако Шведы, пользуясь смутнымъ временемъ на Руси, опять отняли у Русскихъ всѣ послѣднія пріобрѣтенія. Въ силу мира, заключеннаго Русскими со Швецією въ 1617-мъ году, Россія на этотъ разъ была совершенно отрѣзана отъ Балтійскаго моря, что продолжалось до Петра I, т.-е. до 1700-го года⁴⁾.

Въ этомъ году императоръ Петръ Великій 19 августа осадилъ Нарву и у праваго берега Наровы, на одномъ изъ острововъ (Большомъ), имѣлъ главную квартиру. Здѣсь онъ самъ посадилъ 10 дубковъ, изъ которыхъ въ настоящее время сохранилось только пять.

Съ этого острова Петръ I руководилъ осадюю и взятіемъ въ 1704 году Нарвы. Берега Финскаго залива, въ мѣстности, занимаемой нынѣ Усть-Наровой и самое устье рѣки, были укрѣплены въ 1704 году шанцами и брустверами. По заключеніи Ништадтскаго мира 30 августа 1721 года между Швеціей и Россіей, когда послѣдняя пріобрѣла Лифляндію, Эстляндію, Ингрію, часть Кореліи и часть Финляндіи съ г. Выборгомъ, отошла подъ Россію и Нарва съ окрестностями ея.

¹⁾ П-ль Козакевичъ. Городъ Нарва съ морскимъ рейдомъ и рѣкою Наровою.

²⁾ Heinrich Hansen. Die Geschichte der Stadt Narva.

³⁾ П-ль Козакевичъ.

⁴⁾ П-ль Козакевичъ.

Для безопасности мореплаванія и торговли составляемы были въ разное время проекты и выводились даже колоссальныя работы, но работы эти никогда не доводились до конца, (впрочемъ теперь фарватеръ очищается и углубляется ежегодно землечерпательною машиною). Главныя работы производились при императрицахъ Елизаветѣ Петровнѣ въ 1746 году и при Екатеринѣ II въ 1762 году, при чемъ главнымъ исполнителемъ этихъ работъ былъ Минихъ, со смертію котораго (1767 года) онѣ прекратились навсегда.



Везенбергская Рождества Богородицы церковь.

Городъ Везенбергъ, гдѣ находится церковь Везенбергскаго православнаго прихода, лежитъ въ восточной части Эстляндской губерніи, при Балтійской желѣзной дорогѣ, соединяющей С.-Петербургу съ г. Ревелемъ; отстоятъ отъ послѣдняго въ 100 верстахъ и въ 25 верстахъ отъ Финскаго залива, значится уѣзднымъ городомъ Везенбергскаго уѣзда.

Городъ Везенбергъ, древній Раковоръ въ русской исторіи, по-эстонски Rakvere linn, — былъ основанъ датскимъ королемъ Вольдемаромъ II въ 1223 году. Въ тѣ далекія времена Везенбергъ былъ защищенъ сильно укрѣпленнымъ замкомъ, построеннымъ на крутомъ холмѣ; въ немъ находилось болѣе 400 дворовъ, нѣсколько католическихъ церквей, и монастырь, обширный госпиталь; управлялся онъ собственнымъ магистратомъ и владѣлъ на Финскомъ заливѣ гаванью Тольсбургъ, въ 27 верстахъ отъ города. Въ 1347 году Везенбергъ со всею Эстоніею перешелъ отъ Датчанъ (стр. 197) во владѣніе Тевтонскаго ордена и управлялся намѣстниками (Vogte), во время которыхъ, въ теченіе двухъ столѣтій, приобрѣлъ въ собственность большое пространство земли и пользовался обширными льготами и привилегіями. Въ 1558 году царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный повелѣлъ вступить русскому войску въ Ливонію, какъ тогда называлось Балтійское поморье, и самъ принялъ титулъ государя Ливонской земли. Русское войско въ томъ же году покорило до 20 ливонскихъ городовъ, въ числѣ которыхъ городъ Везенбергъ взятъ былъ приступомъ и замокъ его разрушенъ; послѣ этого онъ былъ снова возведенъ и укрѣпленъ уже Русскими, которые владѣли имъ и городомъ до 1584 года. Въ 1568 году на замокъ Везенбергъ было сдѣлано нападеніе такъ называемыми „лифляндскими дворовыми людьми“, которые, по обычаю того времени, составляли вольный отрядъ, и при этомъ нападеніи замокъ былъ совершенно разрушенъ, хотя Русскіе и удержали его за собою; послѣ сего разрушенія замокъ уже болѣе не возобновлялся, и развалины его существуютъ по настоящій день. Въ 1574 и 1579 гг. Русскіе отстояли нападенія на Везенбергъ со стороны Шведовъ, и лишь 4 мая 1584 года городъ былъ взятъ приступомъ шведскими войсками, подъ предводительствомъ Понтуса Де-ла-Гарди, послѣ чего Русскіе должны были лишиться Везенберга и удалиться.

11 іюля 1618 года шведскій король Густавъ-Адольфъ, въ воздаяніе особыхъ заслугъ голландскаго посла Рейнгардта Бредероде, даровалъ ему особою дарственной грамотою, въ потомственную его собственность, прилегающія къ замку Везенбергъ земли, всего 20 гаженовъ, возвысилъ Бредероде въ потомственные дворяне и пожаловалъ ему титулъ „барона Везенбергскаго“; 16 мая 1629 года, второю дарственной

грамотою, Густавъ-Адольфъ даровалъ Бредероде замокъ Везенбергъ, а затѣмъ въ 1631 третьею грамотою — подарилъ ему же и самый городъ Везенбергъ. Когда же Бредероде на основаніи этой третьей дарственной грамоты, хотѣлъ вступить въ свои права, граждане Везенберга не пожелали подчиниться новому владѣльцу и затѣяли споръ. Споръ этотъ былъ рѣшенъ въ 1632 году въ городѣ Дерптѣ гофъ-герихтомъ, который не призналъ третьей грамоты дѣйствительною въ виду того, что она была выдана королемъ послу Бредероде въ время военныхъ дѣйствій — въ лагерѣ и не была утверждена шведскимъ правительствомъ. Въ томъ же 1632 году король Густавъ-Адольфъ умеръ и спустя три года, 16 марта 1635 года, депутатамъ города Везенберга удалось испросить у шведскаго правительства утвержденіе всѣхъ бывшихъ правъ и привилегій гражданъ Везенберга, а равно возвращены были городу отобранныя у него земли. 25 мая 1669 года наслѣдники Рейнгардта Бредероде продали свои права на владѣніе Везенбергомъ и его землями за 30.000 талеровъ эстляндскому ландрату Гансу-Фридриху фонъ Тизенгаузену, и купчая крѣпость была утверждена шведскимъ правительствомъ 14 сентября 1672 года. Такимъ образомъ городъ Везенбергъ перешелъ въ собственность семейства Тизенгаузенъ. По заключеніи Ништадтскаго мира въ 1721 году, въ царствованіе императора Петра Великаго, вся Эстляндія отошла къ Россіи, при чемъ городъ Везенбергъ, согласно резолюціи отъ 10 апрѣля 1728 года, и указа Правительствующаго Сената отъ 25 февраля 1771 года, былъ признанъ, на основаніи дарственныхъ грамотъ короля Густава Адольфа и купчей крѣпости между Бредероде и Тизенгаузеномъ, собственностью семейства Тизенгаузенъ. Граждане Везенберга не желали подчиниться новому владѣльцу, ссылаясь на свои прежнія права, и тогда Императрица Екатерина II, резолюціею отъ 6 сентября 1774 года, благоволила повелѣть гражданамъ подчиниться собственнику Везенберга, въ то время гакенрихтеру барону Якову фонъ Тизенгаузену, и впредь Везенберга городомъ не именовать. Въ 1783 году русское правительство откупило отъ семейства Тизенгаузенъ Везенбергъ съ прилегающею къ нему землею за 45.411 руб. 60 коп., и 18 октября 1789 года назначило Везенбергъ уѣзднымъ городомъ Эстляндской губерніи.

Въ настоящее время въ Везенбергѣ числится до 5500 душъ обоюго пола, насчитывается до 500 домовъ, изъ которыхъ каменныхъ 35, остальные — деревянные. Населеніе города состоитъ главнымъ образомъ изъ Эстонцевъ, въ большинствѣ онѣмечившихся. Есть въ городѣ и Нѣмцы, но ихъ немного, семействъ десять. Русскихъ нынѣ насчитывается въ Везенбергѣ до 350 душъ. Въ городѣ находится одна лютеранская кирка, зданіе которой построено въ XVII вѣкѣ Шведами. Нынѣшній Везенбергъ тянется одною улицею, длиною до двухъ верстъ, и только на окраинахъ немного расширяется, образуя нѣсколько короткихъ улицъ; такое расположеніе объясняется тѣмъ, что съ одной стороны — крутая гора со своими развалинами замка, царящими надъ городомъ и принадлежащими владѣльцу имѣнія Везенбергъ, а съ другой — поля и луга лютеранскаго пастора, врѣзывающіеся въ самый городъ, не позволяютъ Везенбергу распространяться въ ширину.



Таккерортскій приходъ.

Свящ. Н. Пранцъ.

Названіе имѣнія Таккерортъ вѣроятно шведское, подобно наименованіямъ Дагерортъ, Паккерортъ и другихъ приморскихъ пунктовъ, находящихся въ Эстляндской губерніи. Эстонцы же употребляютъ другое названіе, а именно: „Тахкурандъ“, что въ буквальному переводѣ значитъ „берегъ точиль—точильныхъ брусковъ“. Основаніемъ для такого наименованія послужило, вѣроятно, то обстоятельство, что въ подпочвѣ береговыхъ земель, преимущественно бывшихъ мызныхъ, нынѣ причтовыхъ, а также между каменнымъ щебнемъ прибрежнаго морскаго дна попадаетъ много кусковъ плитняка, годныхъ на выдѣлку точиль для косъ и топоровъ. Имѣніе Таккерортъ состоитъ изъ трехъ довольно рѣзко отличающихся другъ отъ друга параллельныхъ къ морю полосъ: 1) западной береговой отъ 1 до 2 верстъ шириною, имѣющей довольно плодородную почву, на которой раскинута почти все населеніе таккерортское; 2) средней, возвышенной, состоящей изъ песчаныхъ дюнь, покрытыхъ рѣдкимъ сосновымъ лѣсомъ; по этой возвышенности съ древнѣйшихъ временъ проложена дорога, ведущая отъ Пернова въ Зались, а затѣмъ въ Ригу и 3) громаднаго болота, покрытаго мхомъ и заканчивающагося на сѣверѣ въ 3 верстахъ отъ церкви сосновымъ болотистымъ лѣсомъ, подъ названіемъ „Мянна Метсъ“. Несчанья дюны постепенно повышаются къ югу и около деревни Пихнурме представляютъ изъ себя уже столь высокіе холмы, подобныхъ которымъ по берегу морскому на пространствѣ между Перновомъ и Ревелемъ нигдѣ не встрѣчается. Прибрежная населенная полоса пересѣчена множествомъ бухтъ и заливовъ, почему нѣкоторыя мѣста суши, какъ напр. Пиклайдъ и Сааре, въ особености же Суурна или Сууръ-нина, гдѣ расположена церковь съ причтовыми постройками, далеко вдаются въ море.

Можно съ увѣренностью, сказать, что съ доисторическихъ временъ, когда люди прокладывали для себя дороги по берегамъ водъ, рѣкъ и озеръ, мѣстность, получившая названіе Таккерортъ или Тахкуравна, будучи по своему положенію на естественномъ пути между болѣе значительными приморскими пунктами, гдѣ созданы впоследствии Ревель, Зались, Перновъ и т. д., могла быть извѣстна и первымъ аборигенамъ страны. И на самомъ дѣлѣ устныя преданія, а равно и старинныя монеты, клады, древнее оружіе, каменные топоры, пули, кости, найденныя на высокіхъ таккерортскихъ пихнурм-

ских холмах и въ другихъ мѣстахъ, свидѣтельствуютъ о разновременныхъ насельникахъ этой мѣстности. Означенныя горы, имѣя съ двухъ сторонъ топкія болота (изъ нихъ западное въ послѣднее время канализуется для обращенія онаго въ сѣнокосы и поля), служили въ древнее время прекраснымъ прикрытіемъ и засадою для борющихся сторонъ. Самая высшая точка этихъ холмовъ, такъ называемая „Тѣутусъ мяги“ (Tõutus mägi)—гора обѣта или клятвы, покрытая лѣсомъ, не можетъ не привлечь вниманія проѣзжающаго по Перново-Залисской дорогѣ. Отсюда виднѣтся морская даль съ одной стороны и громадная площадь Лайксаарскихъ казенныхъ лѣсовъ съ другой. По преданію это мѣсто почитаемо было въ древности и сюда туземцы съ дальнихъ мѣстъ стекались въ языческія времена для моленій и жертвоприношеній, на что намекаетъ и самое названіе горы.

Наименованіе же имѣнія Ула чисто эстонское отъ слова „ula“, что значить; незанятый, заброшенный, свободный. Топографія этого имѣнія совершенно сходна съ вышеописанною, и Ула по характеру мѣстности служитъ какъ бы продолженіемъ Таккерорта. Прибрежная полоса этого имѣнія также низменная, съ хорошою почвою, на которой раскинуты мызные поля и сѣнокосы и устроенъ кирпичный заводъ, песчаная же дюна здѣсь не холмиста, покрыта роскошнымъ сосновымъ лѣсомъ и, постепенно понижаясь, обращается въ ровную, но возвышенную съ песчаною почвою мѣстность, захватывающую въ себя западную стороною и прибрежную низменную полосу вплоть до самаго моря, образуя тутъ обрывистые высокіе берега. По этой высокой равнинѣ расположены мыза Ула, поля ея, полумызокъ того же имени и уласкіе крестьянскіе дворы съ ихъ угодьями. Продолженіе же третьей полосы таккерортской, т.-е. болота, принимаетъ здѣсь видъ болѣе твердой, именно сѣнокосной земли, такъ какъ она пересѣчена здѣсь рѣкою Ула или Шварцбахъ и нѣсколькими въ разныхъ направленіяхъ проведенными каналами, осушающими эту низменность.

По лѣтописнымъ изслѣдованіямъ доктора Билешштейна¹⁾ въ Таккерортѣ, южнѣ мызы, или священническаго дома должно быть древнее городище Эстонцевъ, но здѣсь, на мѣстѣ, никакихъ сказаній въ памяти народной объ этомъ городищѣ не сохранилось и видимыхъ слѣдовъ о немъ нигдѣ не замѣчается. Нужно полагать, что это городище находилось на узкомъ полуостровкѣ, на мѣстѣ той же мызы, съ которою преданіе народное соединяетъ память о католическомъ монастырѣ или церкви, тѣмъ болѣе, что мѣстность эта, окруженная съ трехъ сторонъ моремъ, а съ 4-й низменностію, будучи сравнительно высокимъ пунктомъ, могла представлять въ древности довольно хорошее убѣжище для скрывавшихся отъ вражескихъ нашествій Эстонцевъ.

1) См. журналъ „Линда“, 1895 г., № 45, стр. 712.

Гапсальскій приходъ.

Алекс. Ситона.

Самостоятельный православный приходъ открытъ въ Гапсалѣ въ 1836 г. и съ этого времени начинается и его исторія.

Во временномъ помѣщеніи, въ городскомъ домѣ, церковь просуществовала цѣлыхъ 15 лѣтъ. Только въ 1852 году была освящена новая, каменная церковь. Бывшая въ то время въ Гапсалѣ Государыня Цесаревна Марія Александровна изъявила желаніе, чтобы храмъ этотъ былъ освященъ во имя св. равноапостольной Маріи Магдалины. Иконы въ церкви всѣ новыя, но на двухъ колоколахъ сохранились надписи: „Сіи. колоколь. ревелъскаго. полъку. здѣланъ. стараниемъ. того. полъку. штапъ. юберъ. афицеровъ. аппо 1746. Johan Christian Bebercer“.

Всѣ книги, иконы и колокола церкви переданы ей изъ упраздненной ревелъской Александро-Невской церкви.

Помимо церкви въ приходѣ имѣются археологическіе памятники, изъ которыхъ живописнѣйшія и древнѣйшія развалины замка въ г. Гапсалѣ.

По своему географическому положенію замокъ находится подъ 50° 53' сѣв. широты и 41° 18' восточной долготы отъ Ферро.

Раскинутый на холмѣ у морского берега, онъ со своими полуразвалившимися стѣнами и высокой башней далеко виденъ въ морѣ и придаетъ городу особый колоритъ. Унося мысль посѣтителя въ сѣдую, богатую дѣяніями старину, онъ доставляетъ какое-то особенное, своеобразное удовольствіе.

Годъ постройки замка въ точности не извѣстенъ. Но извѣстно, что онъ былъ построенъ вторымъ гротмейстеромъ Тевтонскаго ордена, Волквиномъ Шенкомъ фонъ Винтерштетомъ для того, чтобы держать въ повиновеніи Эстовъ, возстававшихъ противъ чужеземнаго владычества. Судя по этому построенію его нужно отнести къ началу XIII вѣка.

Первымъ владѣтелемъ его былъ Леальскій епископъ, который по перенесеніи своей резиденціи въ Гапсаль сталъ называться Гапсальскимъ. Послѣднимъ епископомъ былъ Магнусъ ф. Шлезвигъ-Гольштейнскій. Угрожаемый въ 1560 году Русскими и осаждаемый возставшими Эстонцами, онъ бѣжалъ сначала въ Леаль, а оттуда на островъ Эвель, откуда болѣе не возвращался. Полагаютъ, что захваченные имъ при этомъ

послѣшномъ бѣгствѣ архивъ и церковныя драгоценности были или разграблены или же погибли вмѣстѣ съ нимъ въ волнахъ Балтійскаго моря.

Въ 1561 году, опасаясь попасть во власть царя Іоанна Васильевича, вся Эстонія предалась Шведамъ. Шведы заняли страну, но Гапсаль остался вѣренъ Магнусу и не хотѣлъ признать шведскаго владычества. Тогда, въ 1563 году, Шведы осадили замокъ и черезъ 11 дней принудили осажденныхъ къ сдачѣ. Побѣдители ограбили замковую церковь, увезли все имущество церковное, а изъ колоколовъ вылили пушки, изъ которыхъ стрѣляли при осадѣ другихъ городовъ. Но шведское владычество на этотъ разъ было кратковременно.

Въ шведскомъ войскѣ было много лифляндскихъ дворянъ, которые требовали уплаты жалованья. Чтобы удовлетворить ихъ требованіе, шведскій полководецъ отдалъ имъ въ залогъ замокъ Гапсаль съ нѣкоторыми другими замками, съ условіемъ, что этотъ замокъ обратится въ ихъ собственность, если на слѣдующій годъ къ Иванову дню не будетъ уплачено имъ слѣдующее жалованье. Имъ предоставлялось при этомъ передать замокъ другимъ христіанскимъ владѣтелямъ за исключеніемъ Русскихъ и Магнуса.

Дворяне вступили въ переговоры съ Клаусомъ ф. Унгернъ, датскимъ намѣстникомъ на о. Эзелѣ и предали Гапсаль датскому намѣстнику, который и вступилъ во владѣніе городомъ именемъ короля датскаго 25 янв. 1575 г., но Датчане не долго владѣли Гапсалемъ. Въ 1576 году у воротъ города явились Русскіе въ числѣ 6000 человекъ, которые при помощи самихъ жителей заняли замокъ.

Въ 1577 году противъ Русскихъ возстали толпы поселянъ Эстовъ подъ предводительствомъ Ино Шепкенберга, получивъ сильное подкрѣпленіе отъ шведскаго губернатора, снабдившаго ихъ оружіемъ и всѣмъ необходимымъ. Русскіе отважно отбивались въ теченіе 4 лѣтъ. Но въ 1581 году явилось сильное шведское войско подъ предводительствомъ Горна, и замокъ послѣ упорнаго сопротивленія снова достался Шведамъ и оставался уже въ ихъ владѣніи цѣлыхъ 129 лѣтъ. 11 мая 1628 году король Густавъ Адольфъ продалъ замокъ, городъ и лепныя владѣнія города главнокомандующему, члену государстенаго совѣта и губернатору Эстоніи, Іакову де ла Гарди за сумму 66.830 рейхсталеровъ, при чемъ купчая была заключена на кораблѣ „Меркурій“. Замокъ въ это время былъ уже непроченъ и за ветхостью грозилъ разрушеніемъ. Новый владѣтель позаботился его поправкой. Въ 1641 году была произведена коренная поправка главнаго зданія и всѣхъ замковыхъ пристроекъ. По смерти Іакова де ла Гарди ему унаслѣдовалъ сынъ его Магнусъ, человекъ, который много тратилъ денегъ и трудовъ на благоустройство и процвѣтаніе города. При его зятѣ, Отто Вильгельмѣ графѣ фонѣ Кенигсмаркѣ, которому достался замокъ послѣ его смерти, въ 1688 страшный пожаръ уничтожилъ двѣ башни, церковную крышу, колокола, новый прекрасный органъ и сдѣлалъ все зданіе необитаемымъ. Ужасы пожара подробно описаны очевидцемъ, пасторомъ Селли.

Въ томъ же году, 15 сентября, графъ Кенигсмаркъ въ званіи генералиссимуса венеціанской арміи былъ убитъ въ одномъ сраженіи съ Турками при Негроцонтѣ, послѣ чего Гапсальскій замокъ былъ возвращенъ Карломъ XI въ казну, какъ коронное владѣніе. Надзоръ за нимъ былъ порученъ особымъ инспекторамъ, изъ которыхъ пер-

вымъ былъ Гансъ Демизъ, состоявшій правительственнымъ надсмотрщикомъ или смотрителемъ замка уже во время графовъ де ла Гарди. Въ 1710 году явились Русскіе подъ предводительствомъ генерала Рудольфа Феликса Бауера, и замокъ съ городомъ были взяты безъ всякаго сопротивленія. Наступившая чума привела жителей въ такое смятеніе, что о сопротивленіи врагу никто и не помышлялъ. Переходъ отъ шведскаго владычества къ русскому совершился очень легко, и былъ наконецъ закрѣпленъ Ништадтскимъ миромъ, послѣ котораго замокъ въ развалинахъ причисленъ къ казенному имуществу и годъ отъ году сталъ подвергаться все большому и большому разрушенію.

Изъ замковыхъ построекъ достойна вниманія церковь св. Іоанна. Она занимаетъ сѣверную сторону главной постройки. Построенная въ готическомъ стилѣ, она, со своими по времени еще довольно сохранившимися сводами, представляетъ величественный памятникъ средневѣковаго строительнаго искусства. Длина ея вмѣстѣ со стѣнами 66 аршинъ, а ширина 26 арш. Вышина боковыхъ стѣнъ достигаетъ 50 футовъ, а крайнихъ — 60 футовъ.

Въ 1873 году для сохраненія внутреннихъ сводовъ она была покрыта вновь крышею. Въ настоящее время зданіе приспособлено подъ лютеранскую кирку. Въ 1841 году полъ его былъ еще покрытъ надмогильными камнями съ надписями и изображеніями, но теперь всѣ эти камни исчезли, и воспоминаніе о нихъ сохранилось только въ церковныхъ книгахъ, гдѣ онѣ всѣ записаны. Такъ, въ одной церковной книгѣ упоминаются еще могилы Тизенгаузена, Буксгевдена, Унгернъ-Штернберга, пастора Вассермана и ученаго пастора Селли. Въ замковой колокольнѣ достойны вниманія два колокола, въ которые и по сей день продолжаютъ звонить.

На нихъ надписи, на первомъ:

„Gott. zu. ehren. nach dem. das. schloss. im. mertz. zu. Hapsal. war verbrandt. mich goss. im. mai des meisters Hand. aus dreien. eins. durch vorsorge in Joachimi. Sellii. Past. praep. v. adsess. c. v. По краямъ: Durch feuer bin ich geflossen, Christoffer Strub hat mich gegossen. in Reval anno 1622“. На второмъ: „Gott zu ehren und dieser Kirchen zum Besten hat diese Glocke die ganze Gemeine angeschaffet. Detlof Riedeweg in Reval anno 1683. Anno × 1622 × den × 1. × Yuni × hat × der × Herr Major × baron × Magnus × Wilhelm × Nieroth × zur × ehre × Gottes × der × Schlosskii-chen × in × Hapsal × diese × Glocke verehret“. Рядомъ изображеніе Спасителя.

Гапсаль издавна извѣстенъ какъ курортъ, куда ежегодно стекается масса народу. Этимъ онъ обязанъ своему географическому положенію и климатическимъ условіямъ. Расположенный подъ 58°, 7 с. шир. и 41°, 12 в. долг. на косѣ, вдающейся въ Гапсальскій заливъ, онъ защищенъ отъ вліянія холоднаго сѣверо-западнаго вѣтра и сильнаго прибоя волнь островами Даго и Вормсомъ, что въ свою очередь оказываетъ громадное вліяніе на температуру его морскихъ купаній, достигающее до 22° Р.

Коренное населеніе Гапсальскаго прихода — Эсты, прочія же народности здѣсь пришлыя.



Леальскій приходъ.

Свящ. Александръ Вятчъ.

Леальскій приходъ занимаетъ площадь величиною около 430 квадратныхъ верстъ. На этомъ пространствѣ однако нѣтъ ничего замѣчательнаго въ топографическомъ отношеніи: ни красота природы, ни особенныхъ видовъ; напротивъ, вся мѣстность отличается бѣдностью: одиночные кустарники ольхи, чахлая береза и громадное количество дикаго камня — вотъ природныя богатства Леальскаго прихода. Центръ прихода съ главными учрежденіями своими находится въ мѣстечкѣ Леаль, отъ котораго приходъ и получилъ свое названіе. Какъ во всемъ приходѣ, такъ и здѣсь нѣтъ ничего особеннаго въ вышеуказанномъ отношеніи.

Съ обоихъ концовъ своихъ, т.-е. съ сѣверо-востока и юга, Леаль защищается двумя возвышенностями и, находясь между ними, скрывается какъ бы въ ложбинѣ или въ громадной впадинѣ. Черезъ самую средину Леаля, въ направленіи отъ востока къ западу, протекаетъ ручеекъ, дѣлящій его на двѣ части: верхній и нижній Леаль. Онъ приноситъ собою воды съ мызныхъ полей весною и осенью, а лѣтомъ совсѣмъ пересыхаетъ. Болѣе значительныя ручьи находятся, одинъ — на сѣверо-востокѣ, въ 10 верстахъ отъ него, беретъ свое начало изъ болотъ и называется Казаринскою рѣкою; другой — въ двухъ верстахъ отъ него, на сѣверо-западѣ, называется Туди или Алакюларѣка. Онъ беретъ свое начало изъ болотъ въ 4 верстахъ отъ Леаля, изъ болотъ Туху. Всѣ эти ручьи впадаютъ въ море или Матцальскій заливъ, отстоящій отъ Леаля въ 4 верстахъ. Заливъ этотъ мелководенъ и лѣтомъ высыхаетъ на далекое разстояніе отъ береговъ и потому пригоденъ для судоходства развѣ только на маленькихъ рыбацкихъ лодкахъ.

Въ направленіи съ востока на югъ и съ сѣвера на западъ Леаль окружаютъ въ настоящее время поля и пастбища. За первыми тянутся сначала сѣнокосы, а потомъ болота на далекое разстояніе; за вторыми открывается море.

Изъ памятниковъ древности замѣчательнѣе въ Леальскомъ приходѣ замокъ, бывшій нѣкогда твердынею нѣмецкой рати противъ нападеній враговъ. Съ двухъ сторонъ эти развалины окружены ровомъ, который благодаря своей глубинѣ почти въ теченіе цѣлаго

года сохраняетъ въ себѣ воду. Лучшій видъ на развалины представляется со стороны рва. Во внутреннихъ частяхъ видны коридоры и галлерей, которыя нынѣшними владѣльцами употребляются вмѣсто погребовъ и ледниковъ. Въ окружности развалины простираются до 100 сажень или больше, длина ихъ сажень 50, ширина же не болѣе 10 саж. Значеніе свое настоящая мыза получаетъ именно отъ этихъ развалинъ и на этомъ основаніи и называется Шлоссъ-Леалемъ, т.-е. замокъ-Леаль.

О времени постройки замка, какъ и женскаго монастыря, заключавшагося въ немъ, историческія данныя расходятся. По Рюссову какъ замокъ такъ и монастырь были устроены первымъ епископомъ Леальскимъ Германомъ въ 1204—5 г.¹⁾ Но извѣстіе это едва ли достовѣрно, такъ какъ первымъ епископомъ Леальскимъ и Эзельскимъ былъ Теодорихъ, аббатъ Динаминдскаго монастыря, посвященный въ санъ Рижскимъ епископомъ Альбертомъ въ 1212 г.²⁾ Съ этого времени, по всей вѣроятности, началась и постройка замка. Это подтверждается тѣмъ, во-первыхъ, что шведскій король Іоаннъ, желая покорить Эстонию, высадился на роталійскомъ берегу (въ Мясмызскомъ приходѣ), но остановился въ Леальскомъ замкѣ; во-вторыхъ, что 8 августа 1220 года, Эзельцы окружили Леальскій замокъ и сожгли его, и наконецъ, въ-третьихъ, что по раздѣлу земель, произведенному Эзельско-Леальскимъ епископомъ Генрихомъ въ 1241 году между Эзельскою каедрою и орденомъ Меченосцевъ, онъ уступилъ рыцарямъ (ордену) деревню „Lehale“, которая находилась непосредственно предъ замкомъ³⁾. Изъ этого надо заключить, что замокъ былъ построенъ и возобновляеъ между 1212—1235 г., по кѣмъ и когда именно, неизвѣстно. Деревня, доставшаяся рыцарямъ, должна была имѣть при себѣ землю, доходами съ коей могли пользоваться рыцари. Черезъ два года, именно въ 1237 году произошло соединеніе Ливонскаго ордена Меченосцевъ съ Тевтонскимъ орденомъ, при чемъ всѣ права въ отношеніи владѣній перешли къ послѣднему. Слѣдовательно, и Леаль и деревня сдѣлались собственностію Тевтонскаго ордена, тогда какъ замокъ съ монастыремъ оставался за Эзельскимъ епископомъ. По соединеніи орденовъ пошли особые порядки, областное управленіе получило свой опредѣленный видъ и форму. Мѣстами были такъ называемые орденскіе дома или замки, въ коихъ проживало до 70 рыцарей. Ими управлялъ командоръ, высшій сановникъ послѣ орденскаго магистра и ландмаршала. Командоры обязывались доносить магистру о состоянціи своихъ замковъ. Они были въ зависимости въ болѣе важныхъ дѣлахъ отъ капитула, или собранія управляемыхъ ими братіи, и вмѣстѣ съ послѣдними вѣдали дѣла судебныя, полицейскія, финансовыя и военныя. Одинъ изъ такихъ командоровъ занималъ Леаль. Гдѣ здѣсь находился домъ командора, съ точностію нельзя указать. По актамъ архива Леальскаго фогтейскаго суда, относящимся до второй половины XVIII вѣка, замковыя постройки занимали три мѣстности: одна — гдѣ развалины, другая — въ 2 верст. отъ первой къ сѣверо-востоку, называвшаяся въ XVIII вѣкѣ „Lehalist“, теперъ же „Lihunsi“ и гдѣ еще

¹⁾ Рюссовъ, IV, § 4.

²⁾ Генрихъ Лат., XV, 4.

³⁾ Urkundenbuch Бунге, № 170.

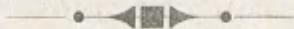
въ 1788 году существовало земляное укрѣпленіе (Schanze), настолько обширное, что въ серединѣ его можно было посѣять 2 пуръ зерна. Накопецъ, третья мѣстность — отъ теперешней Леальской мызы въ верстѣ къ востоку, называемая Undiauk (по-русски — волчья яма). Здѣсь въ XVIII вѣкѣ были видны мощеная улица и фундаменты домовъ. Сопоставляя извѣстіе изъ Urkundenbuch Bunge о томъ, что деревня „Lehala“, переданная рыцарямъ, находилась передъ епископскимъ замкомъ, съ тѣмъ обстоятельствомъ, что монастыри устраивались обыкновенно на мѣстахъ, защищенныхъ и, слѣдовательно, безопасныхъ, мы должны допустить, что въ первой мѣстности былъ замокъ рыцарскій и продолженіемъ его, по направленію къ мѣсту, занимаемому лютеранскою киркою, монастырь, за которымъ начинались жилища бюргеровъ, во второй передовое укрѣпленіе, а въ третьей — также мѣста обиталищъ бюргеровъ. Такимъ образомъ Леаль представлялъ изъ себя почти прямоугольный треугольникъ, въ самомъ основаніи котораго былъ замокъ рыцарскій и монастырь, а по сторонамъ въ видѣ крыльевъ бюргеры, которые по первому зову командора должны были отправляться на войну. Бюргеры основывались около рыцарскихъ замковъ въ качествѣ авангарда и пользовались отъ нихъ и монастырей даровой землей; впоследствии уже, расширяя свой поселокъ, они дѣлались собственниками этой даровой земли и образовывали тамъ городъ. Такъ возникли Нерновъ, Гапсаль, Венденъ, Вольмаръ, Валкъ, Феллинъ, Митава, Газенпотъ, Гольдипгенъ, Виндава и Кокенгузенъ ¹⁾.

Считаю необходимымъ закончить напоминовеніемъ, что Війкъ, т.-е. береговая полоса, простирающаяся отъ Гапсаля до сѣверной границы Лифляндской губерніи, — представлялъ изъ себя старинную русскую вотчину. Подъ Леалемъ еще въ XVI вѣкѣ была гавань, куда русскіе купцы доставляли свои товары. Объ этомъ сохранились свѣдѣнія въ Гапсальскомъ городскомъ архивѣ. Когда съ теченіемъ времени гавань эта обмелѣла, корабли съ товарами стали останавливаться подъ Вердеромъ. Что Русскіе жили въ Війскѣ совершенно осѣдло, объ этомъ свидѣлствуютъ и историческія данныя. Такъ, напр., въ первой половинѣ XIII вѣка упоминается здѣсь русское село Вендекюль. Наконецъ, въ XIV вѣкѣ упоминается о южномъ Війскѣ, именно около Леаля, мѣстность „Russen-Ngrave“. Полагая, что послѣднее слово тождественно съ словомъ Grab — могила, мы можемъ предположить, что здѣсь существовало русское кладбище. Самый Леаль былъ хорошо извѣстенъ московскимъ воеводамъ. Въ архивныхъ разрядахъ 1575 г. находимъ: „Зимою посылалъ государь подъ Колывань намѣстника Юрьевскаго князя Шейдакова, а велѣно воевать отъ Раковора до Колывани и асельскія мѣста и Подцыканія, къ Кеги, Падежу, Каету, Филку, Викели, Лоде и Леалю“... Въ одномъ изъ документовъ Леальскаго фогтейскаго суда, относящемся къ 1788 г. сказано, что воины Іоанна Грознаго взорвали церкви въ Леалѣ, коихъ было семь. Это могло быть въ 1576 г. Съ этого времени, по Руссову, Русскіе остаются въ Війскѣ, а нѣкоторые ливонскіе дворяне поселяются у нихъ, или отправляются въ Москву въ службу къ великому князю.

Изъ нѣкоторыхъ дѣлъ Леальскаго фогтейскаго суда, относящихся до первыхъ временъ русскаго владычества, мы находимъ, что въ Леалѣ постоянно жили Русскіе,

¹⁾ Исторія Ливоніи, Чешихива, т. 2, выпускъ 6, стр. 288.

имѣвшіе здѣсь торговыя лавки. Такъ, напр., упоминается о нѣкоторомъ купцѣ Ефимовѣ, который уплатилъ за другого въ Гапсальское казначейство взносъ въ размѣрѣ 10 рублей (Kapitalsteuer). Равнымъ образомъ, изъ отвѣговъ этого же суда, относящихся къ 1788 г. и данныхъ на вопросные пункты ревальскаго помѣстническаго управленія, видно, что въ Леалѣ жили и Нѣмцы, и Русскіе и что вѣроисповѣданій было два: лютеранское и *русское*. Извѣстно также что въ 1765 г. полковникомъ фонъ Шиллингомъ для стоявшаго въ Леалѣ въ то время Казапскаго пѣхотнаго полка была построена дерев. церковь, упраздненная послѣ перевода полка.



ESTICA
B-60
2292

